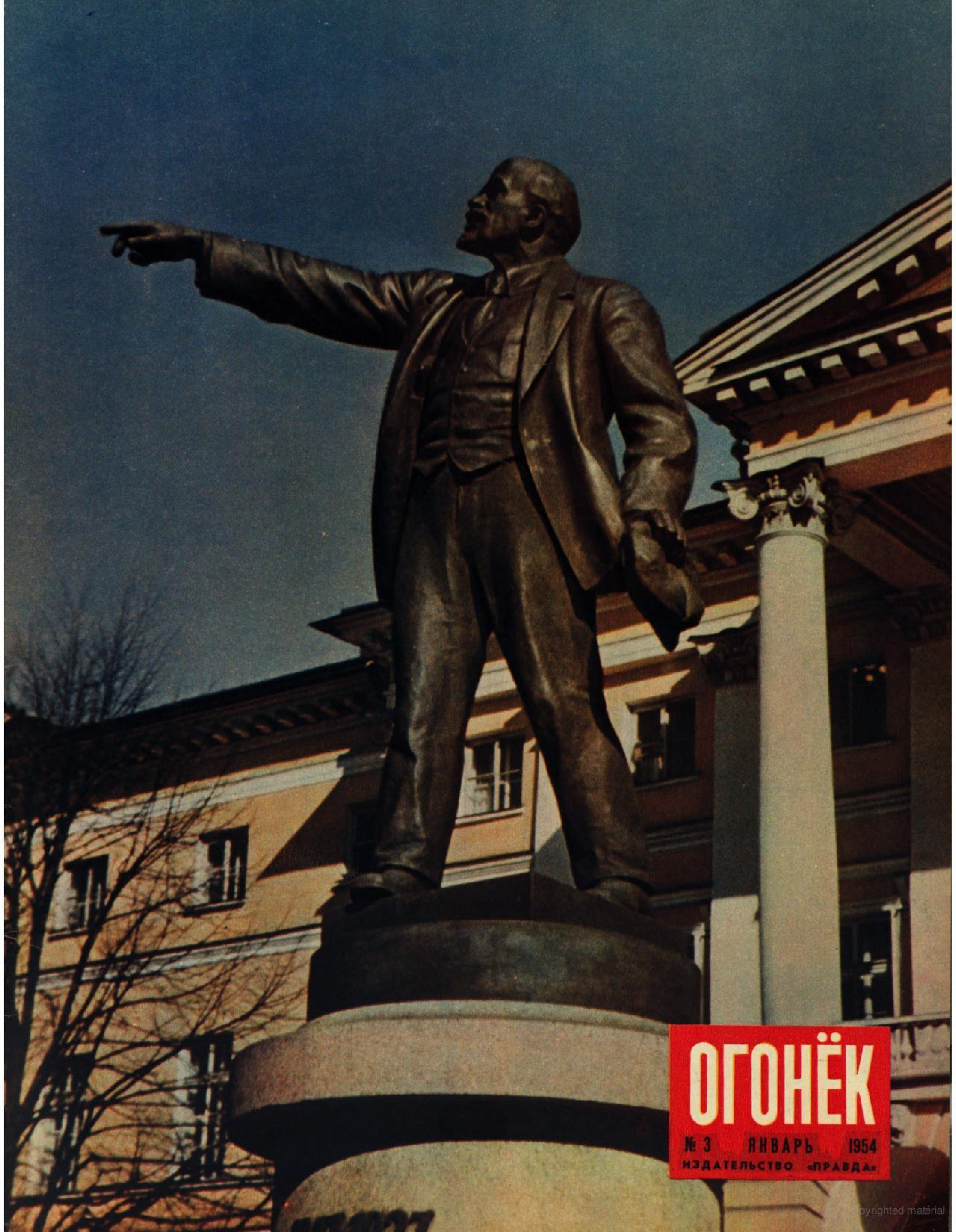
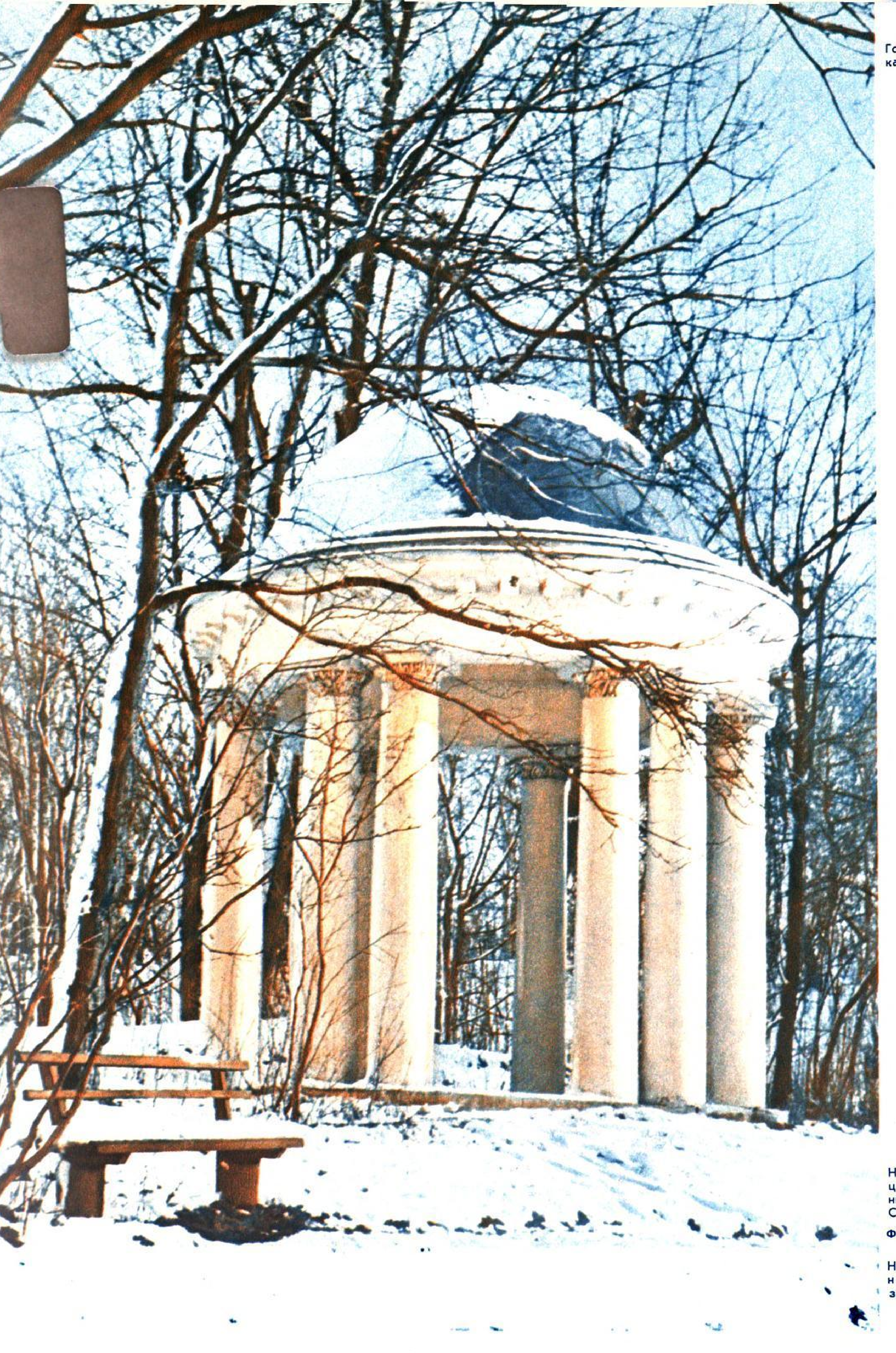

ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Горки Ленинские. Беседка в парке дома-музея В. И. Ленина.

Фото А. Узляна.

На первой странице обложки: Памятник В. И. Ленину перед Смольным в Ленинграде.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Мавзолей В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Фото Я. Рюмкина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 3 (1388) 17 ЯНВАРЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Рисунок **В. Климашина.**

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ

ЛЕНИН! Тридцать лет минуло с того дня, когда умер величайший гений мира, основатель и руководитель Коммунистической партии Советского Союза, создатель нашего советского социалистического государства, бессмертный вождь и учитель всех народов земли. Вдохновенный ленинский образ неизгладим в памяти человечества, идеи Ленина освещают путь в будущее, к высотам коммунизма.

Чем дальше удаляемся мы от того скорбного дня, когда закрылись ленинские орлиные очи, чем глубже изучаем бессмертные ленинские заветы, чем больше проникаем в смысл его гениальных провидений, тем грандиознее предстает перед нами титан человеческой мысли, титан революционной мысли — Ленин.

Он был не только великий ученый, философ, мыслитель, оставивший нам драгоценнейшее сокровище — науку о том, как проложить дорогу к коммунизму, как покончить человечеству с нищетой, голодом, варварством, угнетением, эксплуатацией человека человеком,— Ленин был и великим строителем государства трудящихся, впервые на земле, реально, усилиями самих трудящихся воздвигнутого.

РАССКАЗ О ЛЕНИНЕ.
Фото Г. Графкина.

Светлое учение Ленина проникло во все страны, все народы ощутили на себе его животворное влияние, в сердцах миллионов трудящихся его имя окружено самой искренней и чистой благодарностью и любовью.

Советские люди свято чтут память Владимира Ильича Ленина. Наш героический народ, закаленный в испытаниях и вековой борьбе за свою свободу и независимость, как будто из самых глубоких недр своих душевных и нравственных сил создал такой гениальный ум, родил такого исполина, который бесстрашно взглянул на жизнь угнетенного человечества и с неслыханной храбростью и железной волей повел его в битву за полное обновление жизни на земле. В страшной буре сопротивления, организованной всеми темными силами реакции, мира капитализма, тления и распада, Коммунистическая партия под водительством великого Ленина провела грозный корабль Революции, победила врагов народа, заложила основы для будущих грандиозных побед в строительстве нового, социалистического государства. Сегодня по этому пути уже идет пятисотмиллионный Китай, идут страны народной демократии, претворяющие в жизнь идеи ленинизма.

Борьба за мир, за демократию, за социализм идет под знаменем ленинских гениальных предначертаний, под воздействием ленинских идей, которые доступны всем, кто способен найти в себе силу пойти на бой за счастливое будущее грядущих поколений, кто стоит за честь и свободу своего народа.

Ленинские речи и высказывания, статьи и книги — наше боевое оружие. Как гений, насыщенный гигантским опытом и знанием, Ленин охватывал жизнь всего мира, проникал в глубину истории и в широкие просторы грядущего.

Но при этом мировом размахе своей постоянной напряженной работы он никогда не пренебрегал тем, что кажется на первый взгляд мелочами.

«Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое,— в этом один из важных заветов Ильича»,— писал продолжатель дела Ленина товарищ Сталин в первую годовщину смерти Владимира Ильича.

Этого не должен забывать ни один труженик, ибо в своем трудовом творческом подъеме он выполняет высокий долг перед советским народом, перед Родиной, перед великими заветами мудрого Ленина.

Память о Ленине вечно будет жить в сердцах людей. Идеи ленинизма всегда будут освещать наш победоносный путь к конечной цели — к коммунизму, объединяя миллионы трудящихся вокруг организатора всех наших побед — Коммунистической партии Советского Союза!

Николай ТИХОНОВ

Здесь, во втором инструментальном цехе завода «Динамо», называвшегося тогда «Электросилой», в 1921 году выступал Владимир Ильич.
Недавно в этом цехе собрались старейшие производственники завода, которые слушали Ленина. Слева направо: слесарь Василий Алексеевич Александров, слесарь Петр Григорьевич Григорьев, токарь Тихон Георгиевич Выжгин, слесарь Сергей Федорович Назаров, мастер Иван Макарович Васильев, инженер-технолог Константин Алексеевич Кухаркин, контролер ОТК Василий Васильевич Земцов.
Фото М. Савина.

МОСКВА ЛЕНИНСКАЯ

Москва, сердце нашей Родины...

Вечером 11 марта 1918 года из Петрограда в Москву со специальным поездом прибыл Совет Народных Комиссаров РСФСР во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

Москва стала столицей первого в мире социалистического государства.

В день переезда в Москву Владимир Ильич написал удивительную по глубине и силе исторических обобщений, беспощадно правдивую, окрыленную ясным и светлым взглядом в будущее статью «Главная задача наших дней».

Эпиграфом для статьи Ленин избрал некрасовские стихи:

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь!

«История человечества,— писал Владимир Ильич,— проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение... из бездны страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира...»

Именно в этой статье, написанной в первый день пребывания в Москве, Ленин бросил в народ незабываемые, бессмертные слова:

«У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция,— чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

Священными для народа, для всего трудящегося человечества стали места в Москве, связанные с жизнью и деятельностью Ленина, и самое имя — Москва — стало олицетворением ленинской правды, ленинских идей, открывших для миллионов тружеников всего земного шара путь в будущее — к коммунизму.

Это здесь, в Москве, за древними стенами Кремля, весной 1918 года при обсуждении вопроса об электрификации промышленности Москвы и Петрограда Владимир Ильич делает первые наметки будущих грандиозных работ и утверждает проект сооружения первенца электрификации России — Волховской ГЭС.

В суровые, грозные дни, когда в городах не хватало продовольствия и топлива, крестьяне подмосковных деревень привозили в Кремль дрова и наказывали истопникам потеплее натапливать печи в комнате Ильича.

А Ленин в то время обдумывал величественный план электрификации всей России, сотворения мощной социалистической индустрии, крупного, развитого, оснащенного чудесными машинами сельского хозяйства.

В самое тяжелое для молодой Советской республики время Ленин смотрел далеко вперед, видел наш сегодняшний день, его людей, его свет, его солнце.

Ленин жил помыслами народа, всегда был в самой гуще народа, бывал на фабриках и заводах Москвы, обращая к людям простые и пламенные, зажигавшие сердца слова. С весны 1918 года по осень 1922 года Владимир Ильич выступал в Москве 248 раз, не считая выступлений в ЦК партии, на заседаниях правительства, на съездах и конгрессах.

Старики-мастера, ветераны завода имени Владимира Ильича, которые работают здесь с конца прошлого века и помнят порядки чужеземца-заводчика Михельсона, которые видели царских казаков у своих цехов в 1905 году, хранят в памяти дни, когда к ним на завод приезжал Ленин, говорил, как нужно трудом и неустанной заботой отстаивать родную власть, молодое Советское государство. И в

В 1921 году Ленин наблюдал пробную пахоту первым электроплугом. Из года в год все шире электрифицируется сельскохозяйственное производство. На снимке: электротракторы Кузьминской МТС Рыбновского района, Рязанской области, перед выходом в поле.

ответ на слова его, всегда доходчивые и ясные, рабочие отвечали бурей рукоплесканий и тут же возвращались в цехи, чтобы воплощать ленинские слова в дело, отвечать на них доблестным, геройским трудом.

Рабочие «Динамо», который назывался в те годы «Электросилой», с огромным душевным волнением слушают воспоминания о том, как Ленин выступил на заводе с речью о четвертой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. «Правда» писала тогда: «Жадными, сверкающими глазами рабочие впились в фигуру Ильича. Слушают напряженно, внимательно, боясь упустить слово из речи своего вождя».

Навеки вошли в сердце народа ленинские слова, прозвучавшие на этом собрании: «Человек с ружьем — страшный в прошлом в сознании трудящихся масс — не страшен теперь, как представитель Красной Армии, и является их же защитником».

Один из старейших рабочих завода вспоминает:

«Товарищ Ленин подробно нас расспрашивал, как мы живем, работаем, в чем нуждаемся, как обстоит дело с топливом, какую продукцию выпускает завод, каков заработок рабочих, каково питание, как работают специалисты. Мы не успевали отвечать, как Ленин задавал новые вопросы.

Но особенно его интересовали вопросы электрификации: «Может ли ваш завод электрифицировать деревню?» — спросил Ленин, и во всех последующих вопросах он затрагивал мысль об электрификации и наш завод он считал одной из баз электрификации страны».

Прошли годы, и гениальные ленинские замыслы претворены в жизнь энергией народа, подвигом Коммунистической партии. Тот же завод «Динамо» стал одним из крупнейших предприятий электротехнической промышленности. Его электромоторы приводят в движение механизмы угольных шахт, его приборы автоматического управления действуют на шлюзах Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, его автоматические устройства помогают почти без участия человеческих рук направлять работу грандиозных гидроузлов и электростанций.

Во всех концах нашей страны и далеко за ее рубежами почетную известность имеют машины с маркой московских заводов. Москва советская, индустриальная, производит по стоимости в полтора раза больше продукции, чем в 1913 году могла производить даже при помощи иностранного капитала вся Российская империя. Уже в 1951 году, первом году пятой пятилетки, промышленная продукция фабрик и заводов Москвы увеличилась примерно в 38 раз по сравнению с дореволюционным временем. Один только Автозавод имени Сталина по стоимости своей продукции дает стране больше, чем в 1913 году давали все московские предприятия, вместе взятые.

Москва стала городом величайшего технического прогресса. Рабочие, инженеры, ученые Москвы создают творения совершенной техники, о которых недавно можно было только мечтать: чудесные линии — «улицы» автоматических станков, целые автоматические заводы.

В жизненном ритме Москвы, стремительном, бурном, мы узнаем тот расцвет сил и талантов, который предвещал Ленин. В нашей столице мы узнаем всю нашу страну, ее вдохновенную окрыленность, предсказанную Лениным.

В эти дни, когда под руководством партии и правительства народ развернул борьбу за новый мощный подъем сельского хозяйства, мы возвращаемся взволнованной мыслью к тому времени, когда Владимир Ильич вместе с М. И. Калининым посетили Бутырский совхоз близ Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. 22 октября 1921 года Ленин наблюдал на Бутырском хуторе пробную пахоту первым электроплугом. Владимир Ильич говорил тогда, что применение новейшей техники возможно только в крупном хозяйстве, на больших посевных площадях. Ныне волей партии и народа социалистическое сельское хозяйство вооружается неисчислимым множеством тракторов и разнообразнейших уборочных машин. Наше сельское хозяйство — самое механизированное сельское хозяйство в мире, и москвичам радостно знать, что на многих машинах, облегчающих труд мастеров земледелия, стоит славная марка «Москва».

Народ бережно хранит все, что напоминает о Ленине, вечно живом для нас. В Сокольниках, в 6-м Лучевом просеке, стоит скромное двухэтажное здание бывшей Лесной школы, ныне детского санатория. 19 января 1919 года Владимир Ильич побывал здесь на елке; в ту зиму он часто приезжал сюда, заходил в машинное отделение, снабжавшее школу электроэнергией, беседовал с монтером. Теперь это здание отдано детям, как и многие здания столицы, как был отдан детям Георгиевский зал в Кремле в дни зимних каникул.

Ленин любил детей, он жил и творил во имя счастливого будущего молодежи. Молодые москвичи хорошо знают нарядное здание на улице Чехова — Государственный театр имени Ленинского комсомола; 2 октября 1920 года Владимир Ильич выступил здесь на заседании III Всероссийского съезда Российского Коммунистического Союза молодежи. Обращаясь к юношам и девушкам, он сказал: «...то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество и само будет строить это общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества».

Ленинский завет стал законом жизни для всей советской молодежи. Многие из участников съезда, внимавших словам Ильича, проявили свои способности и таланты в благородном деле служения народу, стали учеными или полководцами, министрами или инженерами, агрономами или учителями. А театр, носящий славное имя Ленинского комсомола, несет новому поколению молодежи великую правду, поведанную людям русскими писателями, которых так любил Ленин, сценический рассказ советских драматургов о нашей жизни, рассказ о юности Володи Ульянова, бессмертного Ленина.

Многое хранит Москва в память о Ленине, но ленинское живет прежде всего в самих людях Москвы, целеустремленных, полных энергии, связанных тысячами нитей со всей страной, со всем народом.

В помыслах простых людей мира слово «Москва» отождествляется с грандиозным делом нашего государства. Москва на всех языках — это социализм, это свобода, это счастье, это мир и дружба всех народов земли.

Гости Москвы, приезжающие со всех концов земного шара, видят, как в древней русской столице, в каменной ее колыбели, вырос новый, социалистический город, светлый, прекрасный, величавый. От башен Кремля, венчающих центр столицы, до самых далеких окраин поднялись сотни, тысячи новых зданий, а там, выше, пронзая своими шпилями облака, виднеются массивные и в то же время легкие по очертанию башни высотных зданий и самое грандиозное из них — Дворец науки на Ленинских горах.

Глядя на Москву 1954 года, невольно вспоминаешь слова Ленина, которые произнес он на Красной площади 1 мая 1919 года:

«До сих пор, как о сказке, говорили о том, что увидят дети наши, но теперь, товарищи, вы ясно видите, что заложенное нами здание социалистического общества — не утопия. Еще усерднее будут строить это здание наши дети».

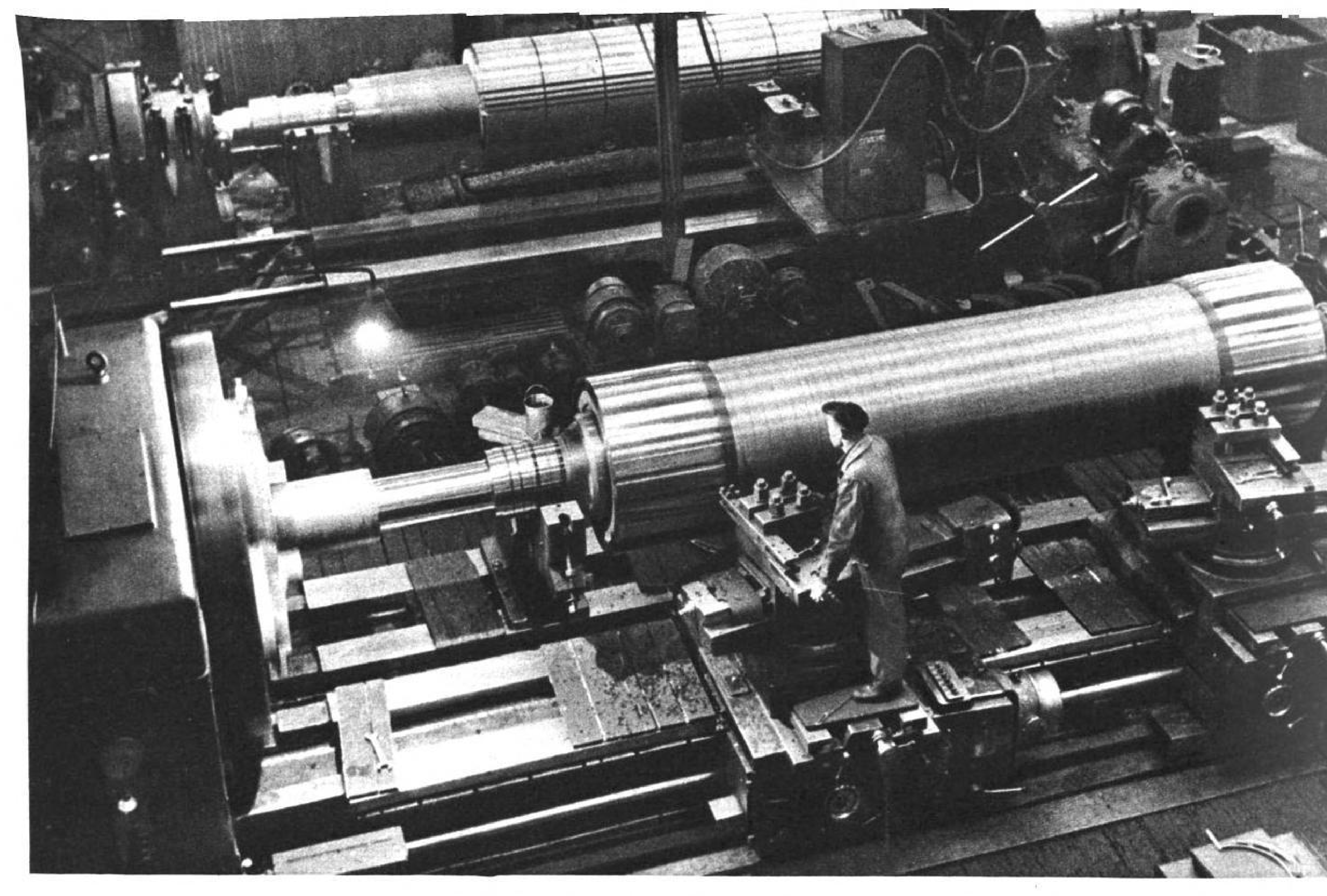
Мысль о Ленине, ленинское в сердцах миллионов людей хорошо выразил во время своего пребывания в Москве сын китайского народа, пламенный защитник мира писатель Го Мо-жо:

«Дыхание великого человека мы чувствуем, слышим всюду, везде, на всей планете».

Евгений КРИГЕР

Спустя тридцать пять лет... Елка в Сокольническом детском санатории, бывшей Лесной школе.
Фото И. Тункеля.

В одном из цехов завода «Электросила».

Фото С. Фридлянда.

Жизнь Бориса Лежнева

А. СТАРКОВ

Этот день всегда в памяти, с его небывало лютой стужей, с людскими толпами, которые почти бесшумно, в скорбном молчании текут по улицам, с дымными кострами на площади перед Зимним дворцом. Костров зажжено пятьдесят четыре — пятьдесят четыре года прожил Ильич... Резкий балтийский ветер, налетая порывами, пробует погасить пламя, а оно то стелется по земле, то высоко взметается над нею, трепещет, бьется, живет. Тогда ветер набрасывается на траурные флаги, пытаясь сорвать их с древков, и тоже тщетно. Мороз становится все крепче, уже не только говорить — дышать трудно, но ни один человек не уходит с площади. Люди стоят молча, тесно прижавшись друг к другу, и где-то в этой толпе затерялся Боря Лежнев, девятилетний мальчуган, которого мать отпустила утром из дому на полчаса, а теперь, беспокоясь, что долго не идет, ищет его, бегая по соседям.

Тишина на площади такая, что слышно, как потрескивают поленья самого дальнего костра. И вдруг эту тишину разрывает грохот орудий. Заговорили батареи Петропавловской крепости. К орудийному гулу присоединяются печальные голоса заводских, паровозных, корабельных гудков. В Москве хоронят Ленина... И все живое замирает. Замерли люди на площади, сдвинувшись еще плотнее. Остановились трамваи, автомобили, извозчичьи повозки. Даже ветер, казалось, где-то на полпути от моря к городу приостановил свой лёт, затих. И затихло пламя над кострами, перестало трепетать и биться, будто застыло в холодном воздухе. Недвижно повисли флаги на древках... Мужчины стоят, обнажив головы, и шустрый питерский мальчуган, притихший, безмолвный, сразу повзрослевший, тоже снял ушанку и стоит, боясь шелохнуться, не замечая холода, не чувствуя, как на щеках замерзают слезы...

И еще один день всегда в памяти.

Тот же тысяча девятьсот двадцать четвертый год. Та же площадь, на которой горели костры. Но уже не январь, а май. Из-за Нарвской заставы и с Петроградской стороны, с Охты и с Васильевского острова сошлись сюда пионерские отряды. Собралось несколько сот пионеров. Они прошагали через город со знаменами, под барабанный бой, и постовые милиционеры отдавали им честь.

Отряды выстроились вдоль трибуны. Впереди знаменосцы и барабанщики. Взгляните вон на того барабанщика, крайнего справа. Это Боря Лежнев. Он только вчера принят в пионеры, а ему уже доверили барабан. Правда, красного галстука у него еще нет.

Из Москвы пришла весть, что пионерской организации присвоено имя Ленина. Об этом говорит старый большевик, поднявшийся на трибуну. Этот человек знал Ильича, встречался с ним в подпольных кружках, выполнял его задания. Старый большевик держит в руке лист бумаги со словами торжественного обещания и начинает читать:

— Я, юный пионер... буду твердо стоять за дело рабочего класса...

— ...рабочего класса,— откликается площадь.

— ...буду честно и неуклонно выполнять заветы Ильича...

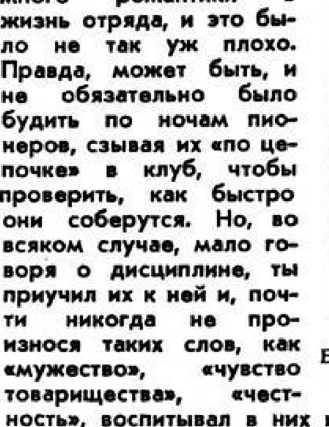
— ...выполнять заветы Ильича...— клянется площадь.

Бьют барабаны. Вожатые повязывают красные галстуки тем, у кого их не было. Барабаны бьют еще громче, отряды разворачиваются и уходят с площади. Снова маршируют они через город, и снова милиционеры на перекрестках берут под козырек...

Отряд, в котором состоял Боря Лежнев, собирался в клубе при ткацкой фабрике. Вожатый отряда комсомолец Андрей был слесарем этой фабрики и учился на рабфаке. Где ты сейчас, наш славный Андрей, которого мы никогда не видели хмурым? Никто не обучал тебя искусству воспитания, а как умел ты разговаривать с ребятами! Твой бывший пионер,

Борис Николаевич Лежнев (слева) и токарь С. П. Тишин беседуют дома.

Борис Николаевич Лежнев, секретарь партбюро, отец семейства, до сих пор помнит, как ты, уличив его однажды в какой-то крошечной мальчишеской неправде, сказал: «Поглядись-ка в зеркало, Боря... Твой красный галстук побледнел от стыда...» — и всем ребятам, стоявшим рядом, показалось, что борин галстук действительно потускнел... Ты вносил, вожатый Андрей, много романтики в жизнь отряда, и это было не так уж плохо. Правда, может быть, и не обязательно было будить по ночам пионеров, сзывая их «по цепочке» в клуб, чтобы проверить, как быстро они соберутся. Но, во всяком случае, мало говоря о дисциплине, ты приучил их к ней и, почти никогда не произнося таких слов, как «мужество», «чувство товарищества», «честность», воспитывал в них и мужество, и чувство товарищества, и честность.

Поколение, которому к началу тридцатых годов исполнилось четырнадцать—пятнадцать лет, быстро взрослело. Летом еще — в пионерском лагере, а осенью — уже фабзавучник, почти самостоятельный рабочий человек. Твой первый, пусть учебный, пусть старенький, но все же станок... Первая сделанная тобой деталь, которая останется для тебя самой памятной и дорогой. Первая твоя получка — двадцать три рубля сорок семь копеек! — которую ты приносишь домой и чуточку небрежно (это, мол, для нас обычное дело) кладешь матери на стол... И первый нагоняй, полученный от начальства...

А начальство — это Алексей Семенович Федин, директор фабзавуча. Вот уж не похож он был на директора! В кабинете не сидел, приказов не писал. Когда его, старого токаря, старого коммуниста, назначили в фабзавуч, он так и сказал в парткоме: «Хлопцев уму-разуму научу. А от канцелярии увольте, бумаг с меня не спрашивайте». На заводе Федин с малых лет. Дороже завода ничего для него не было. Он и само название завода произносил как-то по-своему, по-особенному, с роздыхом, в два приема: «Электро-сила»,— делая ударение на второй половине — сила! Знал здесь каждый уголок, каждый гвоздик. И если уж чего просил — станок ли, инструмент какой для училища, — ни один, даже самый прижимистый, начальник цеха не решался отказать старику... Ребята звали его между собой Тарасом Бульбой за усы невероятных размеров, отпущенные вниз, и души в нем не чаяли. В книгах они читали и про забастовки, и про революцию, и про гражданскую войну, но когда о том же рассказывал Федин, это было еще интереснее, чем в книгах.

Человек он был справедливый. Голоса поднимать не любил, страшить не умел. И всетаки каждый из ребят готов был лучше «сто верст босиком по гвоздям пройти», чем выслушать упрек Алексея Семеновича. Он и на Бориса Лежнева не накричал, узнав, что тот нагрубил мастеру, а сказал лишь: «Выходит, ошибся я...» И еще в виде вопроса: «Мать у тебя, кажется, партийная?» Все. Ничего больше не добавил. А уж смысл в слова вкладывай сам, расшифровывай, как хочешь. В чем он ошибся? В том, что дал рекомендацию в комсомол? Или еще в чем? Бывает, на тебя целую речь обрушат, но ты о ней тут же и забудешь. А бывает, несколько слов скажут, и ты их несешь в себе всю жизнь. Такие слова и умел находить старый Федин.

Вот и выпущены птенцы в полет... Да нет, пожалуй, птенцами их уже не назовешь: крылья у них крепкие! Алексей Иванович Зверев, строгальщик, которому дали в ученики Бориса Лежнева, через неделю пошел к мастеру: «Забирайте парня». «Чем недоволен? Плох выпускник?» «Плохого не отдал бы. А у этого квалификация! Заберете из учеников — возьму в сменщики».

В то время в турбокорпусе, огромном, недавно построенном цехе, где работал Борис, выполняли заказ Днепрогэса. Пять из девяти генераторов для гидростанции на Днепре были заказаны иностранной фирме и четыре — «Электросиле».

Даже сейчас, через столько лет, вспоминая о той, «днепровской», поре, заводские ветераны волнуются, как бы заново переживая уже пережитое. Знали, что у иностранцев явное преимущество — колоссальный опыт, но всетаки вступили с ними в соревнование. Известно, чем оно кончилось: электросиловские генераторы стали в один ряд с заокеанскими, ни в чем им не уступив.

В цехе рядом с продольно-строгальным станком Лежнева стояли два таких же: станок Вени Земцовского, приятеля еще по фабзавучу, и Кирилла Логунова, который немножко постарше, но тоже комсомолец. Три строгальщика — комсомольская бригада. Кирилл бригадиром. Сначала выбрали Земцовского. Но он, горячая душа, не ладил с мастерами. Нужно сменить инструмент — пойдет, пошумит, поругается и вернется частенько ни с чем. А у Логунова характер ровный, голос негромкий, но если уж что надо бригаде, из-под земли достанет, без шума, без крика, спокойненько так все это сделает. У Лежнева характер тоже уравновешенный, похожий на логуновский, а вот нравится ему больше Веня, за его неугомонный, вспыльчивый, но, в сущности-то, добрый нрав...

Через много лет Лежневу довелось как-то проверять по заданию райкома партийную работу на одном из заводов. Вошел в цех и сразу услышал чей-то очень знакомый взволнованный голос. Прислушался: Земцовский! С кем-то спорит, чем-то недоволен... Все такой же, хотя и поседел. Обнялись, поговорили, вспомнили молодость, как ссорились и мирились, а помирившись, снова ссорились, и это никак не мешало дружбе. А как работали!

Молоденький строгальщик Боря Лежнев когда-то с уважением и, пожалуй, с удивлением смотрел на тех, кто провел на заводе пятнадцать — двадцать лет. А нынче он и сам в старожилах. Неужели двадцать три года? Совершенно точно, двадцать четвертый. Правда, за это время ему пришлось дважды, по его собственному выражению, «отлучаться» с завода. И оба раза на войну. Первая «отлучка» была короткой: в дни боев с белофиннами он служил на бронепоезде. Вторая «отлучка» затянулась: артиллерист-зенитчик Лежнев воевал почти четыре года — с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года...

Зенитная часть сначала защищала от воздушных налетов Волховскую гидростанцию, потом охраняла трассу, проложенную по льду Ладожского озера, «дорогу жизни»: по ней «Большая земля» посылала помощь осажденному Ленинграду, и по этой же дороге на «Большую землю» вывозили из города стариков, женщин, детей... Как-то на железнодорожной станции, вблизи которой стояли зенитчики, остановился эшелон с эвакуированными ленинградцами, и в одном из вагонов Лежнев увидел мать, сестру, племянницу. Когда эшелон двинулся дальше на восток, начался воздушный налет, и Лежнев вместе со своими товарищами стрелял из орудий по фашистским самолетам, защищая поезд.

В партию Лежнева принимали так: секретарь успел лишь зачитать заявление, рекомендации, как была объявлена тревога, заседание пришлось прервать. Голосовали уже после боя.

Вернувшись с войны, он чувствовал себя поначалу так, будто действительно лишь ненадолго отлучался из цеха: внешне тут мало что изменилось, хотя Лежнев знал, что завод много дней подряд подвергался бомбардировке и обстрелу и сильно пострадал. Но сейчас все было восстановлено, станки снова стояли на прежних местах, и его продольно-строгальный тоже находился там, где стоял раньше. Но вот кто-то рассказал, что около этого станка был убит осколком снаряда Алексей Иванович Зверев, тот самый строгальщик, который просил когда-то перевести Бориса из учеников в сменщики... И Лежнев совсем уже другими глазами взглянул на станок, политый кровью товарища... Да, многих нет. И много новых, незнакомых лиц. Молодежь преимущественно.

Вон у гигантского токарного станка хлопочет паренек лет семнадцати, ну, от силы восемнадцати. Он и так худенький, тщедушный, а около этой громадины и вовсе выглядит неказистым. Подобных станков нет больше на заводе, да и во всем Ленинграде сыщется, быть может, еще один такой. Расстояние между центрами — шестнадцать метров. Резец весит сорок килограммов! А для того, чтобы установить его, надо подняться на суппорт по лесенке, так он, этот суппорт, высок. Но все это, кажется, нисколько не смущает паренька. Он ловко забирается на станину и обмеряет обрабатываемую «деталь» с помощью микрометра, который раза в полтора больше самого токаря. А «деталь» мы взяли в кавычки, потому что весит она не один десяток тонн.

Позже Лежнев узнал фамилию хозяина уникального станка: Бутусов. Зовут Геннадием. Руки, говорят, золотые, а головушка — забубенная. Возни с ним было немало: никого не признавал...

Как и двадцать с лишним лет назад, снова шел днепровский заказ. На смену уничтоженным врагом машинам придут новые. Их так и называют: «Новый Днепр». Они будут лучше, экономичней, мощнее прежних.

Лежнев — у старого своего станка. Ни Земцовского, ни Логунова нету. Соседом справа— выпускник из ремесленного, разряд у него невысокий, четвертый. А слева и вовсе никого: логуновский станок стоит, как говорят моряки, на приколе, строгальщиков не хватает. Работы же по горло. Лежнев уходит домой к ночи, но все равно ему за двоих не управиться. За двоих? Конечно, стоя у одного станка, за двоих не сработаешь. А если... Нет, не было еще случая, чтобы один строгальщик обслуживал два станка. А может быть, попробовать? Надо только кое-что изменить в станках, произвести кое-какую модернизацию. Посоветуюсь со слесарями.

Слесари помогли так переделать станки, что стало легко управлять двумя.

Теперь Лежнев был хозяином двух строгальных. Но этого ему показалось мало. Есть еще резервы. Станки, на его взгляд, используются не на полную мощность. Можно поставить на каждом по два суппорта. А это все равно, что четыре станка в ходу.

Генераторы «Новый Днепр» удались заводу на славу. За участие в их создании строгальщику Лежневу была присуждена Сталинская премия.

...Декабрь пятьдесят третьего.

Секретарь партийной организации цеха Борис Николаевич Лежнев ведет бюро. Заседание расширенное, с активом. Пришли группарторги, мастера, новаторы. Народ — родной, близкий Лежневу.

Комната партбюро напоминает обычную цеховую конторку: стенка застеклена, и виден весь цех. Видно, как краны высоко, под самым потолком, проносят огромную стальную поковку. Вот о ней и идет сейчас речь. Это вал ротора первого Куйбышевского гидрогенератора. Собирать всю машину поручено другому цеху. А обрабатывать вал будут здесь, потому что только уникальному, уже знакомому нам токарному станку под силу эта махина...

Поковка поступила в цех с опозданием: завод-поставщик задержал ее на месяц.

У некоторых товарищей — они здесь, и им пришлось выслушать немало горьких слов — появилось настроение: раз поковка запоздала, сделать в срок не можем, не уложимся, и спрос не с нас, а с поставщика.

Партийное бюро вмешалось. Где пооперационный график? Почему выполнение такого важного заказа плохо контролируется? Кто виноват?

Словом, разговор пошел самый серьезный. Лежнев оглядывает собравшихся. Настроение людей ему уже ясно. Сделаем!

Вот сидит коммунист Геннадий Бутусов. Теперь это не забубенная головушка, а вполне степенный человек, награжденный орденом Трудового Красного Знамени. Ему предстоит обтачивать вал. От него многое зависит: и срок и качество. А качество требуется особое. Бутусову не сидится. Ему бы сейчас туда, на участок. Хоть и не его смена, а хочется поскорей уж потрогать руками поковку... Но уже сказано, что Геннадий Бутусов стал человеком степенным, выдержанным, и поэтому он сидит смирно, слушает.

Рядом с ним Тишин Серафим Петрович, тоже токарь. Он на другом участке, не имеющем никакого отношения к этому валу. Но он коммунист, член партийного бюро. Стоит у своего станка, а отлично видит, что делается у соседей, видит неполадки, а раз видит, то, как человек принципиальный, прямой, не может смолчать.

Андрюша Михайлов, слесарь, редактор стенной газеты, что-то чертит в блокноте, наверно, уже рисует макет завтрашнего номера, посвященного куйбышевскому заказу.

Хорошо с такими людьми!

Снова оглядывает Лежнев собравшихся на бюро. Вот они, его друзья-единомышленники, такие же, как он, рядовые солдаты великой партии...

В Горках

Дмитрий ОСИН

Кто попадет впервые в Горки
И хоть полдня пробудет здесь,
Где рдеют клены на пригорке,
А взгляд от дома не отвесть,

Тот унесет, как дар чудесный,
В душе средь будничных забот
И тишину,
И вид окрестный,
И все, что память сбережет.

Сквозит на солнце парк осенний,
Морозцем тронутый слегка,
Храня бессмертье тех прозрений,
Что озаряют нам века.

Лист золотой
И лист багряный,
Кружась, касаются перил...

Здесь зрели ленинские планы
И гений Ленина творил.

И ты глядишь,
Вздохнуть не смея:
Вот здесь работал он, мечтал,
Бродил, проснувшись, по аллеям,
Сердечно Сталина встречал.

Здесь, в зале, зимнею порою
С крестьянской бойкой детворою
Немые фильмы он смотрел;

Здесь летним вечером по-русски
Чай на балконе пил вприкуску
И отдыхал от всяких дел.

В Москву из этой вот передней
Звонил он — от врачей тайком.

Отсюда осенью последней,
Бывало, ездил в Совнарком.

Вот эти книжные страницы
За день до смерти он листал.

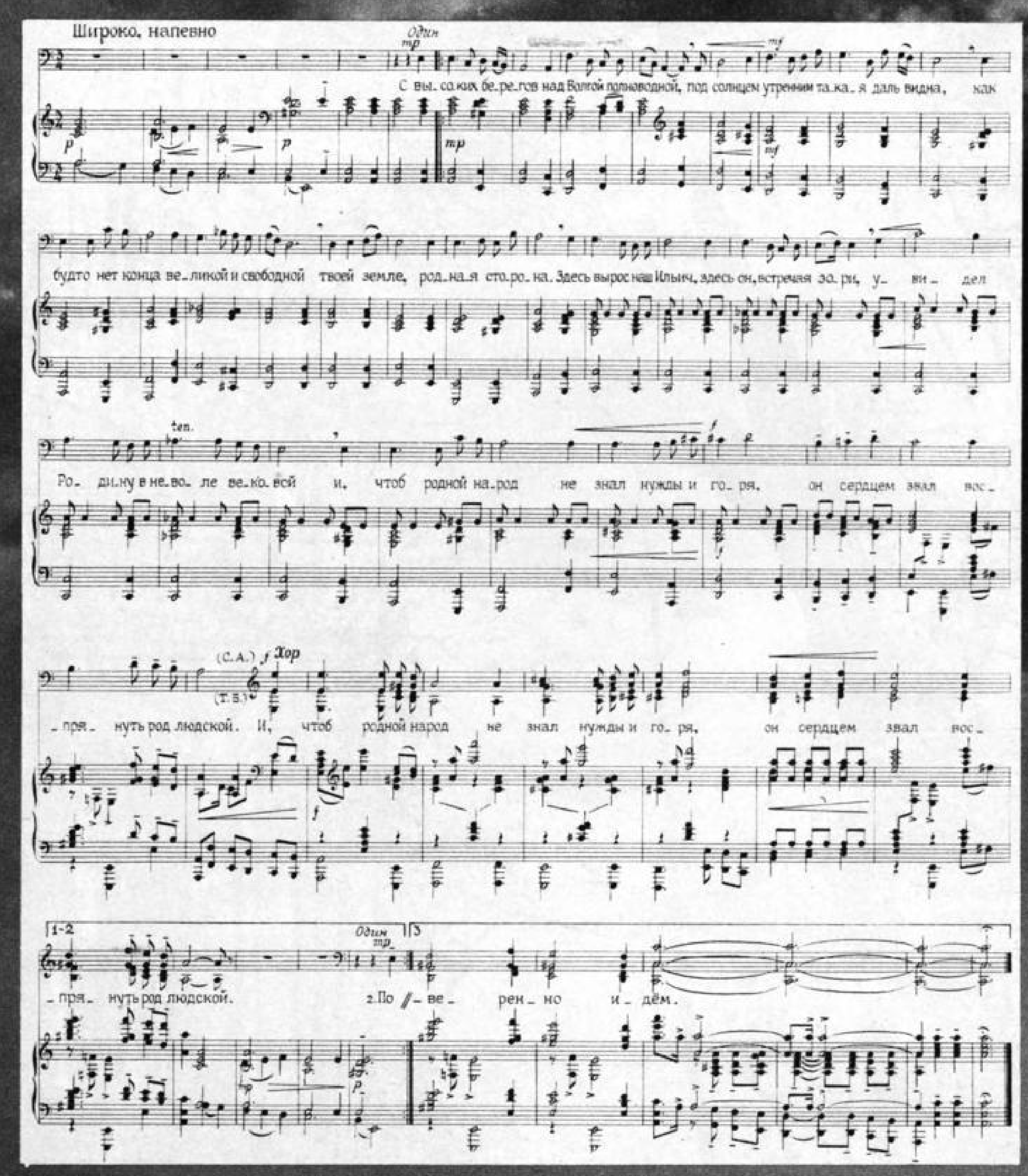
А в этой комнате
Он спал;

Здесь навсегда сомкнул ресницы
И вздох последний свой отдал...

Как все, со сдержанной печалью,
Что не ослабнет и за далью
Иных событий, дел и дней,
Побудь, постой недвижно в ней,
На миг забывшись в тишине,
С самим собой наедине...

Здесь все призывом светлым
будет
И вдохновением тебе
На том пути,
Что к счастью людям
Завещан Лениным в борьбе.

Песня о Ленине

Музыка В. МУРАДЕЛИ. **Слова А. КОВАЛЕНКОВА.**

С высоких берегов над Волгой полноводной
Под солнцем утренним такая даль видна,
Как будто нет конца великой и свободной
Твоей земле, родная сторона.

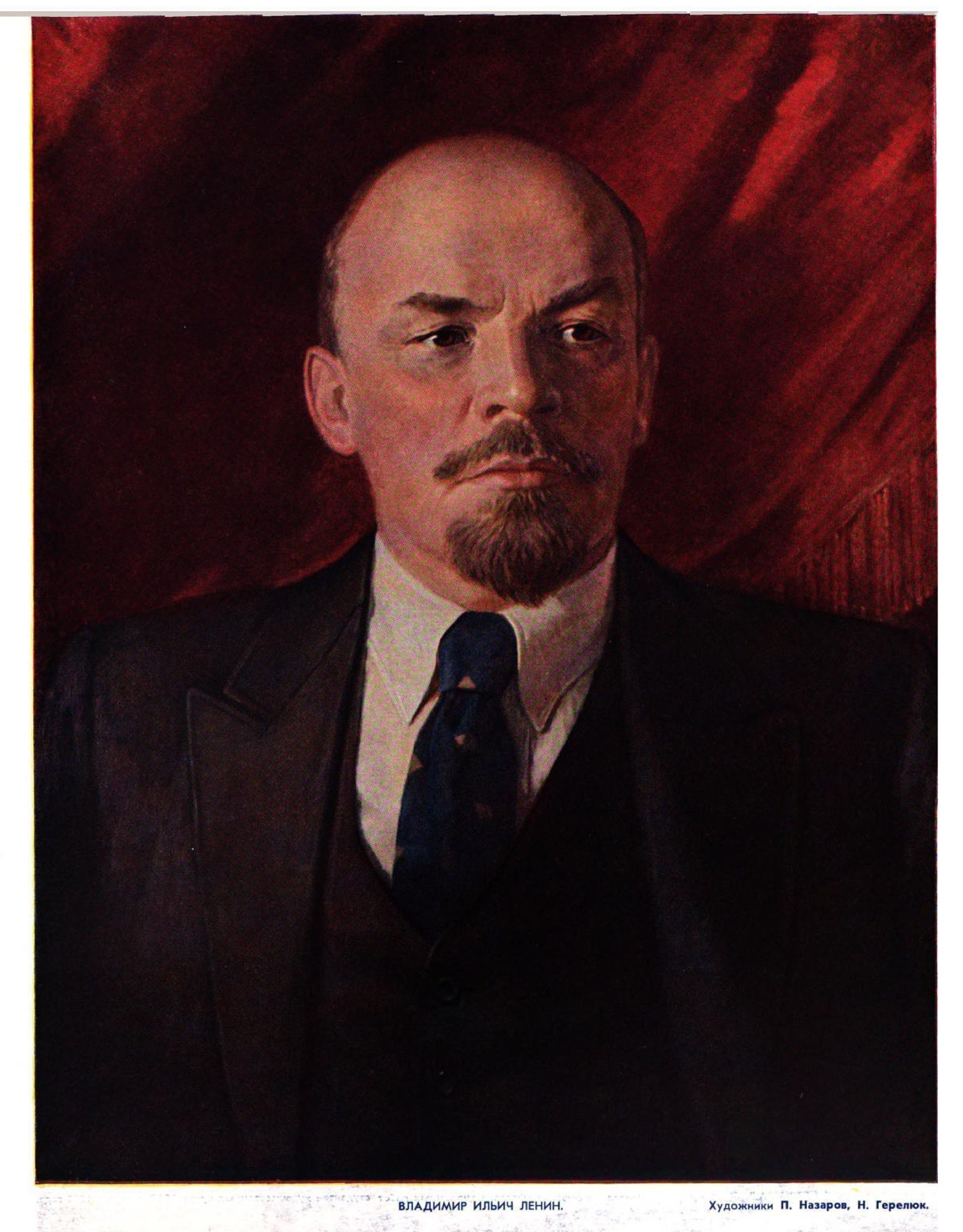
Здесь вырос наш Ильич, здесь он, встречая зори,
Увидел родину в неволе вековой,
И, чтоб родной народ не знал нужды и горя,
Он сердцем звал воспрянуть род людской.

По-русски был широк его народный гений,
Всю нашу Родину он озарил навек;
И в каждом сердце жив, и всюду с нами Ленин —
Бессмертный вождь, любимый человек.

К врагам непримирим, он стал душой народа,
И правда партии мужала вместе с ним.
Он вел людей труда в сраженьях взять свободу,
Он был во всем великим и простым.

В рыбачьем шалаше, в лесной глуши Разлива,
К столу рабочему склонясь всю ночь в Кремле,
Он не щадил себя, чтоб были мы счастливы,
Чтоб всем жилось привольно на земле.

Стоит, растет Москва, шумят березы в Горках,
С людьми беседуя о самом дорогом.
И, как учил Ильич, мы в дали смотрим зорко
И в коммунизм уверенно идем.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.

Художники П. Назаров, Н. Герелюк.

«Огонёк». 1954.

А. М. Лопухов. В ПЕТРОГРАД. Вторая Всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных вузов СССР выпуска 1953 года.

ПЕРВЫЙ БАЛ

Рассказ

Илья КОТЕНКО

Рисунки О. Верейского.

Когда Сергей Балашев подходил к Спасским воротам, ощущение чего-то нового, неожиданного охватило его.

В сухом, морозном воздухе над площадью переливались мириады снежных иголок. Как всегда, дремали у стены запушенные инеем ели, а напротив, словно отражая их, на больших стеклах ГУМа поднимался выгравированный морозом, вспыхивающий таинственными огоньками заснеженный лес. Пятна света теплились в воздухе над Мавзолеем и над высоким куполом дворца.

У ворот, окутанные паром, переминались с ноги на ногу часовые. Около них то и дело останавливались машины, и на скользкий ледок булыжника ступала то золоченая туфелька, то расшитый узорами сафьяновый сапожок, то лакированный, со шпорой ботфорт. Придерживая наброшенные на плечи пальто, потирая уши и подталкивая друг друга, веселые гусары и боярышни, рыцари и цыганки торопливо бежали мимо и скрывались за кремлевской стеной. Важно проследовал огромный, будто вылепленный из снега дед Мороз, и часовой, посторонившись, улыбнулся и приложил к шапке руку.

— Скажить, будь ласка, который час?

Сергей обернулся. В трех шагах от него, у самого угла башни, стояла невысокая, плотно одетая девушка в черных ботах-сапожках и толстом белом пуховом платке. Ее брови, ресницы и темный пушистый воротник у подбородка поросли игольчатым инеем, и даже над уголками губ белели седые усики. Она придерживала сверток, выглядывавший из-за отворотов пальто, и, поеживаясь, напряженно вглядывалась в каждого проходящего мимо.

— Над вами часы! — рассеянно отозвался Сергей.

— А вам трудно?! Мне же отсюда не видно.

Сергей усмехнулся, поднял руку и отвернул рукав.

— Восемь часов двадцать семь минут...

— Я так и знала. Ах дура, дура! — Она сердито вытерла рукавичкой лицо. И оттого, что разом исчезли усики и открылись большие темные глаза, Сергей вдруг почувствовал в ее лице что-то знакомое и в следующее мгновение узнал ее.

— Настя?!

Девушка испуганно спрятала под платок посеребренную прядку волос, строго и сердито вглядываясь из-под руки в Сергея, затем она быстро, одну за другой, словно откусывая, стащила зубами рукавички, сунула их за пазуху и всплеснула руками.

— То ж ты, Сережка! — пропела она тем южным, казачьим говорком, который отличишь от любого другого, оглядывая его высокие сапоги, теплую короткую куртку с черным смушковым воротником и кубанку.— Здравствуйте, Сергей Григорьич!

Только что выскочивший из такси и проходивший мимо них толстенький испанский гранд в туфлях на высоком каблуке и длинном черном плаще, поверх которого было наброшено темное пальто, и в шапке-ушанке вдруг поскользнулся, сделал неожиданный пируэт и растянулся у ног Насти. Поднявшись на одно колено, он встретился с ее изумленным взглядом и приложил к груди руку:

— Пардон, мадемуазель, не освоил еще феодальную обувь.

Он подобрал шапку, отряхнулся и, подхватив под руку проходившего мимо улана, заскользил рядом с ним. Провожая его взглядом, Настя смеялась, прикрыв ладонью рот, и, когда он исчез в воротах, вскинула глаза на Сергея.

— Ох, как же я рада, что станичника встретила... А то одна-одинешенька...

— Как же ты сюда попала?

— Меня на бал пригласили.

— Погоди, Настя, да сколько же тебе лет?

— Достаточно! — Она лукаво поглядела на него: — Ты-то меня, чай, годика три назад последний раз видел, я тогда и восьмой класс не окончила...

Сергей засмеялся. Теперь-то он сразу узнал эту озорную девчонку, которую не раз по-соседски дергал за косы, когда она пугала его голубей. За последние годы она здорово подросла, но все такими же оставались ее черные любопытные глаза и маленькие, по-детски припухшие губы.

— Что же ты мерзнешь? Пошли.

— Не могу, Сережа!

— Настя?! Да ты уже и свидания назначаешь?

— Что ты, Сергей Григорьич! — Она смущенно поправила платок.— Тут ребята должны с завода придти... Сказали, к восьми, а я опоздала, пока машиной да электричкой ехала...— Она вздохнула и покосилась на часовых.— А може, и не узнала: здесь вон какие все разряженные... Пожалуй, пойдем, а то я и тебя потеряю...

Она достала из кармана белый билетик с золочеными буквами и, держа его перед собой, пошла впереди Сергея. Вместе с группой ряженых они миновали часовых и вышли на ярко освещенную улицу.

Под их ногами звонко похрустывал снег. На широком тротуаре под фонарями лежали большие круги света. Зубчатой грядой поднимались ели, за ними, внизу, виднелась вершина кирпичной стены, а еще дальше поблескивала ледком Москва-река и вырисовывался переброшенный через нее мост с мелькавшими, словно тени, машинами. А впереди сквозь серебристую пелену падающего снега с каждым шагом все яснее вставала белая громада Ивана Великого.

— Мамочка моя, мама! — бормотала Настя, то и дело поправляя платок и оглядываясь по сторонам.— Как же оно все близко!

Они вступили на площадь. Справа поднимались желтоватые и оттого похожие на позолоченные дома, ярко теплящиеся огнями, а прямо вставали башнями, звонницами и куполами старые кремлевские соборы.

— Это ж где-то здесь Ильич был на субботнике? Да? — шептала Настя.

Сергей, засунув руки в карманы пиджака, улыбаясь, поглядывал на девушку и, то и дело подталкивая ее локтем, говорил:

— Смотри, царь-колокол! А вот, туда, правее — пушка. Видишь?

— Мамочка моя, мама! — шептала Настя.

У ярко освещенного подъезда дворца их обдал теплый воздух, и они вошли в огромный вестибюль. По коридорам, уходившим вправо и влево, по широкой мраморной лестнице, устланной красной ковровой дорожкой, шли группами и в одиночку увитые серпантином ряженые.

— Давай посидим! — Настя потянула Сергея за руку.

Сергей и сам чувствовал, что не грех оглядеться и придти в себя, и они присели около вешалки на низенькую, крытую красным бархатом скамейку.

— Ну, как там твои живут? — спросил Сергей, когда Настя сдвинула на затылок платок и, оглядывая мраморные стены, стала поправлять маленькие с блестящими камешками сережки.

— Мама дома. Григорий как пошел Цимлянскую плотину строить, так и не вернулся: в порту работает. Мария в колхозе, бригадиром назначили...

— А ты?

— Звеньевой в огородной бригаде.

— Значит, тоже на повышение пошла? Выросла ты, Настя! — он рассматривал ее круглое, с ярким морозным румянцем лицо с маленькой родинкой над верхней губой, гладко причесанные золотистые волосы с крохотными завиточками у висков, и почему-то невольная улыбка растягивала губы. — Как же ты сюда попала?

— А это все брательник... — Она покосилась на Сергея и усмехнулась: — Дружки называются, в Москве живут, а вот и не знаешь, что он Тимирязевку окончил...

— Степан? Уже закончил?!

— Ага, и получил назначение агрономом в здешний подмосковный колхоз. Назначение получил, а женитьбу все откладывает, вот мама и откомандировала меня к нему хозяйство вести... А какое там хозяйство? — Настя махнула рукой. — Ты же знаешь, какой Степка, никому спокою не дает... Двадцать дней уже у него живу, так он меня по всяким делам уже четыре раза в Москву гонял... И вчера приехала с запиской на завод, они нам для теплицы каркас строят, мне ребята и вручили в комитете билетик.

Сначала Настя сидела, робко сложив на коленях руки, затем стала снимать боты, расстегнула пальто.

— А что у тебя в свертке? — спросил Сергей, наблюдая за ней.

— Платье! — шепнула она, покосившись на гардеробщицу. — Ребята сказали: обязательно захвати белое платье. А какие у меня бальные наряды? Взяла свое новое, что мамка сшила. Говорит, может, не увижу тебя, будет в чем свадьбу играть. А какая свадьба? — Она тихонько засмеялась, сбросила пальто, внимательно оглядела свой серый коверкотовый костюмчик, затем взглянула на Сергея, на высокие голенища его сапог, на которые чуть приспущены были складки брюк, на синюю куртку, из-под которой выглядывал ворот славянки. — Ты тоже без наряда?

Откуда-то сверху послышались звуки музыки. Настя побледнела, испуганно схватила Сергея за руку.

— Надо идти, да?

Они подошли к широкой лестнице, залитой мягким светом, и стали медленно подниматься по ступенькам. Настя шла, ухватившись за борт своего пиджачка, торжественная и строгая.

Поглядывая на нее, Сергей неожиданно вспомнил крутой донской берег у старой станицы, узенькую тропку и маленькую, в длинной материнской кофте девочку, чуть согнувшуюся под коромыслом, на котором покачивались два ведра. Тропка была такой крутой, а девочка такой маленькой, что переднее ведро то и дело цеплялось днищем за землю и выплескивало воду. Затем он видел ее на задонских лугах, в черной стеганке и керзовых сапогах, отбивавшей косу, и затем — уже совсем недавно — на комбайне, закутанную по самые глаза косынкой и отгребающую в сторону ворох пыльной соломы...

Они вошли в Георгиевский зал, наполненный золотисто-белой дымкой. Огромная елка еще не была зажжена, и, видимо, от этого она струила густой аромат леса и мороза. Настя, увидев елку, на миг улыбнулась и подняла голову, разглядывая люстры, свисавшие с потолка.

Молчаливые и притихшие, они обошли Владимирский зал, «святые сени», расписанную палехскими мастерами Грановитую палату и, путаясь в лестницах и переходах, возвращаясь снова в одни и те же залы, остановились передохнуть в каком-то длинном фойе.

Настя приоткрыла тяжелую дверь и просунула голову в пустой, полутемный и, видимо, не предназначенный для обозрения зал.

— Это он, ей богу, он, — сказала она оглядывая поднимавшиеся за рядами кресел небольшую трибуну и ряды скамей на возвышении. — Узнаешь? Это ж здесь наша Мария Ивановна заседает.

— Какая Мария Ивановна?

— Наша бригадирша, ну, депутат наш... Верховного Совета... Это же зал заседаний.

После этого Настя стала спокойнее и увереннее, как будто нашла в этом дворце еще одного знакомого человека, и все чаще в ее глазах стали появляться озорные огоньки.

В апартаментах царицы она внимательно оглядела резную, выложенную перламутром мебель и, остановившись около старенькой кушетки, оглянулась по сторонам и шепнула Сергею:

— Можно мне на нее сесть? Ну на одну всего минуточку?!

— Гулять так гулять! — заражаясь ее озорством, махнул он рукой. — Давай!

Настя медленно подобрала юбку, осторожно присела, сложила на коленях руки и, жеманно поджав губы, стала поворачивать голову то в одну, то в другую сторону, разглядывая себя в зеркало. Наконец она глубоко вздохнула, сморщила нос и показала язык.

Осматривая старые терема — низкие сводчатые горницы, расписанные пестрым орнаментом, — она любовно поглаживала витые резные столбики, и, когда в Думной палате Сергей обратил внимание на протертые бархатные кресла, на которых заседали бояре, Настя засмеялась:

— Как в нашем колхозном правлении: соберутся, до первых петухов заседают...

Затем она потащила Сергея танцевать. Танцевала она, откинув голову, полузакрыв глаза, тая в уголках губ довольную улыбку, и Сергей вдруг почувствовал, что смотреть на эти губы и видеть их так близко не совсем безопасно.

— Вы не с трансформаторного? — спросила вдруг Настя бравого кавалергарда, который оказался со своей дамой рядом. Кавалергард продул свои пушистые усы, кашлянул и пробасил:

— Мы с ЗИСа.

— А вы откуда? — спрашивала уже Настя у маленького молдаванина в высокой смушковой шапке.

— Ремесленное училище номер три.

Настю, видимо, забавляли эти ответы. Она спрашивала каждого, кто останавливался около нее хоть на секунду, и весело смеялась, когда узнавала, что толстый кот с пушистым хвостом оказался шофером, дама в черной маске — бухгалтером, монгольский рыцарь в длинном парчовом халате — каменщиком.

— Что ты пристаешь к людям? — смеялся Сергей. — Дай им веселиться.

— Да ведь интересно-то как!.. А потом я действительно хочу отыскать ребят, хоть спасибо им сказать...

Когда на несколько минут смолкла музыка, они вышли передохнуть в коридор. Сергей отодвинул тяжелую гардину и выглянул в окно. Снег перестал падать. За кремлевской стеной ярко переливалось море городских огней.

— Ой, что это? — воскликнула Настя, прильнув к окну.

— Где?

— Вон там, далеко в небе.

Там, где далеко-далеко за городом нависала ночная темнота, подсвеченная розоватым заревом, сверкал, словно повисший в воздухе, кристалл хрусталя.

— Это, Настенька, мой университет...

— На Ленинских?

— Да.

— Я очень хочу его посмотреть.

— Посмотришь, Настюха, обязательно! — Сергей осторожно отыскал ее руку. — Я очень рад, что нашел тебя.

— А ты разве меня искал? — Она, не поднимая головы, осторожно освободила свою руку.

— Бывает так, что не ищешь, а находишь!

Около них кто-то остановился, тяжело дыша, и они обернулись.

— Она! Ей богу, братцы, она! — закричал широкоплечий медведь, поднимая тяжелую маску. — Куда ж ты девалась? Мы тебя весь вечер ищем. — Заметив в руках Насти сверток, медведь махнул лапой. — А ну, взять ее — и к нашим девчатам!..

С одной стороны Настю подхватил тощий петух с огромными шпорами, с другой — ловко изгибающийся горец.

Чувствуя, как разом стало пусто вокруг, Сергей побродил по комнатам и медленно вернулся в Георгиевский зал. Каким обжитым и теплым выглядел он сейчас! Мерный говор поднимался к высокому потолку, цветными молниями пролетали по воздуху ленты серпантина, они закручивались вокруг танцующих пар, повисали на люстрах. Кто-то раздвигал около елки круг, появился баянист в длинной расшитой рубахе, и Сергей, узнав в нем знакомого студента, с трудом пробился к нему.

В круг, степенно переваливаясь, вошел медведь и поднял лапу.

— Тише, товарищи! У нас, у москвичей, в гостях находится Снегурочка. Настоящая колхозная Снегурочка, да не простая, а звеньевая... — Он похлопал лапами над головой. — Колхозным девчатам в этом году придется немало поработать. Давайте проверим, смогут ли они оправдать наши надежды?

Он обернулся и вывел в круг Настю. В первое мгновение Сергей не узнал ее. Перед ним стояла высокая тоненькая девушка с косами, уложенными короной, в белом платье, сшитом по-казачьи — длинные узкие рукава, тонкая талия и широкие складки юбки, ниспадающие до самого пола. Ничего не осталось в ней ни от той девчушки, которую он знал по станице, ни от той тепло закутанной девушки с седыми усиками, которую он встретил у Спасских ворот.

Какое-то мгновение Настя стояла неподвижно, затем вскинула глаза, чуть улыбнулась баянисту и негромко спросила:

— Можно русскую?

К ней бросился горец, подбирая рукава черкески, наперерез спешил, постукивая каблучками, толстенький испанский гранд, но Сергей понимал, что она сейчас никого и ничего не видит. Настя шла на средину круга медленными шажками, как всегда выходят в хоровод казачки, на ходу плавно поднимая руки, будто легкая и красивая птица, готовая к большому полету.

Сергей смотрел на нее и думал, что не обмануло его ожидание чего-то нового и необычного, и уже не понимал, где в этот вечер была явь, а где сказка.

ПАМЯТНИК В. И. ЛЕНИНУ В БАКУ

В Баку, близ берега Каспия, высится Дом правительства Азербайджанской ССР. Широкая, просторная площадь со скверами и фонтанами раскинулась перед зданием. Это центр архитектурной композиции Баку будущего, застраиваемого по единому генеральному плану.

Здесь, перед Домом правительства, на высоком гранитном постаменте, будет установлен бронзовый монумент — памятник великому вождю советского народа Владимиру Ильичу Ленину.

С площади имени Сталина, где для монумента уже воздвигнут пьедестал, открывается простор Каспия: шагнувшие далеко в море нефтяные вышки, корабли, уходящие к горизонту, берега Апшерона, где кипит шумная жизнь, как бы продолжая большую жизнь города нефти. Ощущение простора, широты, движения и подсказало одному из ведущих скульпторов Азербайджана, Джалалу Карягды, композиционное и масштабное решение монумента — 11 метров, а вместе с пьедесталом 27 метров высоты.

Долго и кропотливо работал скульптор. Много времени он провел в залах Музея Ленина в Москве, изучая богатейшие материалы о жизни и революционной деятельности вождя. Одновременно скульптор лепил, делал многочисленные эскизы.

После трехлетней работы сделанная скульптором модель заняла первое место на конкурсе.

Следующий, не менее ответственный этап создания монумента — увеличение скульптуры с модели — был начат и успешно завершен в бакинской скульптурной мастерской с участием московских мастеров, специально приглашенных в Баку.

Вместе с москвичами В. Бедняковым и В. Медведевым трудились молодые бакинские скульпторы Мирали Мир-Касимов, Адиль Рзаев и Белла Левинтова.

В Мытищах по глиняной модели изготовят бронзовый монумент — памятник В. И. Ленину, крупнейший в стране. Этот монумент будет воздвигнут в центре нового, социалистического Баку.

В. БОГУСЛАВСКИЙ, А. АЛЕКСАНДРОВ

На снимке: скульптура В. И. Ленина работы Д. Карягды.
Фото С. Кулишова и В. Калинина.

Александра Михайловна Иванова с дочкой Наташей готовятся к экзаменам. Внук Сережа на минуту прервал их занятия...
Фото Р. Лихач.

Идут экзамены

В аудиториях всех восьми факультетов Московского педагогического института имени В. И. Ленина кипит деловая, напряженная жизнь — идет зимняя экзаменационная сессия.

В одной из комнат сдают экзамен по физической географии СССР выпускники географического факультета. Принимает экзамен профессор Александр Александрович Половинкин, двадцатый год читающий лекции в этом институте и недавно награжденный орденом Ленина.

У физической карты Союза ССР стоит Лидия Гурова. В ее билете вопросы: физико-географические зоны Сибири, Таймыр и Таймырский полуостров.

Неторопливо, уверенно рассказывает она о скудной растительности пятнистой тундры, о булгунняхах — высоких холмах изо льда, прикрытого сверху толстым слоем торфа, которые образованы деятельностью грунтовых вод и часто служат в тундре ориентиром для путешественников. Рассказ окончен, и Лидия видит, как аккуратно выводит профессор «отлично» в ее зачетной книжке.

Группа сдала экзамен успешно. Из 25 человек 16 ответили на «отлично»; 6 — на «хорошо» и только трое подкачали — получили «посредственно».

Многие занимаются у себя дома. В квартире, где живет Наташа Иванова, студентка-отличница II курса физико-математического факультета, готовятся к экзаменам двое: Наташа и ее мать, учительница математики, студентка пятого курса заочного педагогического института.

Наташа окончила школу с золотой медалью и решила по примеру Александры Михайловны стать преподавателем математики. Теперь они помогают друг другу.

Н. ГОНЧАРЕНКО

Мингечаурская ГЭС дала первый ток

Взгляните на карту Азербайджана. Из конца в конец пересекает ее извилистая лента Куры. В учебниках географии Куру называют основной водонесущей магистралью республики, в народе — рекой своенравной и капризной. Река выходит из берегов, сносит вековые деревья, губит поля. Много от нее беспокойств жителям прибрежных сел.

...В далекие времена, когда первые потоки с гор, слившись вместе, породили Куру и она после долгих рысканий выбрала наконец себе путь на восток, к морю, перед ней встала гора Боз-Даг. Некуда было податься реке, и она пробила гору, вырвалась на простор.

Поднимитесь по серым крутобоким сопкам на вершину Боз-Дага, посмотрите на глубокий вырез в горе, и вы ощутите силу и могущество Куры. Но сколько лет ее энергия находилась под спудом!

В памятный сорок пятый год, вскоре после того, как прозвучали над страной залпы победного салюта, у ворот Боз-Дага началось строительство Мингечаурского гидроузла. Селению Мингечаур, приютившемуся у подножья горы, суждено было войти в историю, стать символом послевоенного строительства в Азербайджане.

Что такое Мингечаурский гидроузел?

Это прежде всего дешевая энергия, необходимая нефтяной промышленности, заводам, фабрикам, машинно-тракторным станциям и колхозам, энергия, позволяющая осветить треть республики. Это — орошение сотен тысяч гектаров земли, которые будут освоены под посевы хлопка, зерна, табака. Это новые фруктовые сады, виноградники, пастбища в Кура-Араксинской низменности. Воды Куры вдохнут жизнь в пустынные степи, сделают более щедрыми земли Мугани, Ширвана, Карабаха...

Гул стройки нарушил привычную тишину этих мест. По новой железнодорожной ветке потянулись сюда вереницы эшелонов с машинами, оборудованием, строительными материалами. Из России и Украины ехали на помощь строителям Азербайджана инженеры, техники, мастера, имеющие немалый опыт.

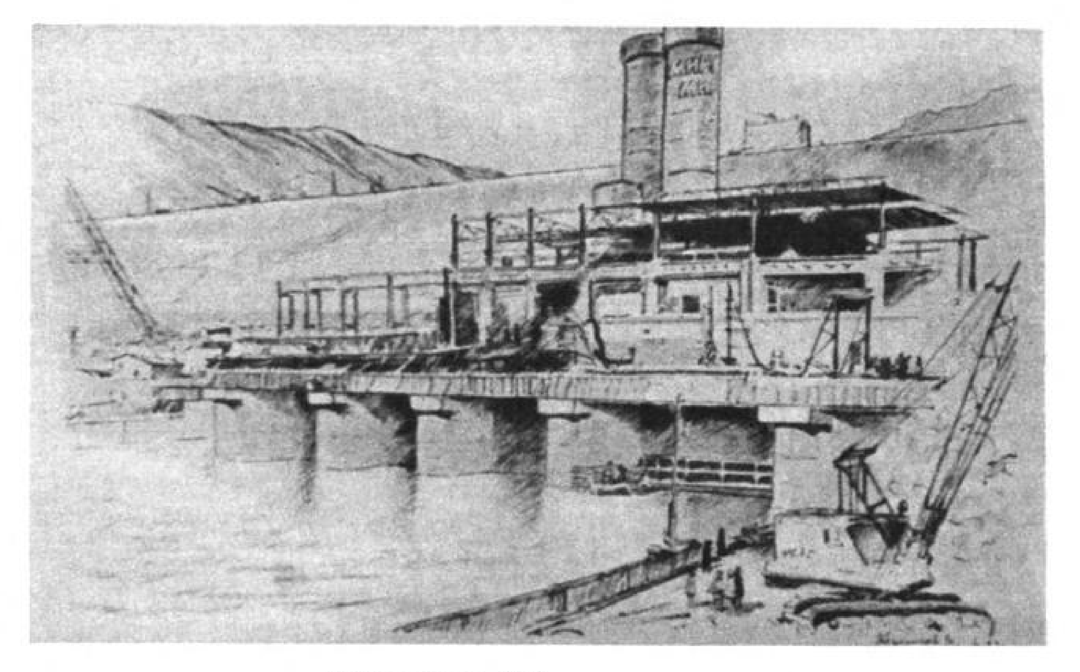
Высоко подняв решетчатые стрелы с ковшами, двинулись к Мингечаурской горловине мощные экскаваторы. Здесь проложили трассу донных труб, по которым река повернула в новое русло.

Весной 1951 года началось возведение плотины.

В 1953 году на карте республики появилось Мингечаурское море. Там, где шумел дикий Самухский лес, раскинулось крупнейшее искусственное водохранилище длиной в 75 и шириной в 13 километров. По другую сторону полуторакилометровой плотины выросло величественное здание гидроэлектростанции.

Более пятисот заводов, фабрик, научных учреждений прислали в Мингечаур машины, оборудование, проекты.

Молодой социалистический город поднялся у ворот Боз-Дага. Дружной семьей живут в нем представители многих национальностей Советского Союза, люди, накрепко обосновавшиеся в Мингечауре, полюбившие его.

Мингечаурская ГЭС.
Рисунок художника М. Абдуллаева.

В первые годы строительства Мингечаура была сооружена высоковольтная 265-километровая линия Баку — Мингечаур. По ней бежал на стройку ток бакинских электростанций.

Долго ждали строители того дня, когда по этим же проводам Мингечаур начнет передавать свою энергию в столицу республики.

И вот этот день наступил! 10 января заработали лопасти первых двух турбин, пошел ток в Баку, Кировабад, зажглись электрические лампочки в близлежащих селах.

На митинге строителей было принято обязательство: завершить в текущем году строительство второй очереди гидроузла.

А. КИКНАДЗЕ

Величественное здание Дворца культуры и науки возвышается над Варшавой. Слева вверху: деталь шпиля дворца — в этот шар будут вмонтированы мощные прожекторы.

РАСЦВЕТАЕТ КРАСАВИЦА ВАРШАВА

Над Варшавой к самым облакам поднялся шпиль Дворца культуры и науки. Далеко окрест видно из окон уже воздвигнутой башенной части дворца.

...Девять лет тому назад, 17 января 1945 года, Советская Армия в братском взаимодействии с частями Войска Польского освободила Варшаву. И вот теперь, с высоты птичьего полета, мы глядим на польскую столицу. Мы видим большие здания, построенные вскоре после освобождения города. Несколько лет тому назад они еще были островками посреди моря битого камня и кирпича. Они, эти дома, говорили народу, какой будет Варшава, какой ее сделает народ, в авангарде которого идет Польская объединенная рабочая партия.

За девять лет много, очень много сделано, чтобы возвратить жизнь Варшаве. Правда, нелегко полностью восстановить город, который строился семьсот лет и почти до основания был разрушен гитлеровцами. Но сегодня Варшава — это уже город более чем тысячи строительных площадок. Возводятся фабрики и заводы, жилые дома, культурно-бытовые учреждения, магазины, школы, театры, больницы. По всей территории города разбиваются парки, бульвары, скверы, в недрах Варшавы строится метрополитен.

Можно часами стоять здесь, на башне Дворца культуры, глядеть и не наглядеться на встающую из руин и пепла столицу социалистической Польши. Вот широкой артерией перерезает город транспортная магистраль Восток—Запад. К ней прилегают восстановленные в прежнем своем архитектурном облике улицы и площади: Краковское Предместье, Новы Свят, Рынок Старого города со всеми памятниками глубокой старины. Но вот в центре города, в Маршалковском жилом районе, преображая большую территорию, поднялись новые дома, облицованные светлым камнем. А дальше Мокотов, Миров, Муранов — целые жилые кварталы, выросшие заново на пустырях. В другой стороне города, за предместьем столицы — Прагой, на песках Жерани стоят корпуса автомобильного завода, за ним — здание теплоэлектростанции. Дальше — строительство большого речного порта — отсюда в недалеком будущем возьмет начало канал Буг — Висла. Напротив, на левом берегу реки, — снова новостройка, это будущий завод качественных сталей. Рядом, в Млоцинах и на Белянах, будет создан совершенно новый район Варшавы, рассчитанный почти на 140 тысяч жителей...

Куда ни глянешь — строительные леса!

Рядом со мной стоит польский рабочий, один из строителей дворца. Он поворачивается ко мне и говорит:

— Вот о чем я думаю, товарищ! Советские воины не только прогнали захватчиков. Вместе с нашими польскими солдатами они очистили город от двух миллионов мин, снарядов, гранат. Потом построили за восемь дней мост через Вислу, помогли наладить связь и железнодорожный транспорт...

Мой собеседник снова бросает взгляд на раскинувшуюся внизу панораму Варшавы.

— Советское правительство, — говорит он, — сейчас же после освобождения города помогло варшавянам продовольствием. Видите домики, вон там, меж молодых тополей? Варшава сразу же получила пятьсот таких домиков из вашей страны... А радиостанцию — вон ее мачты стоят в Рашине — нам тоже прислали вы. А автозавод варшавский? Здесь тоже ваша помощь... Как же, брат, не расти и не хорошеть нашей Варшаве, когда у нас такие добрые друзья!

Мих. ЯРОВОЙ

ГОСТИ ИЗ АФГАНИСТАНА

Почти месяц гостила в СССР приглашенная Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей делегация врачей и деятелей культуры Афганистана. Гости побывали на предприятиях, в культурно-просветительных, научных и медицинских учреждениях Москвы, Ленинграда и Азербайджанской ССР. 5 января делегация выехала на родину.

На снимке: афганские гости на приеме в ВОКСе. Второй слева — глава делегации профессор Мухаммед Анас Хан, рядом — советский писатель Г. А. Лахути.

Фото Л. Гессельберга.

ВЫСТАВКА В БАНГКОКЕ

В столице Таиланда Бангкоке в декабре 1953 года была открыта традиционная конституционная выставка, в которой принял участие Советский Союз. В Павильоне СССР были показаны станки, автомобили, тракторы, товары легкой и пищевой промышленности. Павильон посетили тысячи людей. Выставочный комитет присудил Советскому павильону первую премию за хорошее оформление.

На снимке: жители Бангкока осматривают советский ткацкий станок.

ВЕЧЕР СОВЕТСКО-ИСЛАНДСКОЙ ДРУЖБЫ

Недавно в Москве, во Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей, состоялся вечер советско-исландской дружбы. На вечере присутствовали представители советской общественности, видные деятели культуры, члены правления ВОКС, ответственные работники МИД СССР, представители советской печати, а также Чрезвычайный посланник и Полномочный министр Исландии в СССР г-н Пьетур Торстейнссон с супругой.

На снимке: писатель Борис Полевой беседует с г-ном Торстейнссоном.

Фото Д. Чернова.

ПО ТОРГОВЫМ УЛИЦАМ ГУМА

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Я. РЮМКИНА и С. ФРИДЛЯНДА.

Раннее зимнее утро. Вырисовываются знакомые контуры Красной площади. Кремлевские куранты отбивают семь. Ярко вспыхнули огни на всех этажах нарядного здания ГУМа. Взвились шелковые шторы, тысячами ламп осветились зеркальные витрины. Начинается очередной рабочий день крупнейшего в стране универсального магазина. Около пяти тысяч служащих и рабочих расходятся по его этажам.

Пройдем и мы с ними, посмотрим, что происходит в этом образцовом торговом предприятии столицы.

Просторный, светлый, прекрасно оборудованный торговый пассаж. В нем три линии — три улицы, каждая длиной в четверть километра. Площадь пассажа достигает 70 тысяч квадратных метров. Высота галерей от пола до купола — 30 метров.

В реконструированном здании совершенная вентиляция. В торговые залы поступает свежий воздух со скоростью 2—3 метров в секунду. У входа в магазин вас сразу обдает приятным теплом; эти тепловые завесы образуются воздухом, нагретым до 45 градусов.

Только что гостеприимно распахнулись двери ГУМа. Еще горят люстры, фонари, бра.

Сигнал об открытии магазина поступает из радиостудии.

В 7 часов 55 минут диктор В. И. Розанова предупреждает: — Товарищи! Займите свои рабочие места. Будьте готовы к приему и образцовому обслуживанию покупателей!

Розанова нажимает кнопку звонка. Рабочий день начался. Теперь диктор будет передавать информацию о поступивших в продажу товарах, о расположении 130 с лишним секций магазина.

Необъятны подвалы ГУМа. Это тоже три линии широких асфальтированных шоссе, куда въезжают с улицы десятки автомашин.

Здесь более 150 складских помещений со всевозможными товарами. Мчатся автомобили, снуют автокары и маленькие ручные тележки. Грузы движутся по подвесным рельсам, поднимаются на сорока лифтах в торговые залы. На подземных дорогах так оживленно, что впору ставить регулировщиков и светофоры!..

Здесь столько различных тканей, что можно и растеряться! Демонстрационный зал существует для того, чтобы эти ткани можно было осматривать, трогать, обдумывать, какая расцветка подойдет вам, устраивает ли цена. Потом вы называете продавцу номер понравившейся вам ткани, и он выписывает чек. Можно обойтись и без продавца: готовые чеки лежат возле витрины с товарами. В ГУМе есть салоны, где вовсе отсутствуют прилавки. Продавец подводит вас к шкафу и показывает платье, шляпку, туфли. В обувном салоне есть рентгеновский аппарат: хорошо ли облегает ногу новый туфель?

За доступную плату в магазине вам раскроят купленный материал.

Раскройщица Л. С. Ларионова предлагает покупательнице фасон:

— Будет очень красиво! И сшить легко...

Не забыты и мужчины. В огромном торговом зале идет продажа мужского готового платья. А неподалеку — мастерская по подгонке купленных вещей. Если рукава длинноваты или надо переставить пуговицы,— все это сделают в гумовской мастерской.

Не так-то легко обойти все три линии на первом и втором этажах. Можно не только устать, но и проголодаться. Тогда зайдите в одну из закусочных, где вы сумеете основательно подкрепиться.

Приборы в действии. Продавщица показывает, как пользоваться электрополотером нового выпуска. Здесь же стоят холодильники, пылесосы, стиральные машины. Отдел, торгующий ими, вызывает большой интерес у покупателей.

Особенно красив зал крупнейшего в стране гастрономического магазина. Стены его облицованы мрамором, фризы отделаны художественными лепными украшениями, пол выложен полированным гранитом, а потолок зеркальный. Площадь торгового зала — 1 800 квадратных метров, холодильных камер — 430 метров. Товары подают 22 подъемника.

Фонтан, расположенный в центре универмага, — место свиданий. По радио можно услышать, что у фонтана кто-то ждет приятеля или приятельницу, мужа или жену. Один такой эпизод запечатлен на снимке. По всему видно, здесь происходит примерно такой разговор:

— Где же ты был?

— А я тебя ищу. Но кое-что купил по дороге.

У Жени скоро знаменательный день: ему исполнится два года. Бабушка взяла его с собой в ГУМ, чтобы купить подарки — большой мяч и матросский костюм. Устал не только внучек, но и сама бабушка. Усталость, однако, прошла у мальчика, когда он попал в комнату матери и ребенка. Воспитательница П. Л. Попова дала ему красивые игрушки.

В главной кассе идет подсчет выручки. Деньги поступают непрерывно. Уже сделаны десятки тысяч покупок на миллионы рублей. Старший кассир П. Ф. Лазаева (слева) наблюдает за работой. Деньги уложат в мешки, спустят на лифте к автомашине и повезут в банк. На машинно-счетной станции работают десятки счетно-аналитических машин, заменяющих труд 350 счетных работников.

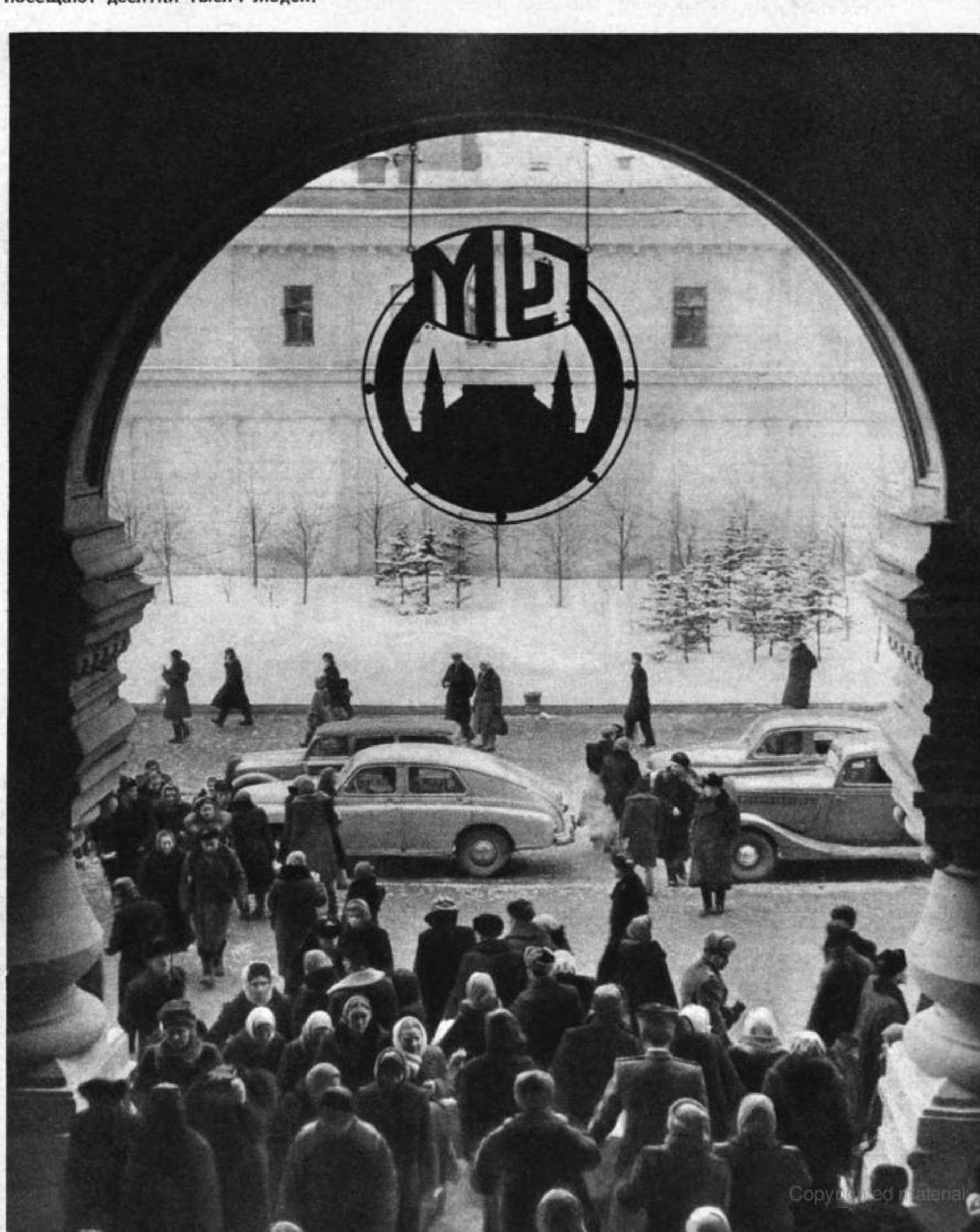
— Снова в ГУМе?—спрашивают знакомые, встретив заместителя директора «Гастронома» А. В. Циренщикова. Четверть века назад он был продавцом в старом ГУМе.

— Да, снова, но в новом, замечательном ГУМе.

Много желающих пользоваться столом заказов «Гастронома». Покупку можно получить здесь же или ее доставят на дом: автомобили ГУМа весь день колесят по городу.

А поток покупателей не ослабевает. У подъездов выстроились автомобили. Так будет до позднего вечера, пока не прозвучит звонок, возвещающий об окончании торгового дня. Магазин, где организована подлинно советская, культурная торговля, в котором все подчинено заботе о человеке, завоевывает все большую популярность. Ежедневно магазин посещают десятки тысяч людей.

Советские лыжницы в Швейцарии

Участницы лыжных гонок в Швейцарии: В. Царева (слева) и М. Масленникова.
Фото А. Грахова (ТАСС).

Нас, советских лыжниц, на железнодорожной станции живописного швейцарского местечка Гриндельвальд ждала сердечная встреча. Нам была подана лошадь с бубенцами, впряженная в разукрашенные сани. Правда, поместиться всей команде в эти сани не удалось, и мы, сложив в них свои чемоданы, в сопровождении швейцарских спортсменов отправились в гостиницу пешком.

Советские лыжницы в Швейцарию попали впервые. Здесь, в Гриндельвальде, ежегодно проводится так называемая «женская лыжная неделя» с участием сильнейших спортсменок различных стран Европы. И на этот раз нам предстояла борьба с лыжницами Швеции, Италии, Швейцарии, Югославии и Западной Германии.

В состав советской команды входили Валентина Царева и Маргарита Масленникова (Ленинград), Лилия Каткова (Молотов), Софья Сушина (Горьковская область) и Алла Леонтьева (Свердловская область). Все они показали отличные результаты.

Трасса десятикилометровой гонки (два круга по пять километров) была проложена на голых склонах по сильно пересеченной местности (подъемы достигали пятисот метров). Чтобы успешно пройти такую дистанцию, нужно владеть не только техникой бега на лыжах, но и горнолыжной техникой.

Гонка закончилась победой нашей команды. Первой с результатом 43 минуты финишировала В. Царева. Следующие четыре первых места также заняли советские лыжницы: Масленникова, Сушина, Каткова, Леонтьева.

На другой день состоялись эстафетные гонки 3 × 5 километров, вызвавшие большой интерес у зрителей. Советский Союз был представлен двумя командами, причем мне, тренеру команды, неожиданно пришлось принять участие в этих состязаниях: наша лыжница Л. Козырева повредила ногу и не смогла выйти на старт.

Эстафеты также закончились победой советских лыжниц. Уже на первом этапе борьба за первое место завязалась между первой и второй командами СССР. Лыжницы Швеции и Западной Германии выступали одним коллективом.

Как и следовало ожидать, победу одержала наша первая команда, за ней финишировала вторая команда СССР. Лучшее время на этапе (21 минута 9 секунд) показала М. Масленникова.

Швейцарские газеты уделили много места на своих страницах лыжным гонкам и дали лестную оценку советским спортсменкам, назвав их «лыжными Затопеками».

З. БОЛОТОВА,
заслуженный мастер спорта.

Гриндельвальд (по телефону).

Соревнование трех поколений

В любом виде спорта особенно волнующими бывают международные встречи. И все же редкий международный шахматный турнир вызывает такой спортивный творческий интерес, как чемпионат Советского Союза. Наши турниры, являясь смотром достижений советского шахматного искусства за год, обычно дают миру новые шахматные таланты. Партии очередного чемпионата СССР ожидаются с огромным интересом любителями шахмат во всем мире.

На снимке: группа гроссмейстеров перед началом состязания: Т. Петросян, А. Лилиенталь, Ю. Авербах, Е. Геллер и М. Тайманов.
Фото Н. Козловского.

В острой борьбе проходят состязания советских шахматистов.

В XVII первенстве засверкал талант Е. Геллера, который только в результате проигрыша в последнем туре не стал чемпионом страны. Напряженным был финиш в XVIII чемпионате, победителем которого стал П. Керес. Еще живы в памяти XIX первенство, когда М. Ботвинник занял лишь пятое место, и боевые схватки на финише XX чемпионата.

К сожалению, открывшийся на днях XXI шахматный чемпионат СССР «блистает» отсутствием ряда ведущих наших гроссмейстеров. Не участвуют пять гроссмейстеров, которые в прошлом были чемпионами страны. М. Ботвиннику и В. Смыслову вскоре предстоит матч на первенство мира. К этому ответственному состязанию, конечно, нужно готовиться самым серьезным образом обоим гроссмейстерам. К ним никаких претензий нет.

Д. Бронштейн и А. Толуш, как известно, приняли участие в традиционном Гастингском турнире в Англии. Обладатель трех золотых медалей чемпиона СССР П. Керес занят литературной работой. Это не очень убедительная причина отказа. И. Болеславский и А. Котов заболели как раз перед началом чемпионата.

При неисчерпаемых «ресурсах» советского шахматного движения чемпионат СССР нетрудно было пополнить способными молодыми мастерами.

Обычно чемпионаты проходили в Москве. В связи с великим праздником — 300-летием воссоединения Украины с Россией — соревнование шахматистов проводится в столице Украинской ССР. Киевляне проявляют большой интерес к чемпионату.

Этот турнир имеет свою особенность: в нем нет «явного» кандидата в победители. Однако желающих добиться такого успеха немало. Так, например, Марк Тайманов рассуждает просто: «Если я в XX чемпионате поделил первое—второе места при более сильном составе, то теперь моя задача будет проще». Самый молодой гроссмейстер в мире Т. Петросян на турнире претендентов на звание чемпиона мира занял пятое место, пропустив вперед только В. Смыслова, Д. Бронштейна, П. Кереса и С. Решевского. «Следовательно, в Киеве я имею полное право занять первое место». Е. Геллер несколько раз был близок к цели, и «сейчас,— говорит он,— мое право — завоевать золотую медаль чемпиона». Но дело это все же не такое простое.. Собрались такие шахматные бойцы, что все двадцать участников «имеют право» на первое место, и они, конечно, постараются воспользоваться этим правом. В турнире много молодых; они хотя и уважают «стариков», но лишь при том условии, что «маститые» сумеют на деле доказать свое превосходство.

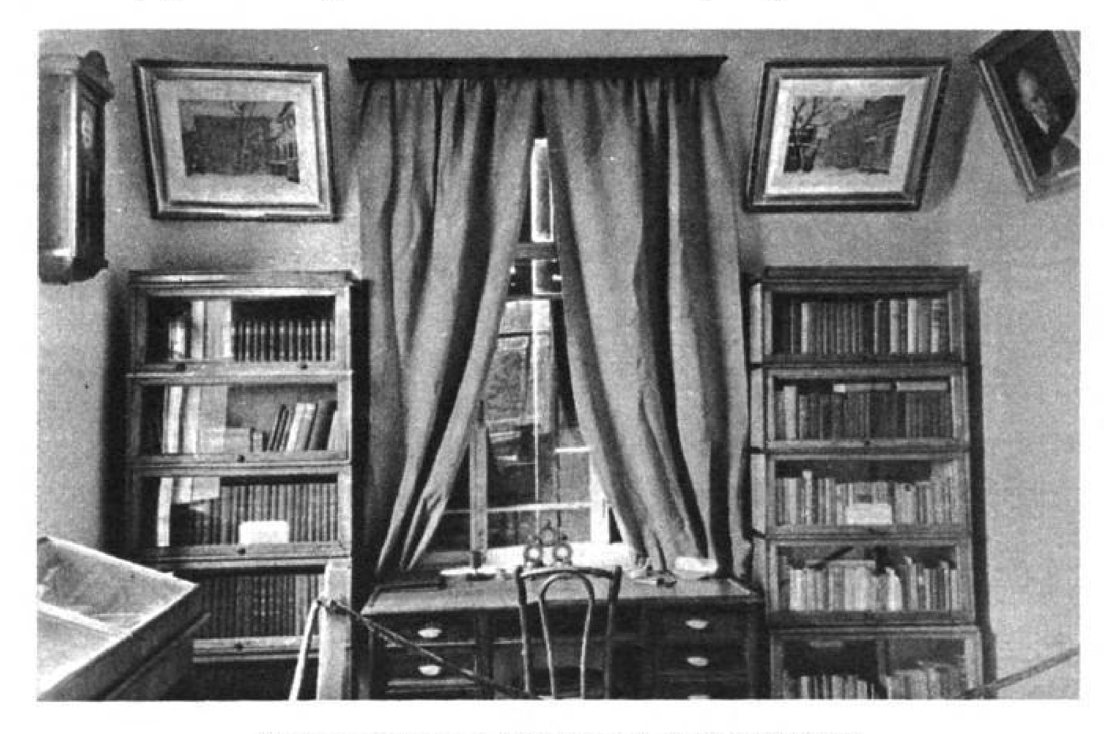
В первых двух турах, например, сильнейшее впечатление произвела игра молодого мастера В. Корчного в партии с гроссмейстером Е. Геллером. В. Корчной вел стремительную атаку в блестящем стиле А. Алехина. Уже на 25-м ходу позиция Е. Геллера была эффектно разгромлена. Е. Геллер — любимец зрительного зала, но киевляне бурно приветствовали блестящую победу молодого ленинградца. Некоторые из зрителей даже воскликнули: «Да здравствует молодежь!». Как будто 28-летний одесский гроссмейстер уже старик...

После двух туров ленинградский мастер Г. Лисицын имеет два очка. Ясно, что представители и старшего и среднего поколений не намерены без боя уступать свои позиции молодежи. Правда, два тура — это еще не старт, и делать какие-либо прогнозы рано.

Сало ФЛОР

Киев (по телефону).

В Доме-музее А. С. Серафимовича

Кабинет писателя в Доме-музее А. С. Серафимовича.
Фото А. Маклецова (ТАСС).

«Произведения А. С. Серафимовича всегда будут читаться нашей молодежью. Пример жизни писателя вызывает чувства глубокого уважения к старшему поколению, которое в трудной революционной борьбе завоевало счастливую жизнь и открыло дорогу к коммунизму».

«Писатель не раз бывал в нашем колхозе. Он радовался нашим успехам и часто помогал нам советом, укреплял в нас веру в то, что мы способны преобразовать природу и заставить ее служить нуждам советского человека».

Это строки из многочисленных записей в книге отзывов Дома-музея А. С. Серафимовича в городе Серафимовиче, бывшей станице Усть-Медведицкой. Первая запись принадлежит группе сталинградских студентов, вторая — членам колхоза имени Куйбышева, Серафимовичского района.

Здесь, в одном из живописных уголков Среднего Дона, прошли детство и юность Александра Серафимовича Серафимовича. Музей его имени расположен в доме, где писатель жил последние годы. В залах музея собраны книги, документы и вещи А. С. Серафимовича.

Сейчас, в связи с исполняющимся 19 января пятилетием со дня смерти писателя, музей посещают многочисленные экскурсии.

В. ГАФУРОВ,
директор музея.

Имени Владимира Ильича

Фото Дм. **БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Поворот влево ведет в Горки, где жил последние дни Владимир Ильич Ленин. Если же ехать по шоссе прямиком, попадешь в Каширу, на электростанцию. Ленин знал ее еще как Каширстрой и заботился едва ли не о каждом гвозде для строительства.

Здесь, у развилки дорог, в речной пойме и лежат земли колхоза имени Владимира Ильича. Ажурные переплеты мачт линии высоковольтных передач напоминают об осуществлении великого ленинского плана электрификации.

В январе 1921 года Ленин выступал на собрании крестьян деревни Горки. В стране была разруха, народ терпел лишения, а Ленин рассказывал о тракторах, электрическом свете, рисовал радостную, яркую жизнь в будущем. Жестокое время заставляло быть скупым и осторожным в конкретных обещаниях. И все же весной в Горки по распоряжению Владимира Ильича провели электричество от крохотной станции, что действовала по соседству. Несколько крестьянских семейств в Горках объединилось для совместной обработки земли, получив плуги, бороны, веялки, жатку, отобранные у помещиков.

Колхоз в Горках оценивает свой неделимый фонд в 6 миллионов рублей. А старожилы помнят, что, создавая в 1929 году артель, они всем обществом едва собрали движимого и недвижимого имущества на 50 тысяч рублей.

Тридцать два мотора в колхозе заменили и облегчили человеческий труд. Электричество качает воду из артезианских скважин для ферм и уличных водопроводных колонок, поливает дождем огороды, пилит лес, раздувает горн в кузнице, вращает станки и точила, молотит хлеб, режет силос, мельчит корма, доит коров.

В скором времени электроэнергия в Горках начнет выполнять еще одну важную работу: выращивать овощи при помощи ламп дневного света в огромной теплице. Теплицу срочно сооружают, не глядя на зиму, рабочие одного из московских заводов. Завод прислал в колхоз бульдозер, канавокопатель — всю необходимую технику. Сельхозбанк отпустил кредиты на полтора миллиона рублей. Ленинский завет — крепить священный союз рабочих и крестьян — воплощен в могучей материально-технической помощи, которую оказывает индустриальный город колхозной деревне.

Колхоз готовился к сельскохозяйственной выставке в районе. Там по традиции встретились соперники в соревновании.

— Краснеть не придется, — говорил колхозный агрономом Федор Шепелев, укладывая на стенде снопы гибридной пшеницы с пышными колосьями. — Урожаи берем не хуже кубанских...

— А картофель и овощи наши чем плохи? — подхватила Нина Белова, второй колхозный агроном.— Смотрите, какие!

— Главное на выставке — наглядные цифры, — вмешался в разговор добровольный художник колхоза, маляр по профессии, Михаил Жуков. — Собрано 480 центнеров капусты с гектара при норме 115. Не каждый имеет право такое написать, а мы имеем.

В колхозе есть еще один агроном, который занимается садоводством. Это тоже очень серьезная отрасль хозяйства в пригородной зоне. Откликаясь на решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС, колхоз расширил садовые насаждения с 54 гектаров до 61. Тысячи корней яблонь, груш, вишен, слив посадили колхозники и на своих усадьбах.

Есть в артели и специалист-зоотехник, которому тоже хватает дел на колхозных фермах.

— Живем не хуже городских, — сказал нам секретарь партийной организации колхоза Давид Басионок. — Мы обеспечены медицинской помощью. Пользуемся прекрасным клубом. Кинофильмы у нас идут первым экраном. Газеты и книги читают в каждой семье. Колхоз имеет собственную библиотеку. Радиоприемники почти во всех домах. Семейств тридцать имеют телевизоры...

Но больше всего в Горках гордятся школой. Она построена в память о Ленине под личным наблюдением Надежды Константиновны Крупской. В ней учатся 650 девочек и мальчиков, все они могут получить полное среднее образование у себя в селе.

Юле Тарасенко, которую мы застали на уроке арифметики, пока что до этого далеко. Сейчас она думает только о том, как складывать цифры «на косточках».

Татьяна Васильевна Бендерина видела Ленина. Это в доме ее отца он выступал с докладом. Бендерина была тогда совсем молоденькой, не знала, к чему приложить свои сильные руки. Настоящее призвание она нашла в колхозе. Бендерина была среди первых женщин села, которые отважились свести своих единственных коров на общественную ферму.

Теперь Татьяна Васильевна работает бригадиром большой молочной фермы.

Дома она любит возиться с внучатами.

— Для них и живем!

Главный доход колхозу приносит животноводство. По надоям колхоз имени Владимира Ильича занимает одно из первых мест в Московской области — 4 500 килограммов молока в среднем на корову. В нынешнем году доярки надеются поднять удои до 5 тысяч килограммов.

На снимке: доярки Александра Мартынова (справа) и Вера Гаврилина. Они лучшие доярки в бригаде Татьяны Васильевны.

С. КАНЕВСКИЙ

Бразильская певица в Москве

Ванжа Орико выступает во Всесоюзном театральном обществе.

Фото Е. Умнова.

В Москве состоялись концерты гостившей в Советском Союзе молодой бразильской артистки, участницы Венской сессии Всемирного Совета Мира Ванжи Орико.

В концерте Орико исполняла народные бразильские, индейские, негритянские песни, романсы бразильских композиторов. Вот звучит скорбный монолог старого индейца, тоскующего о погибшем на войне сыне; слышится веселая карнавальная мелодия; ее сменяет грустная песня вождя негритянского племени, порабощенного белыми. В каждом случае певица находит новые краски. Скупыми, но выразительными движениями, мимикой, голосом раскрывает она своеобразие напева.

Ванжа Орико не только певица, но и киноактриса: она участвовала в съемках бразильского фильма «Конгасейры». В этом фильме только четыре главные роли исполняли актеры, а в остальных выступили непрофессионалы. Снимали картину в глубине страны — на северо-востоке Бразилии. Там Орико услышала много народных песен своей родины, которые полюбились ей. После съемки певица совершила поездку по стране и записала множество мелодий, которые поет ее народ. 16 ноября 1953 года в городском театре Рио-де-Жанейро Орико дала концерт бразильской народной песни. Следующий концерт Орико, составленный из бразильских песен, состоялся в Советском Союзе.

— Сердечное внимание, — говорит Ванжа Орико, — с которым приняли советские слушатели бразильские песни, показывает, как музыка, особенно народная, способствует взаимопониманию и сближению народов. Это укрепило мое желание посвятить свое творчество изучению и исполнению народной музыки.

Ванжа Орико исполняла также произведения Чайковского и Римского-Корсакова на русском языке.

И. СЕМЕНОВА

У горийских текстильщиков

Одетые в камень розового цвета, издали виднеются фабричные корпуса и дома рабочего поселка.

Это Горийский хлопчатобумажный комбинат. Его еще не достроили, но уже с 1951 года отсюда поступает свыше 8 тонн пряжи и 70 тысяч метров хлопчатки в сутки.

Мы идем с главным инженером комбината Дмитрием Федоровичем Сироткиным по прядильной и ткацкой фабрикам. Он коренной ивановец, почти четверть века проработал инженером на ивановских текстильных фабриках.

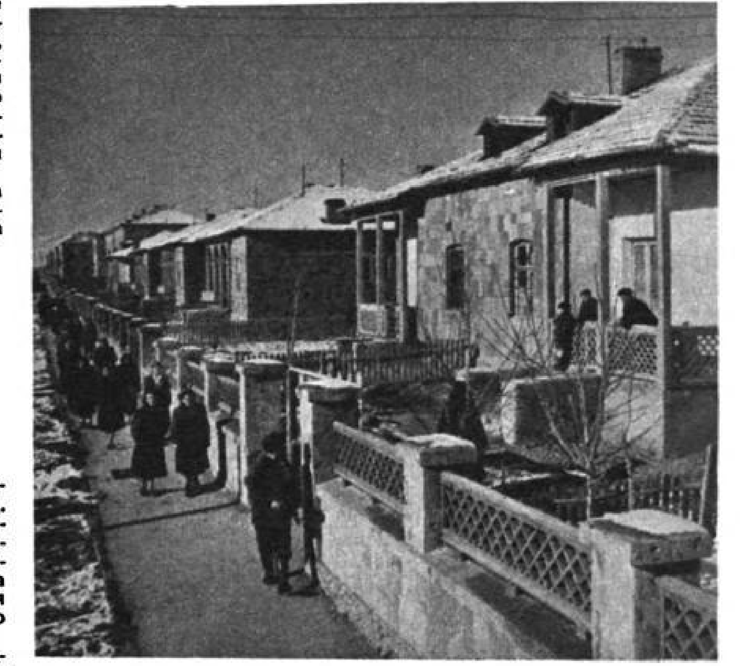
У станков и машин много его землячек — прядильщиц и ткачих из Иванова. Рядом с ними недавние колхозницы окрестных горийских сел. Некоторые из них осваивали новую профессию в Москве, Ташкенте, Ленинграде. Другие пришли прямо в цех и здесь учились у своих односельчан и их русских подруг. Третьи, совсем юные,— ученицы школы ФЗУ при комбинате.

...Отделочная фабрика. Сейчас здесь в полном разгаре монтаж оборудования. Лучшая бригада приступает к монтажу крупнейшего отбельного агрегата. Созданный ивановскими машиностроителями, он соединяет целую группу машин и намного повышает производительность. В первом квартале отделочная фабрика должна вступить в строй и дать первые метры тонких бельевых и плательных материалов.

Когда закончится строительство второй очереди комбината, выпуск продукции достигнет 17,5 миллиона метров тканей: вуаль-крепа, сатин-файна, батиста, маркизета, пестротканных зефиров, фланели.

Преображается старый Гори. С каждым годом все дальше отходит город от крепости, к которой он лепился в течение многих столетий. Новые кварталы располагаются в долине.

И. МЕСХИ

Здесь живут горийские текстильщики.

Фото Я. Аврутина.

Открытие в Старосельской пещере

Находка останков первобытного человека — исключительная редкость. Первую такую вошедшую в обиход науки находку посчастливилось сделать всего около ста лет назад: в 1856 году землекопы в долине Неандер (Германия) случайно наткнулись на древние кости. По месту открытия найденного первобытного человека назвали неандертальцем.

Спустя 35 лет, в 1891 году, ученый Дюбуа на острове Ява откопал части скелета человека, еще более древнего, чем неандерталец, — так называемого питекантропа. Последний имел столько схожих черт с обезьяной, что многие ученые не соглашались признавать его человеком. Однако впоследствии они вынуждены были сдаться: да, питекантроп — уже человек. Он ходил неизмеримо прямее, чем любая обезьяна, объем его мозга также намного превышал объем мозга самой высокоразвитой обезьяны. Нет еще таких находок, которые неоспоримо подтверждали бы, что питекантроп умел изготовлять самостоятельно орудия труда, чего не делает никакое животное. Но на основании даже спорных находок можно с большой долей уверенности предполагать, что питекантроп был способен на изготовление примитивных каменных или деревянных орудий.

С момента открытия в долине Неандер наука о происхождении человека стала на прочный фундамент. Естественно, что каждая новая находка такого рода является выдающимся событием мировой науки.

В конце прошлого года 24-летний аспирант Института истории материальной культуры Академии наук СССР А. А. Формозов обогатил науку замечательным открытием в этой области. Близ села Староселья в Крыму он раскопал в пещере, которая была местом обитания первобытного человека, скелет примерно полуторагодовалого ребенка, который пролежал здесь многие десятки тысяч лет. В Крыму тогда бегали песцы и бродили обросшие шерстью мамонты.

Скелет, найденный Формозовым,— это новое промежуточное звено между неандертальцем и наиболее высоким типом человека, к которому принадлежит все современное человечество, — Homo sapiens (разумный человек).

Чрезвычайно существенно, что скелет обнаружен в слоях, аналогичных тем, где до сих пор находили только неандертальцев. Это говорит о том, что в построении тела между неандертальцем и современным человеком не было перерыва в развитии и что неандерталец, таким образом, — предшественник всех нынешних рас, а не только «низших», как это пытаются изобразить расисты. Все расы ведут свое происхождение от одного предка, и этот предок — неандерталец.

До сих пор науке не был известен ни один череп с таким своеобразным сочетанием черт неандертальца и Homo sapiens, как извлеченный из пещеры в Староселье. Крутой, выпуклый лоб резко отличается от скошенного, убегающего назад лба неандертальца. И в то же время массивность нижней части лобной кости, если бы ребенок дожил до взрослого возраста, непременно дала бы характерный для неандертальца сплошной надглазничный валик или, по крайней мере, очень крупные надбровные дуги.

На нижней челюсти ясно обозначен подбородочный выступ, типичный для современного человека и отсутствующий у неандертальца. Одновременно на той же нижней челюсти (как, впрочем, и на верхней) очень крупные зубы, что показательно лишь для предшественников Homo sapiens, а не для него самого.

Эти и другие данные найденного черепа — неоспоримое доказательство того, что ребенок из Старосельской пещеры уже не неандерталец. Такого промежуточного звена в развитии человека, наиболее близкого к типу современного человека, наука еще не знала. В этом особая ценность находки молодого ученого.

Большую трудность представляло извлечение найденного скелета из земли. Это была, собственно, не земля, а гравий, засыпавший груду довольно крупных, но ничем друг с другом не скрепленных камней. Кости же скелета отличались такой хрупкостью, что достаточно было хоть слегка потревожить гравий, и они тут же рассыпались бы в прах.

А. А. Формозов обратился за помощью в Москву. Институт этнографии Академии наук СССР отрядил в Староселье комиссию из крупнейших археологов и антропологов. Один из членов этой комиссии, М. М. Герасимов, широко известный своими работами по восстановлению облика доисторического человека, нашел способ решить эту задачу: не извлекать кости, а перевезти скелет в Москву вместе с постелью из гравия, на которой он покоился.

Чтобы гравий не рассыпался, сверху его многократно залили специальным клеем. Герасимов закрыл скелет оловянной фольгой, а затем слой за слоем марлей, пропитанной восковой мастикой. Когда таким образом сформировался восковой кожух, его залили гипсом, а гипсовый кожух укрепили еще деревянной дранкой.

Теперь скелет в полной сохранности находится в Москве. М. М. Герасимов занимается восстановлением облика найденного ребенка, и вскоре мы увидим, как выглядел в действительности младенец каменного века.

Советская наука сделала еще один крупный шаг вперед в разрешении вопроса о происхождении человека.

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Роспись по дереву.

На снимке: Я. Рауфов за росписью многогранного столика.

Фото автора.

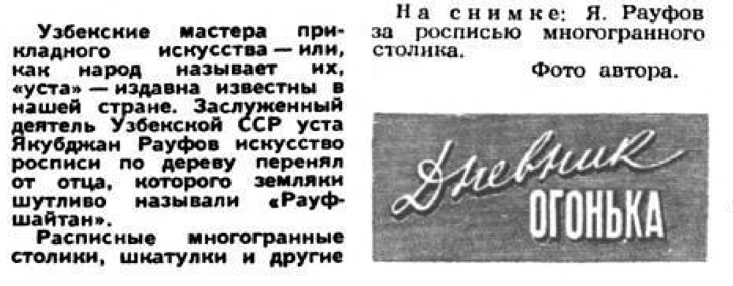
Узбекские мастера прикладного искусства — или, как народ называет их, «уста» — издавна известны в нашей стране. Заслуженный деятель Узбекской ССР уста Якубджан Рауфов искусство росписи по дереву перенял от отца, которого земляки шутливо называли «Рауф-шайтан».

Расписные многогранные столики, шкатулки и другие изделия, выполненные Рауфовым, можно встретить во многих домах. Лучшие его работы хранятся в музеях Москвы, Ташкента и Самарканда. Художник работает и в монументальной живописи: в Ташкентском театре оперы и балета имени А. Навои он расписал плафоны главного портала и боковых аркад.

В росписях художник исходит из народных таджикских узоров, но искусная его кисть в традиционный национальный узор всегда вводит новые элементы и мотивы. Художник решает сложные композиции на темы нашей советской жизни.

Свой многолетний опыт работы и знания Я. Рауфов передает ныне молодежи Ташкентского художественного училища.

О. АПУХТИН

ПО ЗАПАДНОЙ АВСТРИИ

К. НЕПОМНЯЩИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Дорога рассказывает...

Итак, разрешение американских и французских оккупационных властей получено, и мы, группа советских журналистов, едем по Западной Австрии. Мы избрали наиболее простой маршрут: новые дороги, построенные американцами, не указаны на карте, и наша машина идет по старым австрийским дорогам, по маршруту Вена — Линц — Зальцбург — Инсбрук.

Дорога полна разноголосого шума автомобильных сирен. Постепенно солнце разрывает хлопья тумана, и тогда видишь цепи дальних холмов, покрытых лесами.

Есть что-то печальное в зимнем австрийском пейзаже. А может быть, мне только показалось так, потому что я бывал в этих краях весной 1945 года, когда все здесь ярко цвело. Рабочих в те дни окрыляли большие надежды, рожденные могучим натиском Советской Армии, которая гнала по австрийской земле остатки разгромленных гитлеровских дивизий. По обочинам шоссе валялись разбитые немецкие орудия и машины. С берегов Рейна, из Баварии шли на восток, навстречу освободителям колонны измученных, голодных людей. Помнится, где-то в этих краях над нашей старой, многое повидавшей на своем веку полуторкой стал кружить связной самолет с американскими опознавательными знаками. Мы остановились. Летчик ловко приземлился на поле рядом с шоссе. Из кабины выпрыгнул высокий чистенько одетый капитан. Джордж Гамильтон — я хорошо запомнил это имя — был очень встревожен.

— Ваши войска наступают гораздо быстрее, чем мы ожидали,— сказал он.— Фашистские дивизии,— капитан не сказал остатки фашистских дивизий,— уже складывают оружие в нашем тылу. Мой генерал просил русских не открывать без предупреждения огонь на рубеже... Капитан назвал рубеж, и мы обещали передать просьбу американского генерала офицерам наших передовых частей... Сегодня, конечно, ничто уже не напоминает о тех днях.

Шофер включает приемник, и в машину врывается дробь марша. Идет передача радиостанции Соединенных Штатов для американских оккупационных сил в Австрии. Чем дальше от Вены, тем реже можно услышать по радио австрийскую речь и австрийскую музыку. Английская речь и американская музыка забивают все вокруг. Последние аккорды марша, и вслед за коротким сообщением о погоде — джаз. Бум-бум! Джум-джум! Ну, конечно, это буги-вуги. Американские военные марши и так называемая американская лирика звучат здесь особенно громко и развязно.

Парад жандармских частей.

Дорога идет в гору. Белый щит торжественно оповещает: «Вы въезжаете в зону оккупационных сил Соединенных Штатов Америки».

Не раз мы попадали в поток американских машин. Здесь были студебеккеры, виллисы, бьюики, шевролеты, кадилляки, форды — грузовые и легковые. На буферах многих машин можно прочесть два слова: «Соединенные Штаты»,— а на других — лишь одно: «Жандармерия». Вот тяжелый грузовой форд тянет в гору броневик. «На американских машинах австрийские номера», — замечает один из моих спутников.

А вот навстречу нам несется полный жандармов виллис. Куда они так торопятся?

Справа от шоссе — аэродром, слева — танкодром, а еще немного впереди — артиллерийский полигон. В Вене недаром говорят, что Западная Австрия превращается в военный лагерь.

Линц

Мы въезжаем в первый на нашем пути большой город американской зоны. Бараки в его предместьях — вот что сразу бросается в глаза. Они были построены во время войны и вовсе не предназначались для граждан Линца. Но жилья нет, и многие тысячи рабочих рады получить хоть угол в этих мрачных и сырых коробках. До сих пор у них нет никакой перспективы выбраться отсюда. В прошлом, 1953 году правительство ассигновало на жилищное строительство 201 миллион шиллингов. По бюджету, на новый год ассигновано около 100 миллионов — в два раза меньше.

Мы спросили у австрийских рабочих, обитателей бараков, чем они объясняют такое резкое сокращение расходов на жилищное строительство.

— Нам самим хотелось бы получить ответ на этот вопрос,— сказал один из них.

— Поезжайте вперед, — добавил другой.— И смотрите, что́ там расположено справа от шоссе.

Действительно, недалеко от этих бараков мы увидели шестнадцать каменных корпусов, окруженных колючей проволокой. У ворот — жандарм. За колючей проволокой неожиданно послышался пронзительный сигнал боевой тревоги. Захлопали двери казарм; на ходу застегивая шинели, жандармы выбегали на плац. Мы замедлили ход. Сюда, на шоссе, не доносятся слова команды, но мы не очень удивились бы, услышав ее на английском языке: австрийская печать сообщает, что в некоторых жандармских школах инструкторами являются офицеры американской армии.

Не слышно слов команды, зато отчетливо видно все, что происходит на плацу. Группы солдат — этих молодых людей, одетых в серые шинели, правильнее называть солдатами, а не жандармами — продвигаются вперед с оружием наперевес. Вот они залегли. Перебежка. Атака!..

От жандармской школы минут пятнадцать до центра Линца. Узкие улицы, белые трамваи. Магазины с хорошо оформленными витринами полны товаров. Но покупателей нет: все, что выставлено для продажи, не по карману простому человеку. Здесь же, в центре Линца, есть дом, где торгуют... бесплатно. За стеклами блестящих витрин лежат антисоветские книги в кричащих многокрасочных обложках. Это «Америка-хауз» — американский информационный центр. И хотя вообще книги в Австрии очень дороги, а эти книги и газеты можно брать, не тратя ни единого шиллинга, здесь так же пустынно, как и в магазинах.

Еще в недавнем прошлом Линц был небольшим провинциальным городом, тесно связанным с сельским хозяйством. Во время второй мировой войны на его окраинах поднялись шесть домен сталелитейного завода Геринга, был построен большой химический завод, расширен порт. Ныне Линц — крупный индустриальный центр Австрии. Рабочие здесь все лучше разбираются в том, что происходит в мире, и их не так легко сбить с толку книжкой в яркой обложке.

В первый же день нам случилось познакомиться с Рихардом М. Это человек лет пятидесяти, маленький и настолько худой, что кажется совсем высохшим. Рихард М.— агент торговой фирмы. Он много ездит по Австрии. За свою антифашистскую деятельность еще в 1939 году М. был брошен в концентрационный лагерь Бухенвальд и получил свободу лишь в мае 1945 года.

— Мне хочется, чтобы вы написали о том,— начал наш собеседник,— чего не замечают или не хотят замечать некоторые наши австрийские газеты.

— Что вы имеете в виду?

— Жандармерию.— Рихард резко повернулся на каблуках.— Недавно мне привелось быть в Форарльберге. Маршируя по улицам Брегенца, жандармы пели такую песню:

Пусть зеленое поле
Превратится в желтый песок,
Когда мы начнем маршировать
По вражеской земле...

Это была старая фашистская песня, и, повторив ее слова, наш собеседник устало махнул рукой.

— Слышали ли вы что-нибудь о «F. K. A.»? — продолжал Рихард.— Это значит «Freikorps Alpenland» — «Свободный альпийский корпус». Члены корпуса при появлении своего «фюрера» вытягиваются по команде «смирно». Каждое собрание у них заканчивается песней, в которой есть такие слова:

Мы хотим снова в поход,
В поход на восток!..

Слушая Рихарда, я вспомнил любопытные детали, которые недавно приводила газета «Эстеррейхише цейтунг». «Свободный альпийский корпус» распространяет листовки, в которых требует немедленно аннулировать приговор нюрнбергского Трибунала и реабилитировать главных немецких военных преступников. Когда об этом стало известно в широких кругах австрийской общественности, правосоциалистическая пресса, хранившая долгое время молчание, наконец подала свой голос: «Не стоит обращать внимание на глупости зеленой молодежи».

Но в Австрии есть люди, которые понимают истинное значение подобных «глупостей». Рихард М., рабочий Иозеф Лукенедер, член рабочей палаты Верхней Австрии, и многие другие жители Линца, с которыми нам приходилось говорить на эту тему, считают, что на деятельность фашистских организаций следует обратить самое серьезное внимание. Им не нравятся песни, в которых Австрию зовут в поход на восток. Им не нравится, что форма членов «Свободного альпийского корпуса» очень напоминает форму «Гитлерюгенд». Им не нравятся и так называемые вечера в тесном кругу, потому что, по существу, это те

же сборища, какие устраивала когда-то гитлеровская молодежь. Министерство внутренних дел Австрии после многочисленных протестов австрийской общественности запретило эту организацию лишь в Граце, где особенно распоясались фашистские молодчики, и сделало вид, будто ничего не знает о деятельности «Свободного альпийского корпуса» и им подобных фашистских союзов в Вене и других городах Австрии.

На одной из центральных улиц Линца мы увидели в витрине уже пожелтевшую газету. В ней оповещалось о дне слета бывших солдат, унтер-офицеров и офицеров танковой дивизии «Великая Германия».

— Кроме бывших солдат и офицеров этой дивизии, проживающих в Линце,— рассказывал нам рабочий Лукенедер,— на слет должны были приехать две тысячи «делегатов» из Западной Германии. Роль главного оратора взял на себя гитлеровский генерал Мантейфель — один из самых рьяных вдохновителей фашистских военных союзов.

Многие граждане Линца помнят подробности, связанные с подготовкой этого фашистского сборища. Обстоятельства, при которых слет в Линце был сорван, показывают, как растут прогрессивные силы в этом городе. Жители Линца правильно расценили готовящийся слет как демонстрацию против мира. Рабочие собирались группами в цехах своих заводов и прямо на улицах, требуя от местных властей запретить слет. В бургомистрат одна за другой поступали резолюции протеста, но власти продолжали делать вид, будто слет, дескать, сам по себе, а они сами по себе. Тем временем фашистский «подготовительный комитет» развил бурную деятельность. Бывших солдат, пытавшихся уклониться от участия в слете, специально «обрабатывали». К протестам рабочих Линца вскоре присоединились представители интеллигенции. В бургомистрат стали прибывать делегации демократических организаций, женщин, профсоюзов. После совещания с полицией бургомистр вынужден был принять решение — запретить проведение фашистского слета в Линце. Тем, кто уже выехал из Мюнхена, пришлось вернуться восвояси. Но «подготовительный комитет» не сложил оружия: он обратился в Министерство внутренних дел с требованием разрешить слет, мотивируя это свое требование тем, что... к слету уже все готово! Однако протест общественности нарастал с такой силой, что министерство вынуждено было подтвердить решение местных властей. Так была сорвана встреча экскригеров, бывших вояк, как их называют в Линце.

На улицах Вены. Демонстрация против возрождения военных фашистских союзов. Надписи на плакатах демонстрантов гласят: «За дружбу со всеми народами!», «Долой великогерманские военные сборища!», «Прославление солдатчины служит подготовке войны, но мы хотим мира!»

Разговор о музыке

Профессор Штайнер — один из наиболее уважаемых граждан Линца. Мы приехали в возглавляемую им консерваторию имени Брукнера несколько раньше назначенного им времени. Из-за белых дверей, выходивших в сверкающий чистотой коридор, доносились звуки рояля, флейты, арфы. Профессор появился ровно в шесть тридцать. Это был человек высокого роста с седой головой, густыми черными бровями и очень молодыми глазами на изрезанном морщинами лице.

В кабинете, где стоял рояль, он уселся рядом с нами и, облокотившись на ручки кресла, медленно сказал:

— Если вы, господа, приехали, чтобы говорить со мной о политике, будем считать, что наша беседа уже закончилась.

Мы в недоумении переглянулись. Профессор произнес эти слова совершенно серьезно. Не дав нам возможности возразить, он продолжал:

— Если же вы пришли говорить со мной о музыке, то я благодарю вас, и я в вашем распоряжении!

— Ну что ж, мы готовы поговорить с вами о музыке...

— Понимаете,— начал свой рассказ профессор,— когда у человека жизнь полна музыки, как у меня, то ему не до политики. В 1945 году, когда я вернулся в Линц, консерватории не существовало — не было даже окон в этом доме. Сначала я имел пять учеников. Сейчас их около двух тысяч. В программе у нас Бетховен, Чайковский, Гайдн, Моцарт, Римский-Корсаков, Глазунов, Брамс...

Он с увлечением долго говорил о музыкальном искусстве. Все, что он говорил, было, очевидно, давно и хорошо продумано и, несомненно, представляло большой интерес.

С детства его самый любимый инструмент — орган. Кто был его учителем? Август Коллерих — друг и ученик Листа. Сам Штайнер написал около ста музыкальных пьес, несколько песен, которые хорошо известны в Австрии.

На сорок седьмом году жизни ему пришлось стать солдатом.

— Меня силой оторвали от рояля. Я тяжело заболел, когда носил гитлеровские погоны. Я был плохим солдатом и вскоре снова стал свободным художником.

С большой силой убеждения профессор говорит о том, что ему все равно, откуда, из какой страны приходит к нему в дом музыка, но это должна быть настоящая музыка!

— Недавно в Линце гостил наш оркестр русских народных инструментов имени Осипова,— сказал я.— Вы слушали его, господин профессор?

Штайнер вскочил с кресла, подошел к письменному столу и стал быстро выдвигать и задвигать ящики. И вот в его руках исписанный лист бумаги.

— Прочитайте,— подал он нам этот лист.— Я никогда раньше не писал газетных статей. А это моя статья об оркестре русских народных инструментов. Впрочем, прочитаете потом. Когда концерт окончился, я хотел подойти к дирижеру и поблагодарить его, но потом подумал: «Разве может моя благодарность хоть в какой-то степени вознаградить этот оркестр за те прекрасные минуты, которые он подарил Линцу?..»

— Много ли знает профессор о советской музыкальной жизни?

— Мало,— откровенно признался наш собеседник.— Меня часто спрашивают: «Вы любите советскую музыку?» Я отвечаю: «Да». «Вы хорошо ее знаете?» Я отвечаю: «Плохо». В Линце не достанешь современных русских нот. А ведь нам очень нравятся и Прокофьев и Шостакович. Пришлите мне, если можно. И пластинки — очень хорошо, если бы можно было получить хоть несколько пластинок из Москвы...

Мы обещали, что пришлем ноты и пластинки. Был уже поздний час, и мы стали прощаться. В коридоре очень тихо: занятия в консерватории давно закончились. Прощаясь с нами, профессор продолжал:

— Одна моя знакомая артистка была недавно в вашей стране. Вернувшись, она сказала мне: «Если вы хотите, господин Штайнер, узнать, как люди умеют понимать, ценить и слушать музыку, поезжайте в Россию».

— Раз уж наша беседа продолжается, позвольте задать еще один, последний вопрос. Чем объяснить, что каждый раз, когда мы включаем приемник и слушаем Вену, мы все реже слышим Моцарта, Листа, Штрауса и все чаще — буги-вуги?

Профессор сердито замахал длинными руками:

— Это не музыка, господа! Почему вы мне говорите о буги-вуги? Это — то, что растлевает нашу молодежь, это отрава! Каждый раз, когда я слышу это, я вспоминаю Гитлера. Он хотел нас, австрийцев, превратить в немецких солдат. Для этого нам делали психологические прививки. Нам насильно делали прививки, которые в каждом из нас должны были убить человека.

Он остановился на середине комнаты и, несколько успокоившись, сказал уже сдержаннее:

— Нет, я не могу слышать этот ужасный ритм, сопровождаемый не мелодией, а шумом. Этой своей «лирикой» американцы делают политику. Поэтому о буги-вуги запрещено упоминать здесь, в консерватории Брукнера.

— В начале нашей беседы, господин профессор, вы сказали, что мы будем говорить только о музыке. Согласитесь, что мы говорили о политике.

Он развел руками:

— Ну что же делать, молодые люди! Если любишь музыку, приходится постепенно разбираться и в этом... в политике.

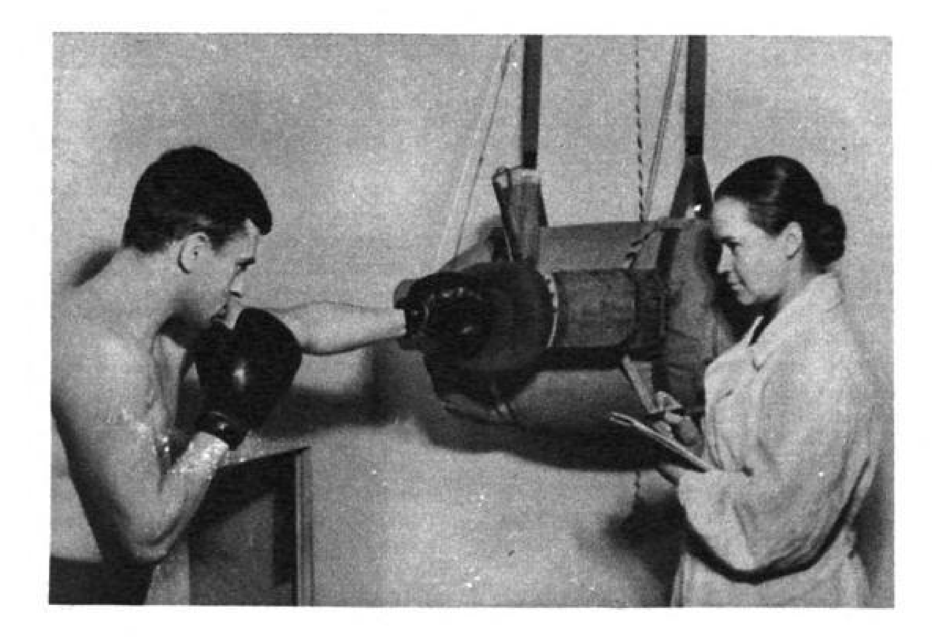
От спорта — К НАУКЕ

Е. ВАСИЛЬЕВ

Фото В. Монина.

В Московском центральном научно-исследовательском институте физической культуры работает большая группа бегунов, альпинистов, пловцов и других спортсменов, ставших на путь научных исследований.

Молодая наука о спорте, созданная в нашей стране, связана в первую очередь с педагогикой, биологией и медициной. Показания точнейших измерительных приборов, лабораторный анализ, объективное исследование — вот что помогает теперь борьбе за новые рекорды.

⇧ Сила удара боксера достигает 500 килограммов — это установлено точно. Но насколько сила удара зависит от дыхания, от вдоха и выдоха спортсмена? Этот вопрос выясняет научная сотрудница института Е. Мухамедова с помощью динамометра специальной конструкции.

Десятки подобных экспериментов провела Е. Мухамедова, изучая, как наша центральная нервная система согласует работу различных мышечных групп. На эту тему она написала кандидатскую диссертацию.

Несколько лет назад Елена Мухамедова училась в Московском высшем техническом училище имени Баумана и с увлечением занималась гимнастикой, легкой атлетикой, лыжным спортом. Получив диплом инженера, девушка поступила в школу тренеров, а затем окончила Институт физической культуры имени Сталина.

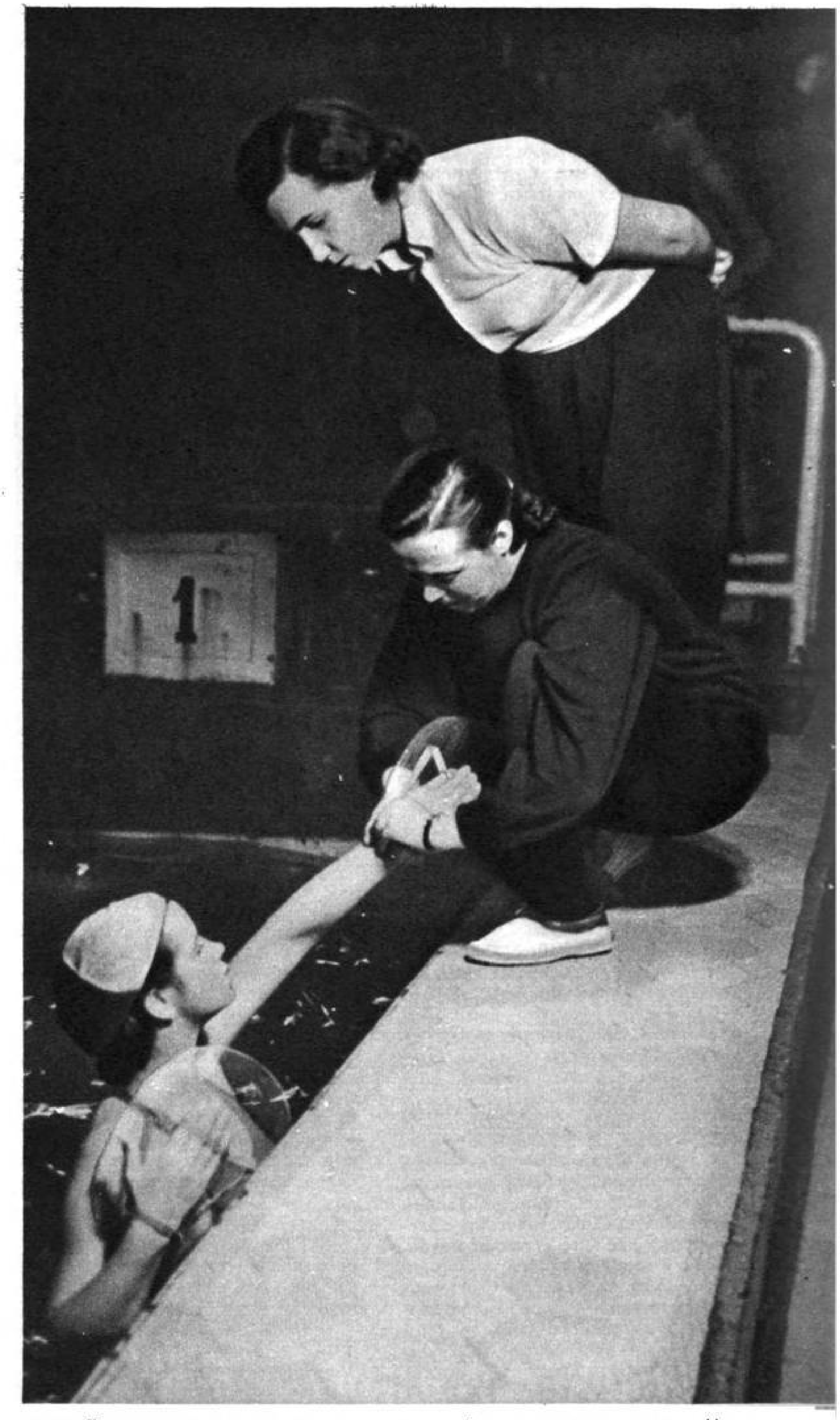
Теперь Е. Мухамедова отдает свои знания и спортивный опыт научно-исследовательской работе.

⇦ Легкоатлеты тренируются на снегу! Сейчас этим никого не удивишь, но четыре года назад зимние занятия под открытым небом были в новинку. Тогда многие считали, что тренироваться зимой на воздухе можно лишь в южной полосе страны.

Аспирант института, мастер спорта Владимир Филин, сам тренер и бегун на короткие дистанции, придерживался иных взглядов. Проверить свое убеждение он решил опытным путем. Всю зиму Филин тренировался в Москве на плотно утрамбованном снегу. Спортивные результаты Филина к лету значительно повысились. В 1950 году он впервые стал чемпионом РСФСР в беге на 200 метров.

Два следующих зимних сезона Филин использовал для опытных занятий со студентами Московского энергетического института. Собрав богатый фактический материал, В. Филин минувшей осенью защитил кандидатскую диссертацию на тему «Зимняя тренировка бегуна на короткие дистанции на открытом воздухе». Спортсмену присвоено звание кандидата педагогических наук.

Старайся, чтобы каждый участок твоего тела испытывал наименьшее сопротивление воды! — такова одна из основ спортивного плавания... Но вот к ладоням спортс- ⇧

менки прикрепляют особые «ласты», которые сопротивление воды, наоборот, увеличивают. Для чего же это делается? Тренировки с «ластами» усиливают нагрузку на мышцы и помогают их развитию.

Старшая научная сотрудница института М. Набатникова (третья справа) недавно закончила работу, которая освещает особенности тренировок пловцов-женщин. В своем исследовании Набатникова рекомендует применение «ласт».

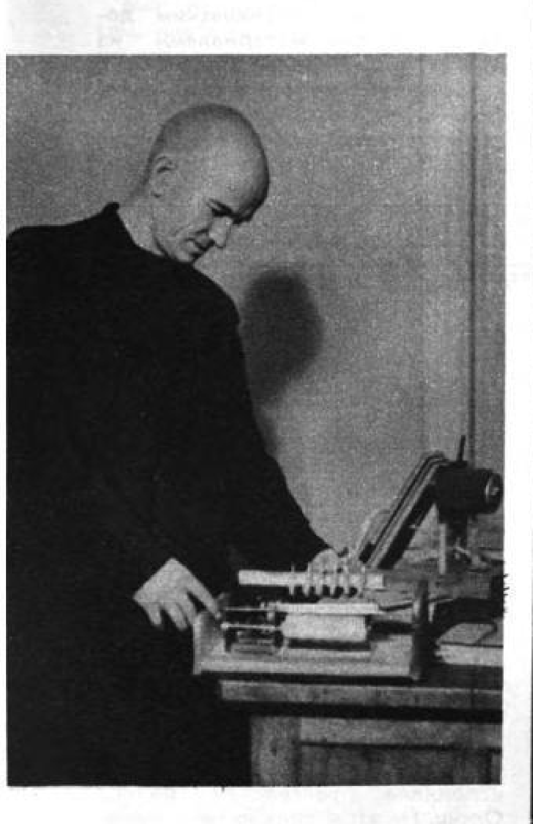
Известный альпинист, руководитель многих рекордных восхождений, заслуженный мастер спорта Виталий Абалаков — по профессии инженер-механик. Свои технические знания он начал применять в спорте еще несколько лет назад, улучшая альпинистское снаряжение. Позже Абалаков стал создавать различные измерительные приборы, позволяющие совершенствовать методы спортивных тренировок.

Одним из наиболее интересных приборов Абалакова является спидограф, фиксирующий скорость бегуна, пловца, конькобежца на каждом метре двухсотметровой дистанции.

Когда спидограф записал бег сильнейшего спринтера Л. Санадзе, тренеры были поражены. Вычерченная на бумажной ленте кривая показывала, что после рывка со старта Санадзе теряет скорость между четвертым и шестым метрами своего пути. Забег повторили, и аппарат снова отметил падение скорости в начале дистанции. В чем тут дело?

Оказывается, Санадзе после старта слишком резко выпрямлял корпус, что и тормозило его бег.

В кабинете совершенствования научной аппаратуры В. Абалаков создал недавно прибор, дающий возможность фиксировать одновременно результаты ряда исследований.

* * *

...Мы назвали только несколько имен. Но в институте работают и многие другие спортсмены, нашедшие свое призвание в научной деятельности.

Вдаль уходят опорные столбы. Лыжник усаживается на сиденье, чтобы подняться в горы.

Фото И. Кенарского.

ЛЫЖНЫЙ ПОДЪЕМНИК

Близ столицы Казахстана Алма-Аты, в горах Заилийского Ала-Тау, стало широко известно урочище Чимбулак. В районе этого урочища проводятся соревнования сильнейших горнолыжников страны по слалому, горному двоеборью и скоростному спуску.

От альпинистского лагеря спортивного общества «Спартак» идет утомительный и долгий подъем к Талгарскому перевалу — к старту скоростного спуска. Подъем по глубокому снегу с лыжами за плечами отнимал у спортсмена много времени и сил. Горнолыжники успевали в течение целого дня произвести тренировочный спуск всего один, два раза.

Теперь на перевал спортсменов поднимает канатно-буксировочная дорога протяженностью в 1 470 метров.

От долинной станции, где расположен рабочий механизм подъемника, приводящийся в действие электричеством, ввысь уходят двадцать стальных опор. Конечный пункт дороги — горная станция — расположен на высоте 3 100 метров над уровнем моря.

...Поворот рукоятки реостата — и стальной трос пополз вверх. Слаломисты, только что совершившие спуск, усаживаются на деревянные сиденья и снова поднимаются в горы. За один час дорога может поднять к старту 200 человек.

Если раньше лыжник тратил на подъем около 2 часов, то теперь на это у него уходит всего 13,5 минуты.

Л. ВИЛЬДТ

Вид на Талгарский перевал.

Долинная станция.

Незабываемые впечатления

Рубен **СИМОНОВ**,
народный артист СССР

В дни месячника польско-советской дружбы Государственный театр имени Вахтангова побывал в Польской Народной Республике, показал 34 спектакля, дал 33 концерта. Мы выступали перед рабочими-текстильщиками, шахтерами, моряками, детьми, крестьянами, перед нашими творческими собратьями — работниками искусств. Б. Захава, Ц. Мансурова и другие читали лекции в театральных учебных заведениях, делились творческим опытом со студентами.

Спектакли давались в Варшаве и в древней польской столице Кракове, в центре текстильной промышленности — Лодзи, славной своими революционными традициями, и в старинных городах Ченстохове, Познани. Мы побывали в Сталиногруде — центре металлургического и угольного района, в крупнейшем балтийском порту Гданьске, в Гдыне и вернулись в Варшаву, где выступили в новом спортивном зале перед 6 тысячами зрителей из рабочих районов столицы.

Новые знакомства, бесконечное множество дружеских глаз, улыбок, рукопожатий... Трудно перечислить все разнообразие впечатлений!

Повсюду нас радостно встречали. И когда в зрительном зале тысячи людей восклицали, скандируя, «Да здравствует дружба народов Польской Народной Республики и Советского Союза!», советские актеры были счастливы, что вносят и свой скромный вклад в укрепление этой дружбы.

Много подарков получили мы от польских товарищей. Передо мною огромная, прекрасно изданная книга с надписью: «С глубокой дружбой и благодарностью советским друзьям преподносит Болеслав Берут». Это монография о замечательном польском скульпторе XV века Вите Ствоже. Как хорошо, что нам довелось увидеть в Кракове создания этого выдающегося художника!

Древний Краков вообще богат памятниками старины. Великолепны воздвигнутый на высоком холме старинный королевский замок Вавель, а также собор, которому около шестисот лет. Под его строгими готическими сводами погребены Костюшко, Мицкевич, Словацкий... Неповторим по красоте деревянный резной алтарь работы Вита Ствожа, находящийся сейчас в Вавеле.

Мы побывали в бывшем поместье Желязова Воля, неподалеку от Варшавы; здесь в скромном домике родился и провел юность гениальный сын польского народа — Шопен. Теперь со всех стран мира сюда стекаются почитатели его таланта. Когда здесь в специально устроенном концерте мы услышали знакомые нам восхитительные мазурки и вальсы, мелодии которых были услышаны Шопеном у своего народа, нас охватило волнение.

Мы посещали средневековые соборы и ратуши, посмотрели многие музеи, восхищаясь искусством даровитого народа. Мы побывали и в нескольких театрах.

Одной из самых интересных постановок, которую нам удалось увидеть, была пьеса «Месть» Александра Фредро, драматурга XIX века, повествующую о судьбах и столкновениях двух семей. Этот спектакль поставлен в Национальном театре в Варшаве режиссером Богданом Коженевским, любящим и знающим театр. Он много пережил: сидел в Освенциме, страшном гитлеровском «лагере смерти».

В спектакле «Месть» раскрываются дарования известных польских актеров Яна Курнаковича и Казимира Опалинского, создавших необычайно жизненные образы двух враждующих отцов влюбленной пары, искренне ненавидящих друг друга, — бравого военного пана и сухаря-чиновника. Действует в этой комедии и некий проходимец, лгун, сам искренне верящий в свои необычайные вымыслы, — Папкин, роль которого талантливо исполняет Яцек Вощерович.

Польский государственный театр отмечал недавно сорокалетие. У театра славный путь. Сейчас им руководит Бронислав Домбровский. В день юбилея на сцене шла народная трагедия «Хорштынский» выдающегося польского писателя Словацкого, действие которой происходит в конце XVIII века. Пьеса эта не была завершена автором. Коллектив театра во главе с режиссером Эдмундом Верцинским (постановщиком спектакля) в содружестве с писателем Леоном Кручковским дополнил пьесу материалами из других произведений Словацкого, которые весьма органично вплелись в ее сюжетную ткань. Заглавную роль народного героя, патриота Хорштынского, борющегося за независимость родины, глубоко и проникновенно, с большой драматической силой исполняет Кароль Адвентович.

Очень хороши в спектакле оба Коссаковские. Роль отца играет Ежи Лещинский; сына, мятущегося, безвольного Щенсны, — артист Ян Кречмар.

Особенно замечательно в этом спектакле мастерство старшего поколения актеров, носителей реалистических традиций. Среди выдающихся польских актеров старшего поколения поразительный пример творческого долголетия дает и поныне играющий на сцене артист Людвиг Сольский. Он работает сейчас над новой ролью и готовится отпраздновать свое столетие.

В Варшавском оперном театре мы слушали оперу Монюшко «Галька», где заглавную партию исполняла венгерская певица Орош. На этом спектакле я, пожалуй, впервые понял, что такое настоящая польская мазурка, непередаваемо изящная, стремительная.

Мне, к сожалению, не пришлось видеть в Польше спектак-

Встреча с польскими моряками. В центре — артистка Л. В. Целиковская.

Людвиг Сольский — выдающийся и старейший представитель польского театрального искусства — в роли Латека в пьесе А. Фредро «На попечении».

лей на современную тему; впрочем, их не так много в репертуаре. Один видный польский режиссер сказал нам:

— Вместе со строительством Варшавы, вместе со строительством всей страны строится сейчас и наше новое искусство.

В польском театре прочно укоренились реалистические традиции; уходят навсегда прежние увлечения польского буржуазного театра формализмом. Беседы с представителями польской театральной интеллигенции, виденные нами спектакли говорят о том, что большинство театров Польши стремится приблизиться к системе К. С. Станиславского.

Мы беседовали, творчески спорили с собратьями по искусству в разных городах Польши. Эти дружеские встречи были очень интересны и взаимно плодотворны.

Мы особенно интересовались тем, как живет и трудится сегодня народ, как залечивает он нанесенные войной раны, строит новые города.

Мы знали, что Варшава больше чем какая-либо другая европейская столица пострадала от второй мировой войны. Гитлеровские варвары методически разрушали город, его прекрасные улицы. Я был в Варшаве проездом в 1947 году и помню пустые коробки домов без крыш, искореженные, изуродованные развалины, груды камней... И вот теперь, снова приехав в Варшаву, я порадовался, увидев, что́ свершил за эти годы трудолюбивый польский народ. Поляки восстанавливают свою столицу любовно и бережно, с огромным вкусом воссоздавая улицы и площади такими, какими были они в прежние времена (как, например, Старе-Място, Краковское предместье), или же по-новому, творчески решая замыслы зодчих (Новый Свят, Маршалковская). Символом дружбы и братства польского и советского народов взметнулся ввысь увенчанный шпилем многоэтажный Дворец культуры и науки — подарок СССР польскому народу.

Цветущую молодость Польской республики как бы олицетворяют новые города и поселки. Такова Нова Гута; само название ее говорит о молодости. Здесь растут металлургические заводы, жилые дома, клубы, стадионы. Нова Гута, разрастаясь, должна будет слиться с Краковом. Поразил нас размахом строительства и Сталиногруд. Близ него вырос гигантский Дворец молодежи с зрительным залом на 1 500 мест, красивыми фойе, множеством комнат для разных кружков. Здесь молодежь получит знания в разных отраслях науки, сможет попробовать свои силы в любом виде искусства.

Все это типично и характерно для сегодняшней Польши, где народ — полновластный хозяин богатств своей родины.

В городах и селах Польши мы увидели много нового, ближе узнали самобытное национальное искусство талантливого народа и сохраним обо всем увиденном теплые воспоминания.

Сцена из оперного спектакля «Семья Тараса» Д. Кабалевского. Постановка Вроцлавского оперного театра.

О тех, кто впереди

Из сценического опыта

А. ХАНОВ,
заслуженный артист РСФСР

Едва ли не самое важное в жизни актера — это момент, когда режиссер вручает ему тонкую тетрадь с текстом новой роли. Перелистываешь эту тетрадь, читаешь реплики своего героя и стараешься угадать по его словам, по манере говорить, что же это за человек, какая за ним стоит биография, какое будущее его ожидает. Волнение усиливается, если предстоит воплотить на сцене образ передового человека нашего времени, коммуниста, одного из тех, чья деятельность может послужить воодушевляющим примером для зрителей.

Так же было и со мной, когда я получил роль Шульги в инсценировке замечательного романа А. Фадеева «Молодая гвардия». Роль была небольшой, тетрадка — очень тоненькой, но какой красивый, яркий человек вставал за ней! Как хотелось показать его на сцене во всем богатстве ума, во всей щедрости его юмора, во всей редкостной силе непокоренного духа! Как-то сразу представился внешний облик этого человека — открытое, словно овеянное ветром, волевое лицо, смелые глаза под нависшими густыми бровями, непокорная прядь волос, упавшая на лоб, усы над смеющимся ртом...

Напомню, что в спектакле была такая сцена: коммунисты Шульга и Валько (Валько играл Л. Свердлин), только что стоявшие перед гестаповцами, сурово и мрачно глядевшие на них, неожиданно бросаются в драку с ними. Опрокидывается стол, падают кресла, в страхе отступают гестаповцы, которых Валько крушит оторванной дверцей шкафа, а Шульга — стулом. При этом и Валько и Шульга хохочут, хохочут все громче, хотя гестаповцы пытаются их связать. Со сцены звучит озорной, раскатистый, веселый смех...

Я напомнил об этой сцене, чтобы подчеркнуть: простота и естественность, свобода и непринужденность актерской игры обычно возникают на почве богатого, а следовательно, и сложного драматургического материала.

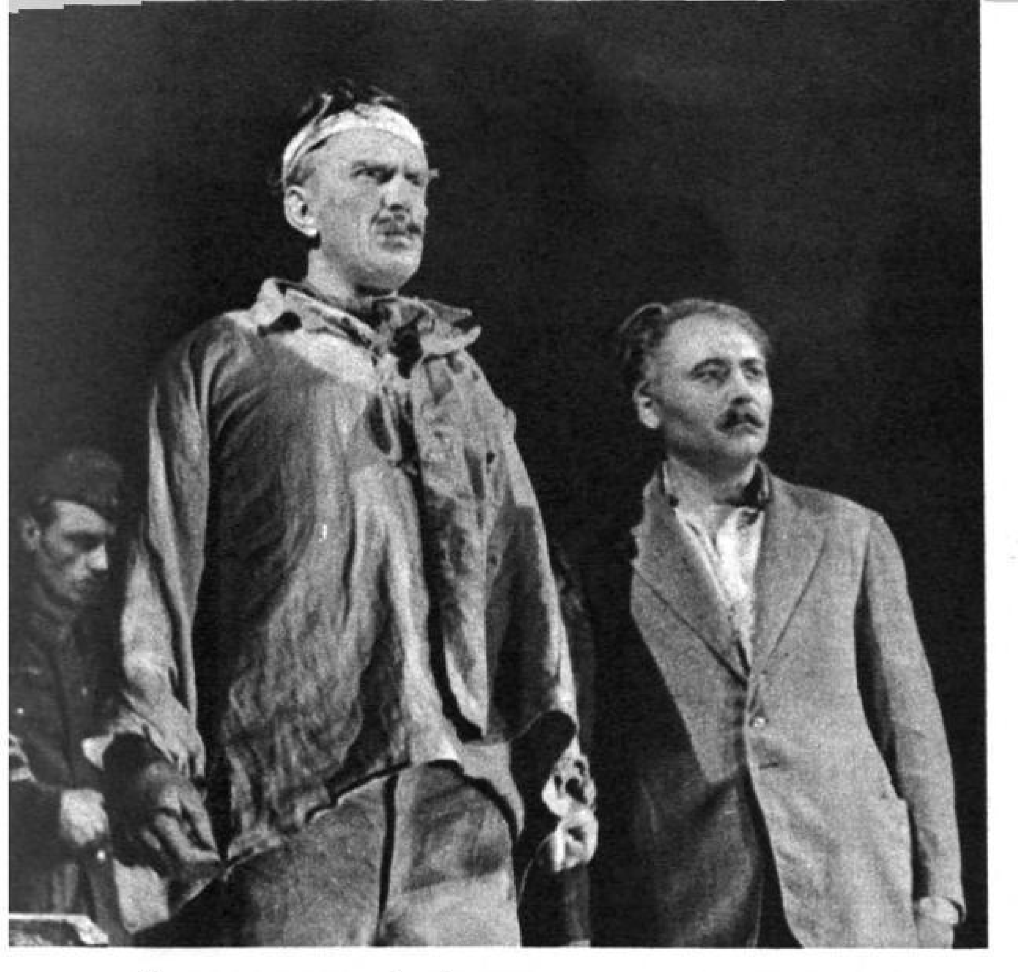
У нас любят еще восхищаться простотой, не замечая, что в драматургии простота нередко тождественна бедности. Такая простота, которая основывается на бедной схеме, почему-то особенно часто дает себя знать в драматургических образах передовых людей нашего общества. В таких случаях драматург, рисуя образ так называемого положительного героя, видимо, решает: раз положительный,— значит, для него в жизни никаких сложностей нет, значит, он всегда, по всякому поводу знает, что́ сказать и как поступить. Мне кажется, по этой причине таким неинтересным получился образ секретаря райкома партии в фильме «Возвращение Василия Бортникова», который в прошлом году появился на экранах. В романе Г. Николаевой «Жатва» секретарь райкома преодолевал какие-то жизненные трудности, обладал относительно ясно обозначенным характером, а в фильме все трудности стерлись, а с ними вместе исчез и характер,

«Любовь Яровая» К. Тренева. Кошкин (П. М. Садовский). Постановка Малого театра.

«Виринея» Л. Сейфуллиной. Б. В. Щукин в роли Павла Суслова. Постановка Государственного театра имени Вахтангова.

«Молодая гвардия» А. Фадеева. Шульга (А. Ханов) и Валько (Л. Свердлин). Постановка Московского театра драмы.
Фото А. Горнштейна.

и получился удивительно безликий, условный персонаж, который всех «поправляет» и «поучает», но, тем не менее, не вызывает симпатий. Понятно, что зрители не могут увлечься таким человеком, чье спокойствие и уравновешенность слишком напоминают равнодушие. Но одного только актера, исполняющего эту роль, винить все же нельзя. Актерский образ в какой-то мере напоминает здание: под ним должен быть фундамент. Если фундамента нет, вся постройка шатается и вот-вот рухнет — стóит ли в таком случае рассуждать об архитектурных деталях?

Когда я играл роль Карпенко — парторга ЦК на большом заводе в спектакле «Директор» С. Алешина,— мне очень помогало то, что, по замыслу драматурга, этот внешне сдержанный и суровый человек был очень отзывчивым и скромным. Согласно тексту пьесы, Карпенко тоже приходится несколько раз «поправлять» директора завода Степанова. И если удалось избежать в этих эпизодах спектакля скучной назидательности, то лишь потому, что оба актера знали: мой герой не только глубоко уважает Степанова, но, кроме того, еще по-человечески любит его — энергичного, сильного руководителя-организатора. И то, что автор дал Карпенко еще одну «сложность» — неразделенную любовь к инженеру Мальцевой, — тоже помогло раскрытию роли. Если сложность не выдумана, если она подсказана самой жизнью, несет в себе богатство мыслей и чувств,— налицо прочный и надежный фундамент для создания цельного, духовно яркого образа нашего современника.

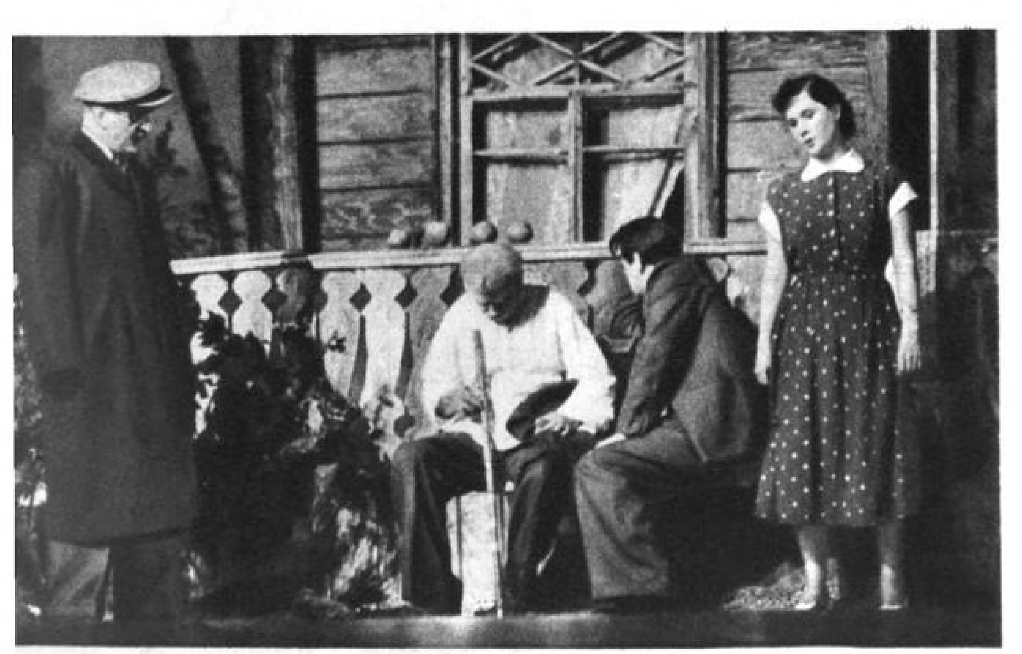
Вспомним первые образы коммунистов, созданные советскими артистами на сцене театра. Б. В. Щукин в роли Павла Суслова в спектакле Театра имени Вахтангова «Виринея», Н. П. Хмелев в роли Пеклеванова в спектакле Художественного театра «Бронепоезд 14-69», В. В. Ванин в роли Братишки в спектакле Театра имени Моссовета «Шторм», П. М. Садовский в роли Романа Кошкина в спектакле Малого театра «Любовь Яровая» — какие это все были цельные фигуры и какая сложная жизненная борьба была в них сконцентрирована! Об этом же говорит и большой опыт советской кинематографии: Б. А. Бабочкин в роли Чапаева, Н. П. Охлопков в роли Василия, Б. П. Чирков в роли Максима, В. П. Марецкая в роли Александры Соколовой в фильме «Член правительства», Н. И. Боголюбов в роли Шахова в фильме «Великий гражданин» — это все образы, которые служили и служат примером для подражания поколениям советских юношей и девушек.

Опыт этих произведений, сочетавших волнующую увлекательность с идейной глубиной, должен быть взят нами снова на вооружение сегодня, когда мы задумываемся о создании новых образов коммунистов. И в первую очередь поучительные уроки из этого опыта должны извлечь наши драматурги. Ведь ни для кого не секрет, что в пьесах и сценариях последних лет стали все чаще появляться герои без характеров, так сказать, герои по должности, а не по своей жизненной активности. Надо вернуть нашей сцене и нашему кино возможность создавать образы людей действительно незаурядных, обладающих сильными, яркими и самобытными характерами, умеющих смело и энергично преодолевать препятствия, встающие на их пути к великой, общенародной цели.

Такую возможность я, например, почувствовал в роли Матвея Журбина в пьесе В. Кочетова и С. Кара «Журбины». Дед Матвей — старейшина семьи, так сказать, основатель рабочей династии. Потомственный пролетарий, матрос Балтийского флота, в 1917 году сражавшийся на улицах Петрограда за власть Советов, прошедший горнило гражданской войны, он с гордостью стал на заводе к станку, когда молодая Советская страна взялась за мирный труд. К моменту, когда начинается действие пьесы, Матвей Журбин достиг 78-летнего возраста.

Директор завода, жалея старика, которому уже трудно стало работать у станка, назначает его на должность ночного дежурного. Все, в том числе и сам Матвей, понимают, что это «почетная отставка». И должность придумана специально, чтобы не пришлось деду Матвею на старости лет покинуть родной завод. Но тут происходит нечто непредвиденное: беспокойный, энергичный старик превращает выдуманную должность в действительно необходимую и, по сути дела, управляет всей ночной жизнью огромного предприятия. Его начинают называть «ночным директором», его давний авторитет еще больше укрепляется, и глубокая старость озаряется радостным светом активной, полезной обществу деятельности.

Очень интересно играть такую роль! Интересно потому, что за ней богатый характер одного из тех людей, которых Владимир Маяковский называл «Ильичем поведенные в битвы». Интересно потому, что суровая принципиальность Матвея Журбина, с которой он решает все сложные вопросы — и производственные и личные, — сталкивается с серьезными испытаниями, с глубокой, острой и понятной обидой передового бойца, вдруг отведенного «в обоз». В роли есть подлинная сложность живой жизни, поэтому она глубоко привлекательна для актера-исполнителя.

В пьесе А. Крона «Кандидат партии», поставленной Театром имени Вахтангова, сделана попытка создать образ руководителя большой заводской партийной организации. Роль секретаря парткома Плотовщикова исполняет М. Астангов (первый слева).
Фото М. Чернова.

Сцена из спектакля «Директор» С. Алешина. Степанов (Л. Свердлин), Карпенко (А. Ханов). Постановка Московского театра драмы.

ВСТРЕЧИ ДРУЗЕЙ

Н. ХРИСТОЛЮБОВ

Тот, кто был прошлым летом на IV Всемирном фестивале молодежи и студентов в Бухаресте, никогда не забудет встреч с представителями молодежи всех стран, их горячей дружбы, чудесных песен.

Взявшись за руки, счастливые, шли по улицам Бухареста негры с Золотого Берега. Они братски приветствовали делегатов Индонезии, Ирака, Мадагаскара. А женщина из Мартиники в ярком цветном наряде, с дочкой на руках, смотрела на них, не в силах скрыть сияющую улыбку.

Было ощущение, будто рухнули преграды, которые так долго и упорно воздвигались врагами мира между народами. Американцы ходили под руку с корейцами, французы — с вьетнамцами, португальцы покупали в магазине книги Толстого и Шолохова. Нас поразили красивые и непередаваемо печальные глаза негров из Черной Африки... Не взяться за кисть было просто невозможно.

Делегатов же из разных стран было такое множество, что написать все портреты, которые хотелось, не хватило бы и жизни.

Все, кого мы ни просили, с охотой соглашались позировать. Так у меня составилась эта маленькая галерея портретных этюдов...

Два негра-студента из Сенегала пожелали, чтобы их портреты написали советские художники. И мне захотелось передать на полотне удивительную красоту их гибких и высоких фигур. Но за недостатком времени пришлось ограничиться только быстрой записью выразительных лиц.

Мне удалось написать портретные этюды индонезийских делегатов — студентку Энни Кусуманегара и Демси Дамарджиайя. Крепыш Дамарджиайя знал несколько русских фраз. Вспоминается, что это именно он, стоя у советского знамени, громко и радостно кричал с мягким акцентом:

— Да здравствует народ советский! Да здравствует народ индонезийский!

Негритянка Тунде Идову из Нигерии удивительно жизнерадостна. Она успевала и позировать, и петь песни — негритянские, советские, — и рассказать свою короткую биографию. Она училась два месяца в Лондоне. Ей из Нигерии помогали деньгами все бездетные родственники, но денег все равно не хватало. Тунде начала работать судомойкой, и опять средств на оплату учения недоставало. Тогда она переехала в Германскую Демократическую Республику, в Лейпциг. Здесь стало куда легче. Скоро эта девушка будет врачом.

Веселый Дафэ из Нигерии уже после того, как этюд был закончен, не раз приходил смотреть на то, как мы пишем портреты его товарищей. Еще в дверях он поднимал кверху руку и громко, немного гортанно кричал по-русски: «Дружба!» И только после этого здоровался. Изумительно хорошее это слово — дружба!

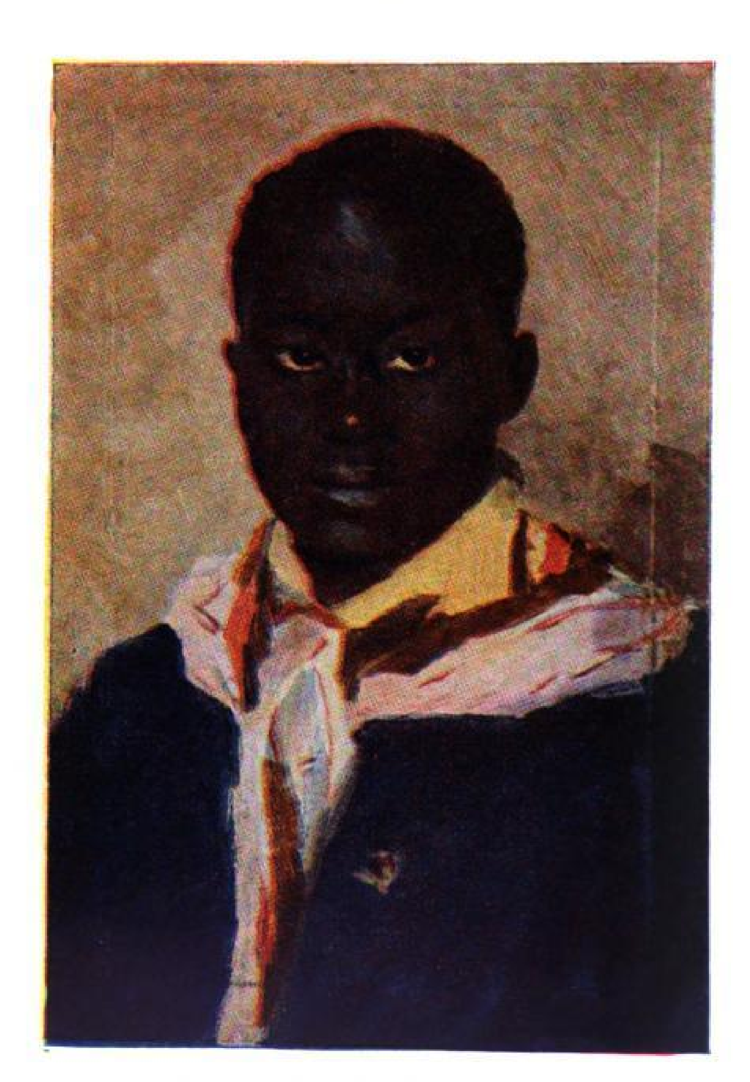

Демси Дамарджиайя из Джакарты.

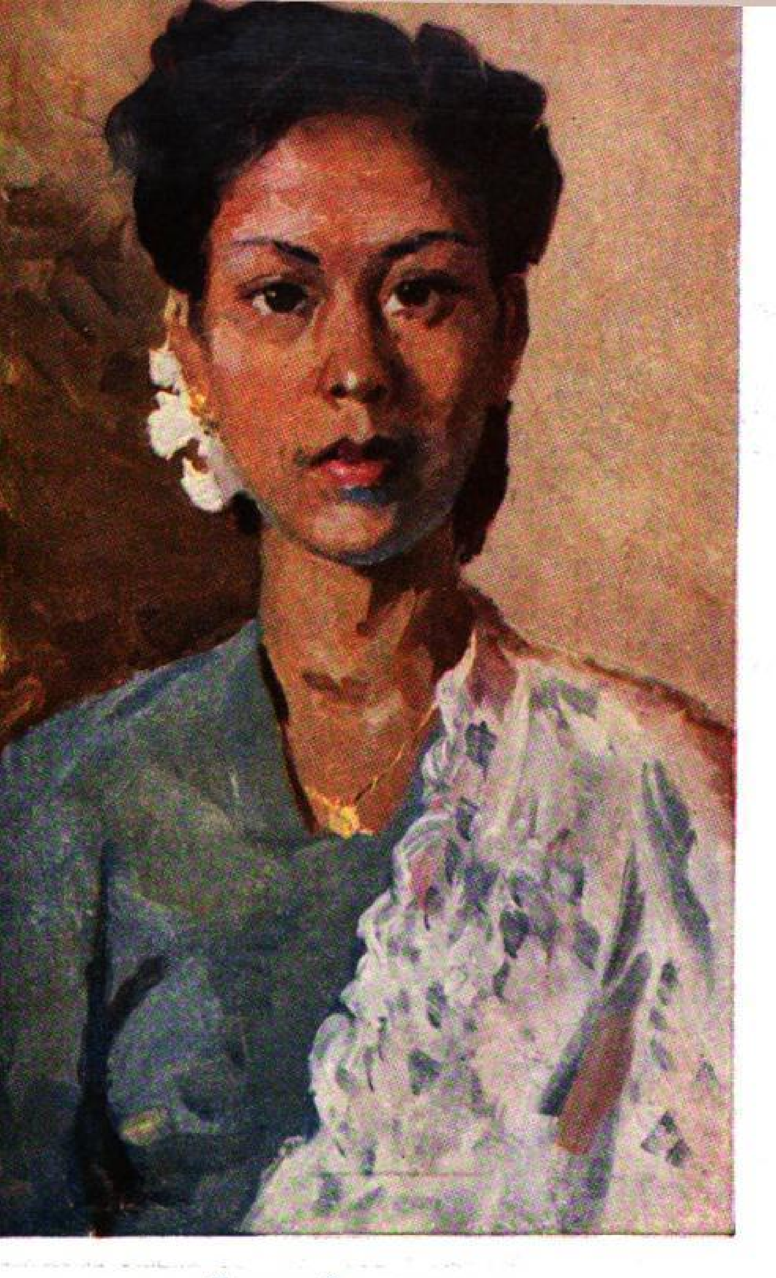

Студент Дафэ.

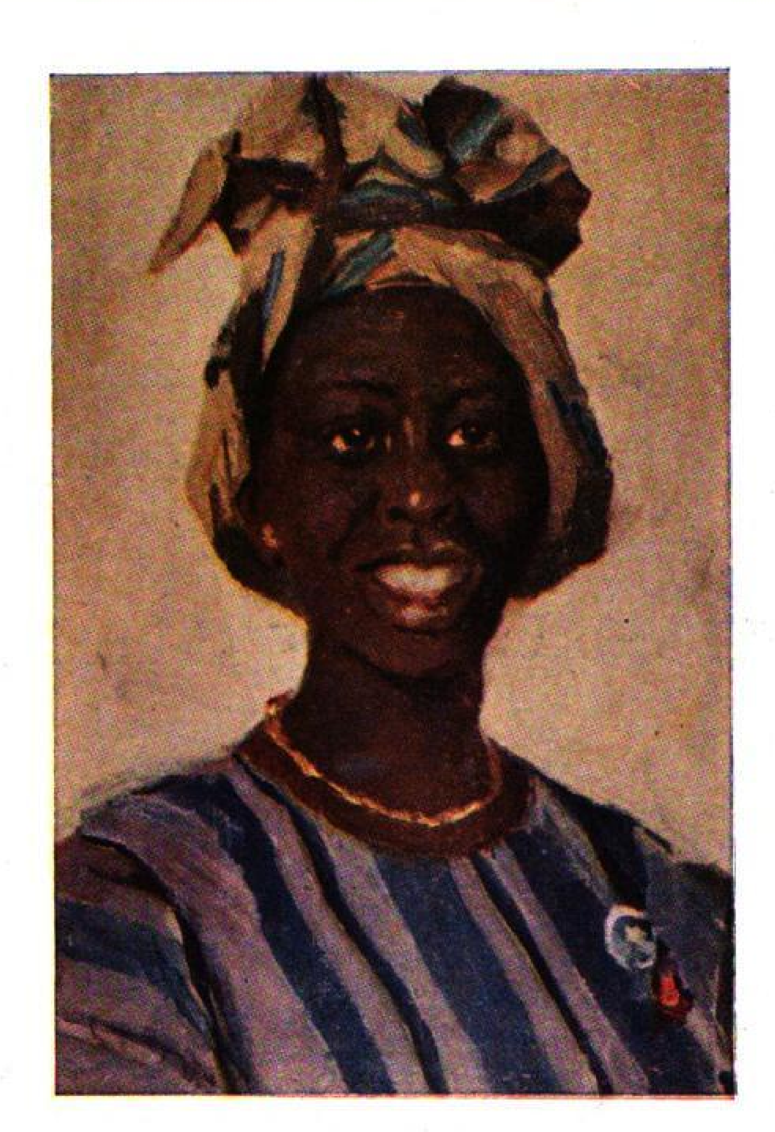

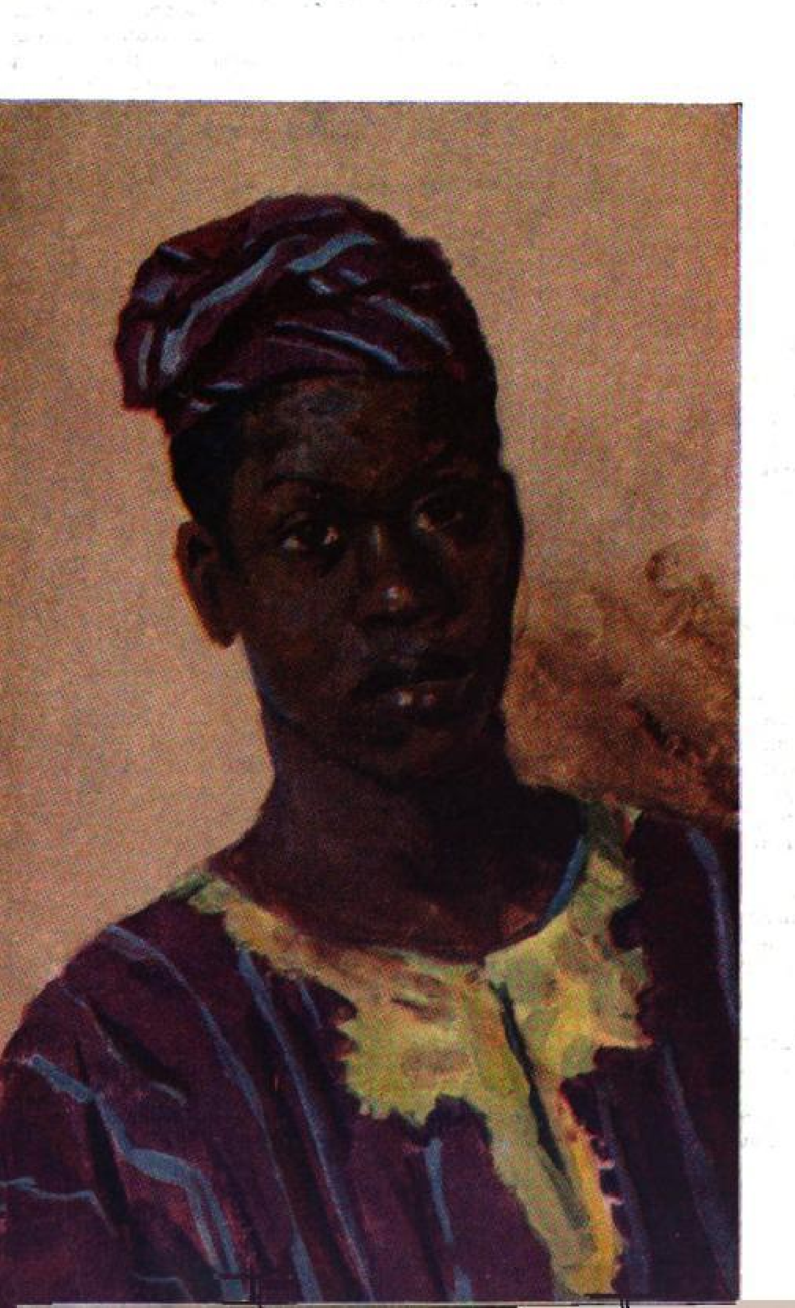
Делегат из Мозамбика.

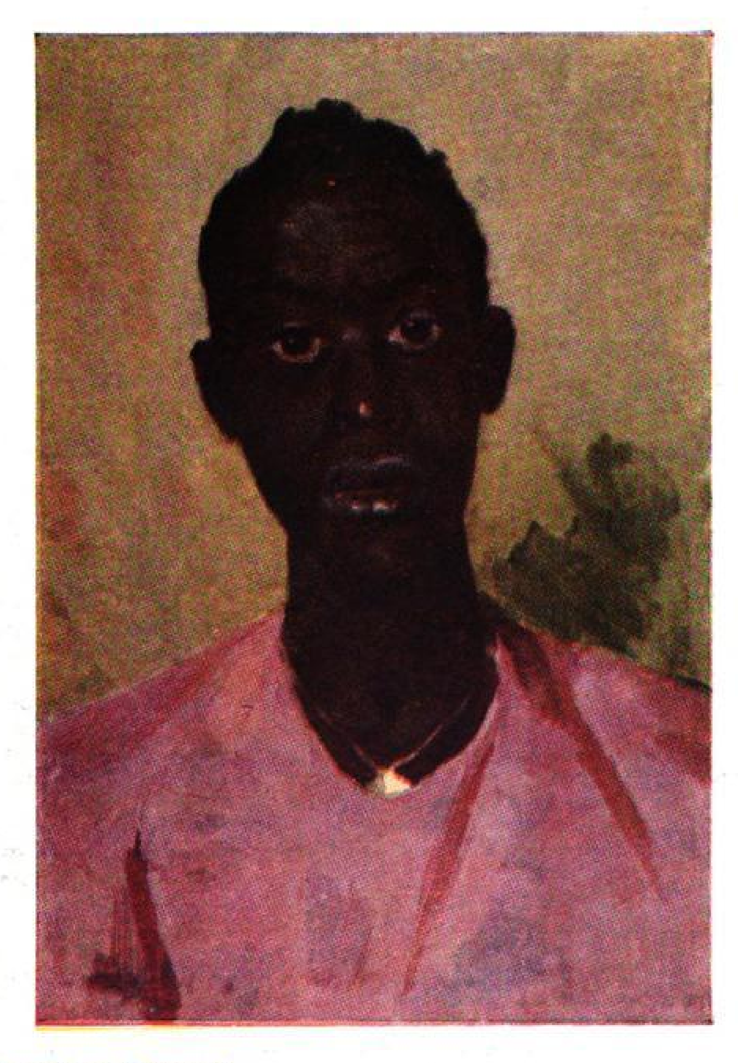

Индонезийская девушка.

Тунде Идову.

Друзья из Сенегала.

ПОЕЗДКА

Рассказ

Владимир МАТОВ

Рисунки П. Караченцова.

За тридцать с лишним лет вид деревни, вероятно, сильно изменился, но опасение не узнать ее оказалось напрасным: теперь название селения было крупно написано на доске, прикрепленной к прочному столбу. Я постучал в окошко кабины, машина замедлила ход, зашипели тормоза, и мы остановились.

Водитель, пожилой усач, вылез из-за руля, видимо, чтобы поразмять ноги и перекинуться словечком с охотником.

— Пороша легла неплохо, — проговорил водитель, вероятно, кое-что понимавший в нашем деле. — Часа в два я выходил, снег уже переставал... За Чашницами бывает много следов; отсюда недалеко, километров сорок...

Но меня интересовали не только русаки. Поблагодарив за сведения, сказав, что постараюсь воспользоваться ими в другой раз, я расплатился. Пожелав «ни шкурки, ни лапки», усач бросил завистливый взгляд на ружье и уехал.

Едва морозило. По обе стороны серой ленты асфальта, убегавшей с поля на поле и видной далеко, всюду лежал молодой, чистый снег.

Свернув с шоссе, я направился по полевой дороге, пролегавшей там же, где и в старые времена. Местность вокруг казалась такой же, как тогда, но, видимо, не так-то хорошо я ее помнил. Овраг с крупными дубами, по-здешнему «вершину», припомнил, только увидев дубы. Они растут медленно и как будто не изменились нисколько — могучие деревья, для которых три десятка лет значат не много. Как обычно в эту пору, на черных, корявых сучьях кое-где уцелели коричнево-бронзовые листья. Скрутившиеся, точно опаленные, они сухо шелестели на слабом ветре, сиротливо трепеща на фоне серого неба.

Вдоль дороги так же стояли телеграфные столбы, и провода пели однообразную песнь. Но сама дорога оказалась уже не та: раза в два шире гужевого проселка и с широкими колеями — автомобильная дорога. Когда-то в простых санях в одноконку по узкому зимнику среди сугробов пробирался я здесь на станцию железной дороги, направляясь в Москву. Далеким представлялось путешествие — пятнадцать верст до станции, да когда-то придет поезд, обычно опаздывавший, и еще долго он тащился до Москвы...

Раньше Дятлова не имело смысла начинать охоту: и после Дятлова места столько, что едва обойти за день. Все же по старой, оказывается, сохранившейся привычке я всматривался в снежный покров вдоль дороги. Русачьи следы не попадались; только лисья строчка, совсем свежая, пересекла проселок.

Впереди, шагах в двухстах от дороги, виднелись знакомые старые редкие сосны. За ними торчали из низины припорошенные снегом крутые крыши крайних дятловских домов, и над ними — купы ветел, что растут по ручью вдоль деревни. Дальше по крутому противоположному нагорному берегу реки темнела подернутая зимней дымкой полоса смешанного леса, заставившая сильней забиться сердце: там начинались м о и места. Выше леса опять белели поля и едва маячили дома большого села — Покровского.

В Дятлове около нового скотного двора несколько девушек убирали сено, огромная куча которого была свалена перед широкими воротами обширного здания с шиферной крышей. Сено, вероятно, привез трактор, тарахтевший за бугром. Все девушки туго повязались теплыми платками, точно уже наступили морозы, раскраснелись и посматривали на меня с веселым любопытством.

— Дяденька, у нас лисица кур таскает! — бойко крикнула какая-то востроглазая шутница, видимо, не успев придумать ничего получше и не желая упустить случая побалагурить с охотником.

— Что же вы ее не поймаете? — спросил я.

— Она, дяденька, шибко бегает, не догнать,— возразила девица.— Вы бы нам ружье дали.

— Соли на хвост насыпьте, — предложил я.

Девушки, опираясь на вилы, слушали, улыбаясь.

Переменив тон, я спросил дорогу на мельницу. Простой вопрос вызвал недоумение. Мельница? Мельницы здесь нет. Есть мельница в совхозе; там движок, туда ездят молоть... Но меня интересовала водяная мельница под Дятловом, чтобы по плотине перейти реку. Девушки только переглядывались. Наконец той, что затеяла разговор, надоела затянувшаяся пауза, и она шутливо-недовольно проговорила:

— Вы, дяденька, что-нибудь спутали, наверное, не туда зашли.

Послышались смешки.

— Погодите вы! — строго сказала высокая девушка, выглядевшая старше других. — Была мельница выше омута, где ребята купаются. Там сваи торчат, там и была мельница, — объяснила она подругам. — Я помню, сарай стоял, а потом и его разобрали.

Пришлось расспросить, где же ходят в Покровское и деревни, расположенные за ним. Высокая девушка рассказала, как идти в обход; остальные удивленно притихли, глядя на человека, знавшего об их реке то, что исчезло раньше начала их жизни, конечно, казавшейся им уже очень долгой.

За Дятловом, на опушке высокоствольной березовой рощи, бывшей при мне молоденьким леском, нашелся удобный пень; присев на него, я расположился позавтракать. Проголодаться я еще не успел, лениво жевал, рассматривая знакомые места: полого поднимающиеся к недалекому горизонту поля, покрытые снегом, еще едва и не везде скрывшим щетку жнивья, ручей, за ним холмы с редкими соснами по гребню возвышенности и древний курган. Его происхождение никто не мог объяснить мне в дни молодости, когда, впрочем, это меня не слишком интересовало. Над всем этим нависла глубокая тишина, точно тонкий слой рыхлого снега поглотил все звуки. И безмолвие и белизна снегов являлись главным в картине, которую я припомнил до последней черточки.

Вот, значит, я все-таки еще раз попал в места, куда тянуло, куда собирался давно, но год за годом почему-нибудь откладывал... И, покончив с едой, я вынул из чехла и сложил ружье.

Русачий след еще не попался. Русаки или

не вставали кормиться из-за первого снегопада, что иногда наблюдается, или под утро поднимался ветерок и замел следы. И в том и в другом случае следовало идти «по местам», то есть вдоль ручья, заросшего густым тальником, излюбленным прибежищем русаков.

Заложив патроны, я свернул с дороги и побрел по узкой скошенной луговине. Здесь снега оказалось побольше; скоро попался след. Его вид подтвердил, что под утро действительно была «заметь».

Когда-то я умел «тропить», то есть умел без собаки найти по следу русака и подойти к лежке на верный выстрел. Старинный приятель Лаврушка научил меня этой «мужицкой» охоте в те годы, когда понятия такого рода еще жили в людской памяти. Ясно представилась мне его нескладная фигура в длинном, чуть не до пят черном ватном залатанном пальто с продранными петлями, без многих пуговиц. Вспомнилось и непередаваемое, особенное выражение наивного лукавства и настороженности на круглой лаврушкиной физиономии, когда лежка была недалеко и Лаврентий, застыв в напряженной позе, подзывал товарища, молча подняв над головой зажатую в руке шапку. Припомнилось и лаврентиево ружьишко, имевшее скверное обыкновение палить сразу из обоих стволов, от чего у Лаврентия, как у тургеневского Ермолая, припухала щека.

Привитые Лаврентием охотничьи навыки еще сохранились. Одного взгляда на полузанесенный след было достаточно, чтобы руки сами взяли ружье наизготовку, пальцы легли на гашетки. Небольшое расстояние между оттисками задних и передних лап русака, вилянье следа, его характер заставили насторожиться. Вот-вот мелькнет между голыми ветками длинная, вытянувшаяся на первом стремительном скачке русая спина с полосой темной шерсти по хребту и плотно прижатые к короткой шее уши с черными кончиками.

Едва передвигая ноги, я прислушивался к гулкому, казалось, как в молодости, биению сердца. За поворотом ручья вдруг появился из кустов свежий след только что вскочившего зайца. Это уже не оттиски, а скорее черточки, какие оставляют на снегу лапы русака, когда он мчится огромными скачками. «Бежи за ним шибче! Догонишь!» — бывало, насмешливо-весело кричал беззлобный Лаврентий, если ему приходилось наблюдать, как сплоховал его ученик, готовый рвать на себе волосы.

Почти тотчас я увидел зайца. Молодой, но крупный русак не так быстро, как с подъема, катил вверх по склону холма и скрылся за его гребнем между соснами. Я проводил русака взглядом, разочарованный не столько неудачей, сколько сознанием, что испытать захватывающе острые охотничьи переживания юности, вероятно, уже невозможно. Если я стремился сюда только за этим, ехать, пожалуй, не стоило... Хватило ли Лаврентию охотничьей страсти на всю жизнь? И мне очень захотелось его увидеть.

Весь день бродил я по полям и оврагам, припомнил названия некоторых — «Корьки», «Канищев верх», «Лядов верх», «Завалье»...

Только к вечеру кое-как удалось добыть русака. Повесив его за спину, я решил, что пора, по выражению Лаврушки, «заворачивать ко дворам».

Оказалось, забрался я далеконько. Спустились сумерки, за ними мглистая ночь; ремень, на котором висел русак, начал резать плечо, а я все шагал по заснеженным полям, прислушиваясь, как поднявшийся к ночи ветерок поет в стволах.

Сколько раз, обвешанные зайцами, измученные, тем же путем возвращались мы в усадьбу... Всматриваясь в ночной сумрак, бывало, ждали, когда мелькнет впереди желанный огонек, означающий тепло, уют, отдых. Теперь мой дом находился далеко, и Лаврентий, может быть, построился и переехал, но в усадьбе, наверное, живет кто-нибудь.

Прошло часа полтора или два, пока впереди обозначилась темная полоса старых сосен, посаженных в незапамятные времена в два ряда вдоль дороги, соединяющей усадьбу с большаком, проходившим в километре от нее. Наконец, миновав последний овраг и узкое польце, я свернул в сосновую аллею. Толстые, в два обхвата, стволы были те же, и так же легонько гудели высоко над головой могучие кроны. Могло показаться, что не было этих тридцати лет, что сейчас я взойду на покосившееся крыльцо, повешу русака в сенях на привычный крюк...

В конце аллеи при мне построили глинобитную конюшню. Ее не оказалось. Ускорив шаг, я вышел на обширный усадебный двор. Налево должен был стоять дом, но дома тоже не было... Я был уверен, что увижу его. Отсутствие дома поразило, как будто он, точно в сказке, исчез на глазах.

Там, где он стоял, темнела заросль высокого малинника. Я обошел вокруг нее, раздвинув густые, доходившие до плеча кусты, проник внутрь них и остановился примерно в том месте, где когда-то находилась моя комната. В доме их насчитывалось около двадцати, почти пустых, если не считать поломанной мебели — столов, этажерок, вычурных, но без спинок, сидений или ножек кресел. Большинство окон было забито чем бог послал, печи пришли в негодность. И все же, приехав в дом, я застал в нем семьи «бездомовых» — Лаврентия и его младшего брата, Афанасия, горбоносого, черноволосого и черноглазого, походившего на цыгана. Афанасий тоже слыл страстным охотником, только очень уж он был горяч, палил в божий свет, а порох и дробь ценились, как золото. Жена у Афанасия отличалась крутым нравом, бедняге Афанасию не часто приходилось улизнуть с нами... Долго стоял я, пытаясь представить себе, где находилась печка, сложенная моими руками, как лежала на садовых скамейках снятая с петель дверь, заменявшая кровать. Здесь прожил я четыре не слишком сытых, но счастливых года, когда складывалось мировоззрение, когда я узнал и полюбил землю и тех, кто ее обрабатывает.

Как-то смутно было на душе, и я выбрался наконец из малинника. Через старинный липовый парк я направился в деревню.

Ночью трудно рассмотреть, насколько деревня изменилась. Все же я заметил столбы с проводами, но окна светились желтыми огнями керосиновых ламп. В центре деревни попрежнему находился пожарный сарай, против него, под ветлами, несколько скамеек — «беседок». Около них так же играли и озорничали ребятишки, радуясь первому снегу. При моем приближении они притихли, обступили незнакомого охотника, принялись рассматривать ружье и русака.

Чуть было я не спросил, где дом Лаврентия, но во-время спохватился: уж, наверное, теперь-то его величают по имени и отчеству. Однако припомнить, какое у него отчество, оказалось трудно. Не без колебаний я спросил, где живет Лаврентий Петрович. Ребята тотчас дружно загалдели, что такого в деревне нет.

— Охотник, — уточнил я. — Лаврентий... Может быть, и не Петрович.

Никакого охотника Лаврентия ребята не знали.

Наступило продолжительное молчание. Его нарушил один из стоявших поодаль пареньков.

— Это, наверное, вот кто, — начал он ломающимся голосом, стараясь говорить посолидней, — который в войну председателем был; учительницы Анны Лаврентьевны отец; Иванов, — не совсем уверенно добавил паренек. — Больше некому...

— Иванов, правильно! — обрадовался я, сразу вспомнив простую фамилию. — Он-то мне и нужен.

— Так он умер, — сказал паренек. — Года четыре или пять, как умер. Совсем старый был, — поспешил он меня утешить.

Значит, я собирался слишком долго... Лаврушка в действительности не то, что воображаемый. Последний в моем представлении продолжал бродить по полям в долгополом пальто, а в действительности он год от году старел, дряхлел, наконец умер, и наивно было не сообразить, что иначе и быть не могло, если Лаврентий в период нашей дружбы был почти в два раза старше меня. И все-таки точно какая-то струна жалобно прозвучала в душе...

Все эти долгие годы не слишком часто я вспоминал приятеля юности, но он оказался ближе, чем думалось. С него был написан Лаврушка в моем первом рассказе. Там он сделался красным бойцом гражданской войны, но главным в образе и рассказе была его страсть к лошади, что и соответствовало действительности. Лаврентий слишком любил землю, чтобы с ней расстаться, и был слишком беден, чтобы на ней работать. И он и Афанасий числились ткачами тогда бездействовавших текстильных фабрик. Бездетный Афанасий в голодные годы расстался с городом; Лаврентий привез семью в деревню, поближе к картошке и дровам, а сам продолжал цепляться за фабрику. «Мне хоть мусор убирать а чтобы зарплата», — говорил Лаврентий, никогда, впрочем, не унывавший. Жить он продолжал в фабричной «спальне» — в тесной каморке, где и в те годы еще ютилось по нескольку семей.

По субботам в любую погоду, хоть в пургу или под осенним дождем, Лаврентий в своем немыслимом «пальте» тащился за двадцать пять верст к семье. Согнувшись под тяжестью мешка с накопленным путем зверской экономии пайковым хлебом, шагал, волоча ноги, почти не останавливаясь в продолжение неблизкого пути. На спине Лаврентия находилось место и для ружья; с ним он не расставался. Сбоку висел старенький, из дорогих, кожаный ягдташ — довольно бесполезная, но единственная более или менее ценная вещь Лаврентия, предмет его охотничьей гордости.

В воскресенье, в зависимости от времени года, Лаврентий косил, копал, молотил или пахал... На чем? Ни разу не пришлось моему другу купить хорошую лошадь. Все одры, каких в горячую пору всучивали барышники безденежному покупателю, знавшему только одно: что лошадь нужна, что земля ждет. Кони околевали одна за другой или в борозде или немного позже. А зимой по воскресеньям с темна и до темна Лаврентий мастерски разбирал заячьи петли, бродил по полям, шагал так же мерно и неторопливо, в том же пальто, ибо не было у него иного теплого одеяния.

Наступал понедельник — Лаврентий был уже далеко. За несколько часов до рассвета он отправлялся на работу с зайцами в мешке для базара и ружьем — на тот случай, если что-нибудь попадется по пути... И многое еще вспомнилось, когда я с таким опозданием узнал грустную весть. Мысль, что в старости Лаврентий из «последнего» все-таки стал одним из первых в деревне людей, послужила хоть некоторым утешением.

Оставалось подумать о ночлеге. Я спросил, у кого дом попросторней и поменьше ребят.

— Вы к тете Поле ступайте, — посоветовал тот же паренек. — К афанасьевой дочке. Безо всякого ступайте: у нее чисто и одна девочка.

— А сам Афанасий тоже умер? — спросил я, соображая, что хотя дочь у Афанасия появилась после моего отъезда, все-таки ей, вероятно, уже около тридцати.

— Нет, кажется, живой, — отозвался паренек. — Только тоже старый, в войну на пенсию вышел. Он ведь в городе живет, второй раз там женился, так и остался. На праздники сюда приходит, да и то редко.

Я попросил указать дом. Ребятишки поменьше веселой гурьбой проводили меня в конец деревни и, пользуясь случаем, всей ватагой ввалились в незапертые сени просторной пятистенки.

— Что еще за дяденька с зайцем? — послышался в доме женский голос. — Дверь затворяйте. Ишь, натоптали! Плохо вам на улице, обязательно всем в избу...

Пропустив в темных сенях своих проводников, изгнанных с позором, я вошел в горницу. Она была чистенько оклеена светлыми обоями, освещена ярко горевшей висячей керосиновой лампой. Кровать в дальнем углу загораживал ситцевый полог, почти обязательный в каждом доме в тех местах. Многочисленные фотографии, как полагается в деревенском доме, были тесно повешены или приколоты в одном месте на стене.

Молодая женщина в накинутом на плечи платке, черноволосая, как ее отец, стояла посреди комнаты. Она встретила меня взглядом, в котором сквозили любопытство и недоумение. Вглядевшись в лицо женщины, я признал тонкий с горбинкой, как у Афанасия, нос, склад его лица; но глаза были светлые. За столом под лампой девочка лет десяти, тоже темноволосая, готовила уроки.

Пришлось пуститься в объяснения, кто я такой, почему зашел. По мере того, как я говорил, настороженность в лице женщины постепенно исчезала, а услышав имена отца и дяди, она радушно улыбнулась.

— Пожалуйста, пожалуйста! — засуетилась она. — Конечно, с дороги! У нас тихо, отлично переночуете. Русака давайте в сени вынесу и ружье, чтобы не отпотело. Я ведь знаю, — кивнула она, продолжая улыбаться. — Одежду — вот тут вешалка. Сейчас самовар, углей много... Может, поужинаете? Щи деревенские, а все-таки похлебаете горяченького.

Я только успевал приговаривать, что вы, мол, Пелагея Афанасьевна, не беспокойтесь.

— Ну, какая Афанасьевна! — рассмеялась она. — Зовите просто Полей.

Покончив со щами и разогретой на керосинке картошкой, я сидел перед кипящим самоваром. Девочка, сдвинув тетради и книжки в сторону, посматривала на меня с опаской, но ее мать уже освоилась с новым человеком и охотно отвечала на вопросы.

Афанасий, действительно, доживал век в городе. Из усадьбы он уехал года через два после меня, построил дом, тот самый, где мы находились. Года два — три Афанасий еще крестьянствовал, потом начал уезжать в город на заработки, потом устроился в городе «на постоянную». Жена Афанасия твердо «держалась за хозяйство».

— Мамаше пришлось, как говорится, без мужика управляться, — рассказывала Поля, угощая меня чаем. — А потом колхозы. Вскоре мать умерла... Папаня опять женился, звал к себе. А я уж подросла, привыкла в земле копаться; да как еще с мачехой уживешься, и в городе не нравится... Потом замуж вышла, так вот и живем...

— В колхозе как дела?

— Не сказать, чтобы слишком. Жить можно, а не мешало бы получше, — вздохнула Поля. — Муж придет, расскажет в подробности. С лета он председателем. Отказывался — нельзя, как фронтовик, — значительно сказала Поля. — Приходит поздно, — взглянула она на ходики. — Правление в Якшине, от нас километров пять, вы, наверное, знаете. А насчет колхоза, — продолжала она, наливая стакан,— так от руководства зависит. При дяде Лавруше хорошо жили и сейчас его вспоминаем. После него из Покровского был мужчина один — этот упустил. А дядя Лаврентий, небось, помните, какой, не спеша, а настоистый, доведет до своего...

— Дочка его, говорят, учительницей?

— Учительница, учительница! — обрадовалась Поля. — Младшая, Анюта. Английскому учит и у нас и в селе. Изо всех выдалась — учёная! Институт кончила,— нажав на слово «институт», сказала Поля.— Сначала — техникум, потом работала и в заочном, одновременно. Не узнаете ее. Остальные по крестьянству, одна умерла, а эта ударилась в ученье. И сын в нее, уже в вузе. Муж с войны не пришел, одна осталась,— вздохнула Поля.— Дом продала, в школе и живет. Впрочем, не старуха,— усмехнулась она.— Может, и еще найдет человека по себе... Скоро должна зайти, каждый вечер заглядывает.

Действительно, вскоре младшая дочь Лаврентия без стука, на правах близкого человека вошла в дом.

Из семьи Лаврентия я помнил только его жену — Веру. Она впервые заставила меня понастоящему задуматься над долей крестьянки в старой России. Увидев Веру, при всей неискушенности я сообразил, что в молодости она была настоящей красавицей. Овал лица, правильные его черты, прекрасные карие большие глаза, каштановые с рыжеватым отливом волосы еще говорили, только говорили, об этом. Но главное — и это-то поразило меня больше остального — не только Лаврентий, но и сама Вера, повидимому, были совершенно равнодушны и к ушедшей красоте Веры и к быстрой ее утрате.

О ребятишках Лаврентия у меня сохранилось лишь общее представление. Вспоминалось нечто босоногое, нечесаное и неумытое и что мальчишек у моего дружка не было. Но сколько было девочек, я не помнил. С ранней весны до поздней осени они бегали по усадьбе в вылинявших ситцевых платьицах, пищали тонкими голосами. Зимой девочки если и появлялись на улице, то только в одиночку, по той причине, что детская зимняя одежда в семье имелась одна. И какая одежда! Когда на пороге появилась невысокая тонкая фигура в нарядном, теплом, сшитом в талию пальто с меховым воротником и в блестящих высоких ботах, без каких не обходятся деревенские щеголихи, оказалось очень трудно связать ее с образом одной из босоногих девчушек, туманно возникшим в памяти.

— Вот,— обращаясь к вошедшей, задорно начала Поля,— не узнаешь гостя? Старый знакомый...

— Сейчас посмотрим,— немного конфузясь, не спеша проговорила вошедшая, развязывая платок.— Если знакомый, должна узнать...

— Задали много, — уткнувшись в книгу, искоса взглянув на меня, шепотом ответила девочка.

— Много задали! — передразнила мать. — В снежки до темного с мальчишками сражалась, дома-то тихонькая! Вот теперь и спит над книжкой.

Позанимавшись с девочкой, Анна Лаврентьевна распрощалась и ушла, еще раз повторив приглашение. Девочка собрала учебники и тетрадки, не поднимая глаз, пожелала мне покойной ночи после того, как мать шепнула ей что-то на ухо, и исчезла за перегородкой.

— Моего вам, наверное, не дождаться,— недовольно сказала Поля и принялась стаскивать с кровати перину, чтобы устроить гостю постель.

Протесты ни к чему не привели, тем более, что перин на кровати оказалось две, и через несколько минут я с наслаждением вытянулся на пышном ложе на полу.

Едва начал подкрадываться сон, на крыльце послышались шаги, и появился долгожданный хозяин дома, среднего роста, лет тридцати пяти, примечательный разве тем, что нисколько не походил на председателей колхозов из фронтовиков, каких показывают на сцене и экране. Он был небрит, одет в ватный пиджак из шинельного сукна; брюки навыпуск могли бы быть и пошире и подлинней. Все это его, должно быть, нисколько не интересовало; повидимому, он очень устал и здорово хотел есть.

Мы принялись рассматривать друг друга. Она — смущенно улыбаясь, я — напрасно стараясь припомнить, как выглядела босоногая девчурка. Это оказалось тем более трудно, что в гладко причесанных волосах Анны Лаврентьевны серебрились седые нити. К сожалению, она не походила на мать. Расплывчатые черты, круглое лицо, простецкий нос, небольшие глаза она унаследовала от отца. Зато чувствовалось в выражении лица нечто более важное — сознание своего значения, своей ценности, чего когда-то так недоставало ее отцу. Лучи морщинок расходились от глаз, но, как и у Лаврентия, по лицу его дочери было трудно судить о возрасте.

Пауза длилась столько, сколько оказалось возможным, чтобы молчание не превратилось в неловкое.

— А вы не охотник? — улыбнулась Анна Лаврентьевна.— Давайте, я буду хоть постепенно отгадывать.

— Правильно, правильно! — живо ответила за меня Поля.

— Ну, тогда знаю,— уже просто улыбнулась Анна Лаврентьевна, снимая пальто.— Как зовут, не помню, а фамилию знаю и что вы в усадьбе совхозом заведывали.

— Неужели вспомнили? — удивился я.

— Ну, что вы!—рассмеялась Анна Лаврентьевна.— По карточке узнала. Отец снят, вы, дядя Афанасий; после охоты, все с ружьями, а на крыльце зайцы. Отец часто вас вспоминал. А потом и рассказы ваши читали...— лукаво сощурила она глаза.— И про отца читали. То есть не точно про него,— спохватилась она,— а узнаешь сразу... Отец этот журнал берег; он у меня цел.

Она подсела к столу, Поля налила ей чаю. Тетрадкам и учебникам пришлось еще потесниться. Девочка, не проронившая при мне ни единого слова, попрежнему казалась поглощенной уроками, только изредка бросала на взрослых быстрые взгляды, выдававшие, что в книгу она смотрит для вида. Анна Лаврентьевна погладила девочку по голове, проговорила: «Ты нас не слушай»,— и начались разговоры про старину. Лаврентий после моего отъезда прожил в большом доме еще лет пять, построился позже Афанасия, переехал в деревню, овдовел, бросил наконец фабрику, стал крестьянином.

— Вопреки историческому закону,— улыбнулась Анна Лаврентьевна.— Из-за нас,— добавила она.— Не с кем было ребят оставить.

— А хорошую лошадь завел? — спросил я.

— Нет, так и не завел! — рассмеялась Анна Лаврентьевна. — Хорошей так и не нажил. Когда в колхоз вступал, такая была, — она покачала головой, — и принимать-то ее в общую конюшню не хотели... Получше зажили в колхозе; отца бригадиром поставили, потом — председателем. Тогда уж все исправно зажили.

— Долго он ходил в председателях,— вставила Поля.— Плохого про дядю никто не скажет. На похоронах вся деревня была.

— И школу — это он настоял,— продолжала Анна Лаврентьевна.— В область сколько раз ездил, в Москву писал, чтобы разрешили из барского дома построить. Какое добро пропадало! После нас в доме жить стало совсем нельзя, заколоченный стоял. Зато школа вышла — красота! Обязательно посмотрите...

Так, значит, не сгорел старый дом...

— Что и говорить,— сказала Поля.— Хорошо построили. Какие были хоромы, а не хватило — нижние венцы подрубали из свежего леса. Из-за реки возили.

— Обязательно зайдите,—повторила приглашение Анна Лаврентьевна.— И ту фотографию я вам покажу, посмотрите; еще кресла, какие в доме по пустым комнатам валялись, починили, второй век живут...

— Завтра придется в поле пораньше,— возразил я.— Неудобно старому охотнику с одним русаком возвращаться.

— До охоты зайдите, пораньше. Как можно, чтобы не зайти?..— удивилась и даже как будто обиделась Анна Лаврентьевна. — Ненадолго, а потом вместе пойдем. Вы, наверное, в покровские поля? И мне нужно в Покровское на уроки — подороги по пути...

И с горячностью человека, работающего с увлечением, она заговорила о школьной работе, о трудностях, которых, конечно, оказалось достаточно.

Разговор продолжался, пока Поля мыла чашки и убирала со стола.

— Ну, ты все еще не кончила? — подвинулась Анна Лаврентьевна к девочке, когда освободился стол.— Раньше, наверное, времени не было?

На вопрос жены о причине опоздания сверх обычного председатель коротко ответил, что ездил в район. Обратив не слишком много внимания на вытянувшегося на перине длинного незнакомого дядю, он все же взглянул на меня с опаской. Заметив, что я не сплю, председатель вежливо поздоровался и за перегородкой, куда зашел вымыть руки, пошептался с Полей. Вероятно, узнав, что я не из области, не из центра, вообще прибыл не по делу, он поторопился усесться за стол и набросился на щи.

Поджидая, пока разогреется картошка, председатель и не подумал завести разговор о колхозных делах, как это обещала Поля, а начал на чем свет стоит ругать райэнерго: проводку закончили вон когда, все лето водили колхозников за нос, наконец, обещали дать ток к ноябрьским праздникам, а вот уж и ноябрь кончается, и теперь обещают к новому году.

Притомившись за долгий день, я заснул, не дождавшись конца обличительных излияний.

Раньше рассвета, но успев позавтракать благодаря заботливости Поли, поставившей самовар, пока председатель сладко похрапывал под своим пологом, я отправился по тропинке, протоптанной школьниками. Через овраг тропка привела к двухэтажному зданию, темневшему на бывшем пустыре. Построенная без архитектурных претензий, школа произвела внушительное впечатление: очень большое по деревенским масштабам здание, широкие, с переплетами окна, большие двери. Успевшие подняться выше крыши березы были посажены в палисаднике, обнесенном легкой изгородью.

В окнах света не было, двери оказались заперты. После стука в глубине здания послышались шаги. Они приблизились, замок щелкнул, дверь отворилась, и Анна Лаврентьевна проводила меня к себе. Ее небольшая комната казалась еще меньше от большого количества вещей. Кровать, комод, письменный столик, стол посреди комнаты, «Рекорд», шкафчик с книгами, еще шкафчик — чего тут только не было! Прикрытый полотенцем чайник и посуда еще стояли на столе, но завтракать вторично я отказался.

— Тогда давайте покажу сначала фотографию, потом посмотрим школу,— предложила Анна Лаврентьевна и, сняв одну из висевших над комодом рамок, дала ее мне.

И вот я все-таки увидел Лаврентия и его знаменитое пальто. А рядом стоял тощий, нескладный парень, такой молодой, что трудно было поверить, что это я. Сбоку поместился Афанасий в остроконечной бараньей шапке собственного изготовления, которую я тут только припомнил. Все трое как-то странно расставили ноги, картинно опирались на ружья, преглупо улыбались. Сзади на ступеньках виднелись зайцы. Фотографии в те времена обычно оказывались очень плохими. Та, которую я держал в руках, тоже выцвела и пожелтела, но я очень долго смотрел на нее и неохотно возвратил хозяйке. Попросить Анну Лаврентьевну подарить карточку показалось невозможным.

С лампой в руках Анна Лаврентьевна водила меня по пустым классам, где находилось что полагается: парты, столики преподавателей, классные доски да на бревенчатых стенах кое-где учебные пособия. Нового для меня во всем этом, конечно, оказалось немного, разве то, как торжественно Анна Лаврентьевна показывала школу, точно она являлась единственной.

Небо и снег за окнами посерели, и мы спустились в учительскую. На ее стенах висели литографированные портреты писателей прошлого. Анна Лаврентьевна посветила на них.

— А кресла? — улыбнулась она, показав на кресла вокруг стола.

Помещичьи кресла оказались отремонтированными не очень изящно, но крепко. Я вспомнил их и даже посидел на одном, чтобы доставить удовольствие моей проводнице.

Больше показывать было нечего, и она потушила лампу. На улице уже почти рассвело, Анна Лаврентьевна заторопилась.

Обойдя пруд, где, бывало, Лаврентий старым, рваным бреднем лавливал карасей, миновав плотину с ветлами, такими же древними и корявыми, мы направились по дорожке, поднимавшейся к покровским полям. Анна Лаврентьевна с портфельчиком в руке легко шла впереди. Поглядывая, как вихляются на скользком, прихваченном морозцем, притоптанном снегу высокие ботики моей спутницы, я думал, что вот ведь не надела она валенок и не наденет, пока не хватят крепкие морозы. Ее мать не расставалась с валенками с осени до весны и ни за что не дерзнула бы идти впереди «мужика», будь то муж или посторонний.

Потом я сообразил, что, когда знал Веру, ей было примерно столько же лет, сколько теперь ее дочери. А Вера казалась старухой. Видно, человеку и вправду столько лет, сколько он ощущает...

Не разговаривая, мы дошли до озимых; дорожка круто сворачивала вправо вдоль их границы. Анна Лаврентьевна остановилась и повернулась ко мне.

— Вам, наверное, сюда? — спросила она, слегка запыхавшись от быстрой ходьбы, показав на простирающуюся до далекого леса равнину.— Ну, не забывайте,— сказала она после того, как я подтвердил, что дальше нам, действительно, не по пути.— Приезжайте еще.

Мы обменялись крепким рукопожатием, и она пошла дальше, но вдруг снова остановилась и обернулась опять.

— Об этом,— быстро махнула она рукой в нарядной варежке в сторону школы и усадьбы,— не напишете?

И по смущенному тону вопроса я догадался, что она об этом думала и что ей этого хотелось.

Несколько растерявшись от неожиданности вопроса, не сразу и очень неуверенно я ответил:

— А что же напишешь?..

Анна Лаврентьевна смутилась, кажется, даже опять обиделась и, поспешно проговорив: «А вы что-нибудь придумайте!»,— пустилась по дорожке.

Я проводил взглядом одинокую фигуру в темном, резко выделявшуюся на фоне покрытых снегом полей. В том месте, где дорожка ныряла в перелесок, Анна Лаврентьевна, не останавливаясь, помахала мне рукой и скрылась между деревьями.

Еще раз я посмотрел на покинутые мною места. Оттуда, где я стоял, они были видны как на ладони. Белела обширная площадь двора, темнело пятно малинника в том месте, где когда-то стоял дом. За ним — сосновая аллея, справа — парк и деревня... Глаза отыскали крышу афанасьевой пятистенки.

Школа стояла ближе; по тропинке к ней двигались темные фигурки ребятишек. Перед школой их набралось порядочно, и они перебегали с места на место — там шел бой в снежки... Я смотрел на картину с чувством, которое не просто выразить. Немного напоминает ощущение, когда закончишь рассказ,— все стало на свои места, хотя и не совсем так, как представлялось, жаль, что кончилось, и все-таки легко: больше к этому не вернешься.

За ночь снега не подбавило; русаки много ходили — жировых следов на озимых попадалось порядочно. С кормового места в сторону шоссе уходил прямой, повидимому, «лежковый» след. Я пошел по нему. «А может быть, ничего придумывать и не нужно?» — размышлял я, следя взглядом за оттисками заячьих лап.

Черемуха

Николай БРАУН

В метро черемуху внесли —
И вдруг в толпе, при свете резком
Пахнуло тихим перелеском,
Весенней свежестью земли.

Вагон рванул и, грохоча,
Поплыл сквозь гулкие туннели,
И в свете желтого луча
Цветы черемухи летели.

И там, в туннельной полумгле,
Она была такой влекущей,
Она звала к живой, цветущей,
Неумирающей земле.

Испанская народная песня

Гастон БЭСЕТТ

— Дитя Гранады, какие
игрушки есть у тебя!
— У меня есть слезы сухие,
в безнадежность играю я.

— Дитя Толедо, на праздник
твоей кукле платье сошьют!
— Моя кукла так безобразна,
что смертью ее зовут.

— Есть ли краски, дитя Оканьи,
у тебя, чтоб ты мог рисовать!
— Только пепел — мое достоянье,
чтоб по черному черным писать.

— Чем будут, дитя Овьедо,
тебя сегодня кормить!
— У меня не бывает обеда,
разве крысу удастся убить.

— Кто поет тебе колыбельную,
дитя Севильи, шалун!
— И мать и отец мой
расстреляны,
Франко — мой опекун.

— Что сидишь ты, дитя Арагона,
на открытом ветрам валуне!
— Здесь я сплю на скале
обнаженной
и Гернику вижу во сне.

— Всех бедней ты, дитя Наварры,
ты гол, как галька на дне.
— У меня есть струна от гитары,
чтоб петь о завтрашнем дне.

Перевел с французского
О. САВИЧ.

Гастон Бэсетт — молодой французский поэт. Его «Испанская народная песня» напечатана в прогрессивной газете «Леттр францез» в декабре 1953 года.

Собственные имена, за исключением Арагона и Наварры, — названия испанских городов. Арагон и Наварра — испанские провинции. Герника — город, снесенный с лица земли фашистской авиацией во время испанской войны, — символ испанского сопротивления фашизму.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Две Франции

Советские читатели уже знакомы с первым томом романа «Коммунисты». Недавно появился второй том романа, ожидавшийся у нас с большим нетерпением.

Продолжая развертывать монументальную картину французской жизни конца 30-х — начала 40-х годов, Луи Арагон доводит повествование до трагических дней весны 1940 года. Могильщики Франции торопятся с капитуляцией, открывают нацистским ордам дорогу на Париж, рассчитывая под командой гитлеровских генералов учинить расправу над разгневанным народом. Но Франция не собиралась капитулировать. Французские патриоты начали в самый разгар военной катастрофы закладывать основы будущего Сопротивления. Его застрельщиками выступили шахтеры Ланса, Курьера, Энен-Льетара — славный авангард пролетарских бойцов, воспитанных коммунистической партией. В тот день, когда гитлеровцы, имея в качестве подручных французские карательные войска, расстреливали шахтеров, подпольная организация коммунистов в одном из горняцких поселков готовила к выходу первый номер первой газеты Сопротивления. Так роман Арагона подводит нас к новому этапу борьбы французского народа за национальную независимость и свободу своей родины.

Перед нами произведение подлинно эпического размаха. Страницы, посвященные острому социальному и историческому анализу, чередуются с панорамами жизни Франции, портретная живопись — с быстрыми публицистическими зарисовками. Арагон широко развернул сатирический план романа, беспощадно разоблачая враждебный народу лагерь; светло звучат лирические главы — драгоценная проза замечательного поэта. Там, где раскрывается образ народа, борющегося в трудный час своей истории, Арагон достигает пафоса, которого французская литература не знала со времен Гюго и поэтов Парижской Коммуны.

Разнообразие художественных средств позволило превратить огромный материал фактов в живую ткань реалистического романа о Франции. В романе воплощена одна из важнейших тем прогрессивной литературы: тема величия передовых идей, побеждающих в борьбе двух лагерей, двух миров.

Реакцию Арагон разоблачает «по всей линии». Типичные для антинародного лагеря персонажи связаны друг с другом, как преступники, одной веревочкой, где бы они ни действовали: в правлениях банков, в военных штабах, в полиции или в тайных фашистских бандах. Философ Бердула воспевает в парижском салоне ту самую систему истребления народов, которую применяют в своих застенках немецкие гестаповцы и французские фашисты. Следы авантюр какого-нибудь Фреда Виснера — богатого промышленника, светского льва и спортсмена — ведут и в банду уголовника Ива Дюплесси, вместе с Фредом замучившего двух итальянских демократов, и в штабы французской реакционной военщины, и в кабинеты промышленников гитлеровской Германии — компаньонов Виснера по военному бизнесу.

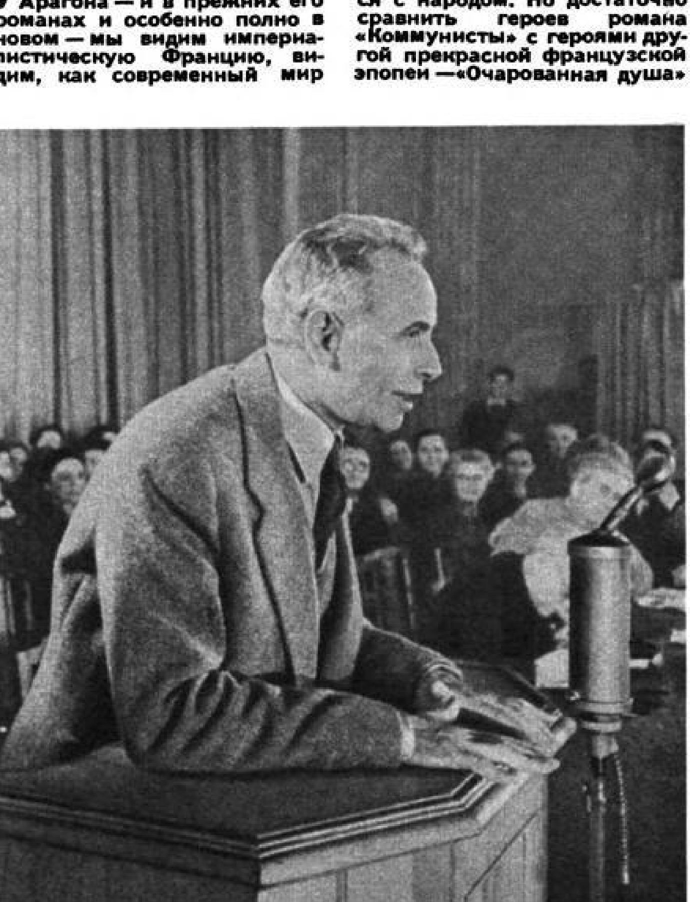
Так Арагон показывает «в разрезе» жизнь привилегированных классов Франции. У Арагона — и в прежних его романах и особенно полно в новом — мы видим империалистическую Францию, видим, как современный мир чистогана становится все более зверским, а его либеральная маскировка — все более подлой и непрочной. Развивая традицию Барбюса, Арагон с грозной силой обличает самое страшное из преступлений реакции: разжигание войны, коварное втягивание Франции в кровавую бойню. Самые благородные слова в устах современных рабов доллара, таких, как Виснер, как сенатор Висконти или Симон Котель — шпион, «обожающий» декадентскую поэзию,— грубая, чудовищная фальшь. Их витиеватый салонный жаргон скрывает лицемерную суть их мыслей, опустошенность жалких душонок.

Этому лживому миру противостоят образы людей, поражающих глубиной мыслей, подлинным богатством чувств.

Еще в поэзии времен Сопротивления Арагон создал образ эпического героя, обобщив лучшие черты людей, которые сплотились вокруг коммунистов, чтобы дать отпор чужеземному нашествию. В романе «Коммунисты» он развил эту тему, отвечая на те духовные запросы, которые предъявляют ныне народы, борющиеся за мир, демократию, культуру. Арагон блестяще решает важную задачу прогрессивной литературы: показать, что народ, берущий в свои руки свою судьбу, судьбу мира и демократии, берет в свои руки и судьбу отдельного человека.

Образ партии, созданный Арагоном,— это образ ведущей силы нации, активной силы, борющейся за человека, за подлинную его свободу. Об этом говорит история студента Жана де Монсэ, художника Жан-Блэза, стенографистки Маргариты Корвизар. Не в первый раз прогрессивная литература изображает людей, которые ищут правду, стараются сблизиться с народом. Но достаточно сравнить героев романа «Коммунисты» с героями другой прекрасной французской эпопеи — «Очарованная душа» Ромэн Роллана, чтобы понять, какие огромные сдвиги произошли и в литературе и в жизни французского народа за последние десятилетия. Жану Монсэ, Жан-Блэзу, Маргарите Корвизар уже не приходится, как героям Роллана, с таким трудом продираться сквозь «парижские джунгли», с такими мучениями «вырываться из пустыни индивидуализма». Ибо рядом с Жаном Монсэ стоят коммунисты: студент Пасторелли, рабочий Рауль Бланшар — люди большой мысли и горячего сердца, и они учат Жана понимать не только народ, но и самого себя, свою любовь, поэзию, жизнь, освобождаться от фальшивых конфликтов буржуазного индивидуализма. Рядом с художником Жан-Блэзом есть Лебек, который понял, что в рядах коммунистической партии он, труженик, обрел свое человеческое достоинство. Заслуга Арагона в том, что он показывает в закономерной связи и эволюцию людей, еще ищущих путь к народу, и духовное богатство тех, кто на наших глазах находит этот путь, становится в ряды передовых борцов. Стенографистка Маргарита Корвизар, у которой половина жизни уже съедена серым, ядовитым туманом обывательского существования, ныне вырвалась из этого тумана, преобразилась. В партийном подполье Маргарита станет подлинной героиней, быть может, равной Даниели Казанова. Разве это не рождение эпического образа?!

Такова сила воздействия передовых идей. Естественно, что носители этих идей — коммунисты,— чтобы стать достойными своей миссии, своей роли передовой силы нации, должны воплощать в себе лучшие черты народа. Такими их и изображает Арагон в полном соответствии с правдой жизни. Культу героя, вознесенного над массой, он противопоставляет образы людей, которые видят высший смысл жизни в том, чтобы быть достойными своего народа. Так, в неразрывной связи личной и общественной темы дан образ Бланшара, молодой работницы Маринетты, крестьянина Виктора Пезе и многих других.

Луи Арагон выступает в Москве перед участниками читательской конференции, посвященной обсуждению его романа «Коммунисты».

Фото С. Шингарева.

Оставшись в опустевшем Париже для опасной подпольной работы, Маринетта думает о светлом будущем Франции и о собственном счастье: «Посмотри... какой красивый наш Париж! Жаль только, что его так испоганили торгаши... Когда власть будет наша,—продолжает она, делая рукой широкий жест, захватывающий и статую Людовика XIV, и крыши, и расходящиеся лучами улицы,— ...когда власть будет наша, мы все здесь по-другому устроим. Вот тогда наш Париж станет настоящий красавец».

Мечтая о светлом будущем, Рауль Бланшар, его жена Полетта и другие герои романа обращаются мыслью к Советскому Союзу, стране, где вековая мечта народов о свободе и счастье стала реальностью. «Мы еще поживем,— раздумывает Бланшар.— И она, и я. Воспитаем мальчишку... будет читать пионерский журнал... выучится по-русски, очень бы мне этого хотелось... чтоб читать советские газеты, а мы к тому времени уже начнем стареть, будем гордиться, что он нам переводит. Интересно, какая тогда будет жизнь во Франции? Мерзавцев повыгонят. А работы на всех хватит. Как в Советском Союзе».

По-иному представляется будущее сенатору Висконти. Он тоже остается в Париже... Предвкушая приход гитлеровцев, сенатор думает не о счастье Франции, а о том, чтобы самому стать «победителем» с помощью иностранных штыков.

Два мира, два лагеря!

Сопоставляя историческое развитие с расчетами тех, кто пытался остановить ход истории, мы видим, как за эти четырнадцать лет выросли и продолжают расти во Франции силы мира и демократии и как безнадежно проваливаются подлые замыслы западноевропейской и американской реакции, пытающейся снова поработить Францию.

Роман Арагона великолепно напоминает о многих поучительных вещах. О том, как войска Англии — официальной союзницы французов,— аки тать в нощи, уплывали через Дюнкерк. О том, как заокеанский представитель не без садизма выжидал капитуляции. И, с другой стороны, о том, как шумная антисоветская кампания разочаровала ее организаторов и в конечном счете открыла глаза честным французам, осознавшим важность франко-советской дружбы.

Перевод романа Арагона требует подлинного проникновения в своеобразную художественную манеру автора. Арагон оригинально пользуется всеми средствами французского языка, всем его интонационным богатством. Речевые характеристики, полные острых контрастов диалоги тонко сочетаются с авторской речью, любовная лирика соседствует с публицистикой, языку военного историка придается заостренность гневной сатиры. Н. Жаркова, Н. Касаткина, Н. Немчинова и И. Татаринова выполнили свою задачу так, что перевод романа «Коммунисты» можно причислить к достижениям советского переводческого искусства.

Б. ПЕСИС

Арагон. Коммунисты. Роман. Том второй. Издательство иностранной литературы. М. 1953. 750 стр.

Эта небольшая книга рассказов о кавказской природе, несомненно, прочтется и детьми, но это вовсе не значит, что перед нами детская книга.

Главное, что отличает автора этих рассказов о природе, это прежде всего **свой глаз**, открывающий новое что-то в природе и как бы еще небывалое.

Можно к тысяче чужих взглядов прибавить одну тысячную долю своего, и получится терпимый рассказ. Но у Н. Сладкова есть свой собственный глаз, и он так много видит, что не нуждается в займе чужого.

Первый же рассказ, «Ночь на Кара-даге», в этом отношении нас покоряет и убеждает. Читая его, думаешь: «Где это я сам видел что-то подобное?» И вдруг вспоминаешь. Это было тоже в горах Кавказа, я стоял на тяге вальдшнепов. Небо горело безоблачное, и, когда солнце село, вдруг послышался знакомый звук, и вальдшнеп потянул — точно по струне дуги, соединяющей Казбек с Эльбрусом.

Это была настоящая находка: сюжет для описания значительного участка кавказской природы. Каждый любитель природы поймет, как было бы интересно «попутешествовать» вместе с вальдшнепом. В рассказе Сладкова «Ночь на Кара-даге» содержится сходная находка.

В свое время я много раз дивился, глядя на Горького, обрадованного встречей с какой-нибудь новой талантливой книгой. Назову для примера «По Уссурийскому краю» Арсеньева.

А теперь я и сам очень радуюсь тому настоящему, большому, что содержится в книжечке Сладкова.

Хорошо, если бы автор каким-нибудь простым сюжетом связал воедино природу всего Кавказа. Всякий, кто только думал о ландшафте нашей страны, чувствует большую потребность в такой книге.

Я раз или два там побывал, поохотился на туров, кабанов, поглядел на кабардинок-лошадей. Где-то в записных книжках хранятся у меня сотни всяких сюжетов, связывающих отдельные части Кавказа.

Так говорил я сейчас о вальдшнепе на струне от Казбека до Эльбруса. И тоже вот связывается хорошо Южный Кавказ с Северным одним случаем. Из косяка в Кабарде продали одну кобылу в Грузию, но эта лошадь своим неведомым путем через главный хребет вернулась в Кабарду и очутилась в своем косяке. Вот и сделать бы этот случай основой рассказа!

Да и мало ли еще не описанных чудес на Кавказе, и сколько всего там лежит в ожидании художника!

Михаил ПРИШВИН

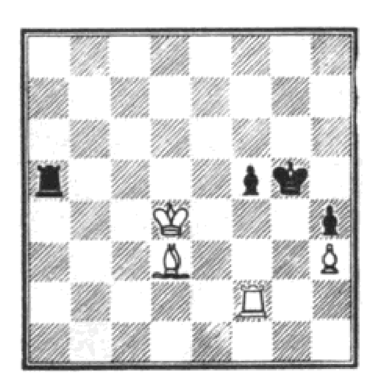
Н. Сладков. Серебряный хвост. Рассказы о кавказской природе. Детгиз. 1953. 68 стр.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера
М. БОТВИННИКА

ТРУДНЫЙ ЭНДШПИЛЬ

Партия по телеграфу Пенза — Керчь (V первенство городов РСФСР по телеграфу) осталась незаконченной и была передана на присуждение (белые — Пенза: Крd4, Лf2, Сd3, П. h3; черные — Керчь: Крg5, Ла5, П. f5, h4).

У белых слон за пешку; казалось бы, их выигрыш очевиден. Однако у черных есть неплохие ничейные возможности, например, после размена ладей ничья уже неизбежна, поскольку крайнюю пешку h белые не могут провести в ферзи при белопольном слоне. Однако, если белые сохраняют ладьи, этой ничейной возможности нет, и, придя к выводу, что технические трудности белых преодолимы, я присудил выигрыш белым.

На этом, собственно, все могло бы и закончиться, если бы керченские шахматисты не перешли в решительную «контратаку» (имея фигурой меньше!). Не признавая никаких присуждений, они утверждали, что черные должны сделать ничью; правда, варианты их были далеко не безошибочны, но, опровергая эти варианты, приходилось попутно находить лучшую защиту за черных... Наконец и арбитр матча оказался в недоумении: выигрыш ли здесь у белых... или ничья?

Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось потрудиться, но зато позиция была обследована со всей тщательностью.

Как же следует продолжать белым?

Прежде всего надлежит активизировать ладью:

1. Лf2—g2+ Крg5—f6!

Черные настороже. В случае 1. ... Крf4 2. Лg1! они оказываются в цугцванге (у них нет хорошего хода) и проигрывают — 2. ... Крf3 3. С : f5! или 2. ... Ла4+ 3. Крd5, и белый король прорывается к черным пешкам.

2. Лg2—g8 Ла5—а4+

Чтобы несколько оттеснить белого короля — для черных безопасно продолжение 3. Крd5 Ла3! (4. Лf8+ Крg7).

3. Крd4—e3 Ла4—а5!

Ладья здесь стоит превосходно: она надежно защищает пешку f5, не дает королю белых возможности прорваться в тыл черных и к тому же всегда может проявить активность.

Например, белые ничего не достигают после 4. Крf4 Ла4+ либо 4. Лh8 Крg5 5. Крd4 Ла3 (или Ла1). Ладья черных весьма активна отчасти потому, что она вне зоны действия белого короля — единственной фигуры, которая может напасть на черную ладью. Белым выгодно было бы «выкурить» ладью черных с крайней линии — нельзя ли это сделать при помощи цугцванга?

4. Лg8—d8! Крf6—g5
5. Лd8—d4 Ла5—e5+
6. Крe3—f3 Лe5—а5
7. Лd4—d6 . . .

Оказывается, цугцванг действует без промаха! Король черных ходить не может (7. ...Крh5 8. Крf4 Ла4+ 9. Кр : f5 Лf4+ 10. Крe5!), и, поскольку черные не хотят уступать без боя пятую горизонталь, они должны увести ладью с вертикали а.

7. . . . Ла5—e5
8. Лd6—а6 . . .

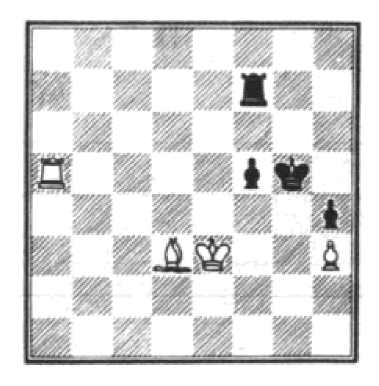
Итак, линия а завоевана, так что ладья черных стала менее опасной. Теперь надо оттеснить ладью и с пятой горизонтали.

8. . . . Лe5—c5
9. Крf3—e3 Лc5—d5
10. Ла6—а4 Лd5—d7

Увы! Это добровольное отступление вынужденно (10. ... Крh5 11. Са4!).

11. Ла4—а5 Лd7—f7

Итак, черные фигуры заняли пассивное положение. Белым остается только активизировать своего короля, но сейчас этого еще нельзя добиться (12. Крd4 Лd7+). Как же можно подготовить вторжение короля?

12. Сd3—c2!! . . .

Пожалуй, самый трудный ход за белых. Уводя слона с линии d, белые получают возможность прорываться королем через поле d5, не опасаясь шахов черной ладьи по линии d!

12. . . . Лf7—f8
13. Ла5—c5 Лf8—f7

Единственное,— но теперь черная ладья стоит ненадежно, и белые вводят в бой свой главный резерв.

14. Крe3—d4 Крg5—f4

Или 14. . . . Лd7+ 15. Крe5 Лe7+ 16. Крd6 Лf7 17. Крe6 Лf6+ 18. Крe7 Крg6 19. Лc8.

15. Крd4—d5 Лf7—f6

Плохо и 15. . . . Крg3 16. Крe6 и С : f5.

16. Лc5—c4+! . . .

Последняя тонкость. На 16. ... Крg3 следует 17. Крe5.

16. . . . Крf4—g5
17. Крd5—e5 Лf6—а6
18. Лc4—c5 Ла6—f6
19. Лc5—а5 Лf6—f8
20. Крe5—e6

Итак, король прорвался: черным не удержать пешки f5 (20. . . . Лf6+ 21. Крe7 Крg6 22. Ла1 и Лg1+), и выигрыш очевиден.

Трудная, хотя и логичная маневренная борьба! Может быть, теперь товарищи керчане не будут возражать против присуждения им проигрыша.

Индийские народные сказки

Сказки были записаны и переведены с санскрита на русский язык известным ученым И. П. Минаевым в 1875 году во время его пребывания в Индии.

Рисунки В. Высоцкого.

Крестьянин и слуга

Встретились как-то на дороге два человека: крестьянин и слуга магараджи. Спрашивает слуга:

— Скажи мне, друг, сколько в твоей деревне жителей, сколько домов, сколько брадобреев, сколько слуг, сколько жрецов?

Отвечает крестьянин:

— В моей деревне девять жителей, девять домов, девять брадобреев, девять слуг, девять жрецов.

— Как же это так? — удивился слуга магараджи.

— А вот как: в моей деревне все жители сами делают все работы.

Пять хлебов

Один человек ходил каждый день на базар и покупал пять хлебов.

Как-то встретил он своего друга, тот его и спрашивает:

— Скажи, зачем ты пять хлебов покупаешь?

А он отвечает:

— Один я сам ем, два взаймы даю, двумя долг плачу.

— Не понимаю, — говорит друг.— Объясни мне, чтобы я тебя понял.

— Ну как же: один хлеб я сам ем, два хлеба детям даю, два — отцу с матерью.

Писец

Один купец приходит как-то к писцу и просит его:

— Будь добр, напиши мне письмо!

— Я бы рад,— отвечает тот,— да нога у меня болит.

— Я же тебя никуда не посылаю! Почему ты мне так отвечаешь?

— Это-то так! Да вот кому ты письмо просишь написать, пришлет за мной, чтобы прочитать его. Другому моего письма не разобрать.

Умный врач

Пришел к врачу один человек и говорит:

— Господин врач! У меня болит живот, полечи меня!

— А что ты вчера ел? — спрашивает врач.

— Зеленые фрукты! — отвечает больной.

— Тогда вот тебе лекарство от глаз.

— Зачем же от глаз?

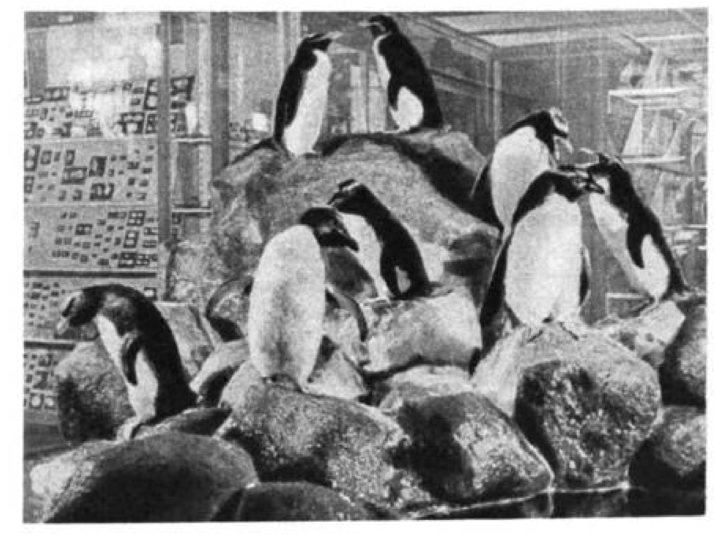
— А чтобы другой раз ты лучше смотрел, что ешь.

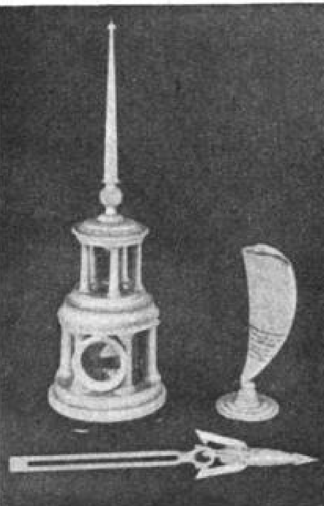
Подарки флотилии «Слава»

В одном из залов зоологического музея Академии наук СССР недавно создан небольшой «островок». На его каменных глыбах удобно расположились забавные пингвины. Это, конечно, чучела, но их не сразу отличишь от живых птиц.

Пингвины были пойманы моряками экипажа китобойной флотилии «Слава» в Антарктике и доставлены в замороженном виде в Одессу. Приехавшие из Ленинграда научные сотрудники Зоологического института препарировали птиц: сняли шкуры, засолили и привезли в Ленинград, где в мастерских музея изготовили чучела пингвинов.

«Островок пингвинов».

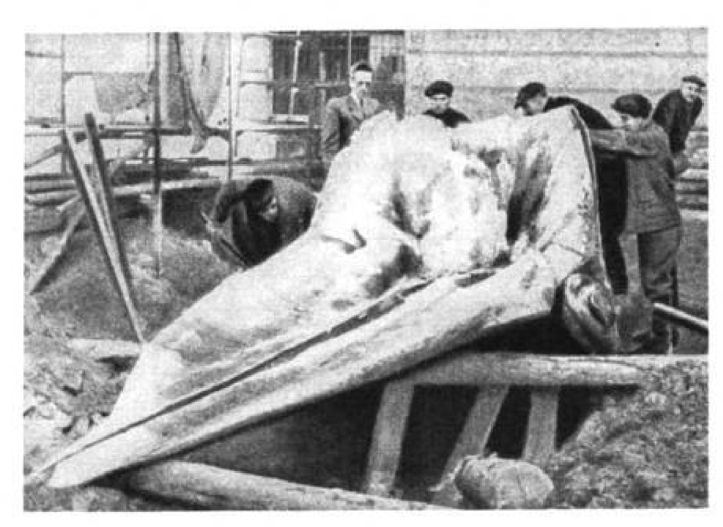

Изделия из зубов кашалота.

В другом зале выставлены художественные изделия из зубов кашалота: мастерски исполненные заводные часы в виде башни, скульптурные портреты, модель гарпуна. На одном зубе изображены кит и сидящий на льдине пингвин. На этом изделии надпись: «Ленинградскому зоологическому музею Академии наук СССР от экипажа АКФ [1] «Слава». Здесь же экспонируется комплект снаряжения китобойной флотилии: гарпуны, снаряд, капсюль, пыж, гильза снаряда китобойной пушки, пеньковый и шелковый линь...

Подарила флотилия «Слава» музею еще и скелет кашалота. Он лежит в земле, во дворе музея, обезжириваясь в песке. Длина скелета кашалота — 18 метров. Один только его череп весит полторы тонны. Скоро кашалот будет выкопан из земли, собран и выставлен для обозрения в музее.

К. ПЕТРОВ

Череп кашалота.

Фото С. Иванова.

[1] Арктическая китобойная флотилия.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Город-герой. 7. Самоотверженный поступок. 8. Военнослужащий. 9. Город в Украинской ССР. 11. Советская республика. 13. Положительный электрод. 14. Официальный документ. 15. Роман Ф. Гладкова. 17. Река, впадающая в другую реку. 19. Выдающийся оратор. 21. Сооружение над шахтой. 22. Героиня повести в стихах А. Яшина. 23. Сообщение. 25. Тяжелый металл. 26. Документ для проезда. 28. Химический элемент. 29. Ленинградский завод. 30. Искусство резьбы по камню. 31. Улучшение сорта растений или породы животных.

По вертикали:

1. Человек, обладающий высшей творческой способностью. 2. Высшее учебное заведение. 3. Воодушевление, энтузиазм. 5. Страна. 6. Общественная критика недостатков работы своего предприятия, своей организации. 10. Полуостров на юге СССР. 11. Печатный листок злободневного политического содержания. 12. Передовая часть общественной группы. 13. Река Азии. 16. Окончательная отделка тканей, кожи. 17. Автор пьесы «Семья». 18. Твердое тело, имеющее определенное, упорядоченное строение. 19. Прядильно-ткацкие изделия. 20. Совокупность однородных предметов. 22. Смотр искусства. 24. Группа представителей. 26. Словарный состав языка. 27. Начало утра.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

5. «Коммунар». 6. «Батрачка». 9. Корнейчук. 11. Гайдай. 12. Гуцулы. 13. Казачок. 14. Родина. 15. Ирмино. 18. «Миргород». 19. Никополь. 21. Собко. 22. Такси. 23. Прут. 25. Явор. 28. Лысенко. 30. План. 31. Союз. 34. Плахта. 36. Довбуш. 40. Вершигора. 41. Мастер. 42. Дашава. 43. Бойченко. 44. «Катерина».

По вертикали:

1. Экипаж. 2. Каховка. 3. Галушки. 4. Басоля. 7. Левада. 8. Бандурист. 10. Аудитория. 16. Коломыйка. 17. Чистяково. 20. «Черевички». 24. «Успех». 26. Вызов. 27. Рада. 29. Фонд. 32. Элеватор. 33. Буковина. 35. Тетерев. 37. Образец. 38. Чеснок. 39. Бровка.

Из почты «Огонька»

«С полем»

Это было поздней осенью на озере Вашутино, Петровского района, Ярославской области.

На юг улетали последние стаи гусей и уток. Охота уже кончалась. Но начинался хороший осенний клев — «жор» щуки и окуня.

Рыболов-спортсмен И. Волосок поставил на ночь перемет, нацепив на крючки мелких живцов. Утром, когда он приехал проверить свою снасть, его глазам представилась неожиданная картина. Перемет... реял в воздухе. Вверху, зацепившись за один из его крючков, металась утка. Улететь с переметом ей, видимо, было все же не под силу. Так утка, кормившаяся на озере, нырнув в очередной раз за добычей, неожиданно попала на крючок.

Рыболов хотя и не поймал на этот раз рыбы, зато, как говорят охотники, оказался «с полем».

А. КУДРЯВЦЕВ

Изошутка Ю. Черепанова.

ПО СУЩЕСТВУ О ФОРМАХ

Шутка

Ты «малых форм» не ценишь с давних пор,
Я их ценю... Вступать не стоит в спор!
Не в форме суть! Возьмите лучше пробу
Из разных форм. Случается порой:
Из форм больших выходит хлеб сырой,
А в малых формах выпекают сдобу!

Эмиль КРОТКИЙ

В этом номере на вкладках: репродукции картин П. Назарова и Н. Герелюка — портрет Владимира Ильича Ленина, А. Лопухова — «В Петроград», две страницы портретов участников IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов работы Н. Христолюбова и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 00606. Подп. к печ. 12/I 1954 г. **Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.** Тираж 650 000. Изд. № 74. Заказ 3254. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

СКУЛЬПТУРНЫЙ МОНУМЕНТ „ВОЛГА"

На берегу Рыбинского водохранилища воздвигнут скульптурный монумент «Волга». Олицетворяя воспетую в песнях могучую реку, стоит над беспредельным водным простором русская женщина. В руках у нее чертеж, у ее ног пролетает буревестник — символ борьбы и дерзаний, символ далеких морских странствий. На цоколе монумента начертаны ленинские слова:

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

С особым чувством воспринимаются бессмертные эти слова здесь, на Волге. На ее берегах родился и рос Ленин. Юношей вынашивал он мечту о свободе и счастье народа, о его светлом будущем.

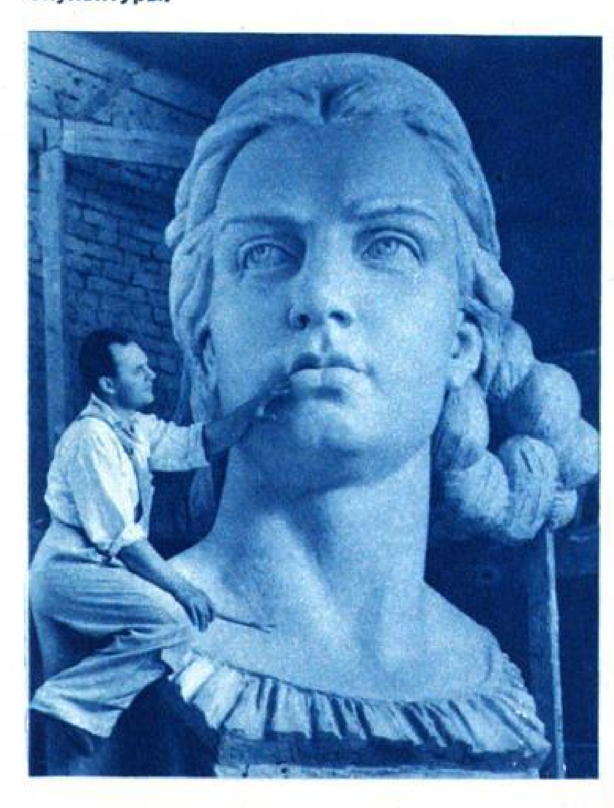
Все, что задумал Владимир Ильич, стало явью наших дней в стране победившего социализма. Ленинские заветы осуществлены Коммунистической партией Советского Союза. Нынешняя Волга — пример мудрого преобразования природы, обновления родной земли. Там, где стоит величественный монумент, прежде было такое мелководье, что в летнюю пору не могли ходить по реке даже мелкосидящие суда, пароходы застревали на перекатах, а в ряде мест реку переходили вброд. Нет теперь мелей, песчаных кос, топляков и карчей — с весны до осени плещутся волны Рыбинского моря, и бесчисленные корабли идут отсюда в Белое море и Балтийское, на Каспий, в Азовское море и Черное.

Волга стала крупнейшей транспортной магистралью Советской страны. Большие корабельные пути пролегли от стен Московского Кремля по каналу имени Москвы и по Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина к теплым морям юга. Но Волга — это не только величайшая трасса к пяти морям: Волга превращается в величайшую «фабрику электричества».

Щербаковская ГЭС занимает второе место в Европе после Днепровской гидроцентрали имени В. И. Ленина. Соединенная энергетическим кольцом с Иваньковской и Угличской ГЭС, она дает ток столице нашей Родины — Москве. Близок день, когда в Москву хлынет электрическая энергия с крупнейшей в мире Куйбышевской гидроэлектрической станции, а за ней вступит в строй второй гигант — Сталинградская ГЭС.

Придет весна, и когда теплые ветры сгонят с волжских морей тяжелые льды, пойдут по великой реке корабли. И тысячи пассажиров увидят издалека скульптурный монумент, воплотивший в бетон и гранит народную любовь к могучей красавице Волге.

На снимках: статуя-монумент «Волга», созданная московским скульптором С. Д. Шапошниковым; постамент работы В. С. Малашкиной и Н. В. Донских; **внизу** — фрагмент скульптуры.

ЛЕНИН
СТАЛИН

Цена номера 3 руб.